

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

1 (60)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 1 (60), 2024

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

1 (60)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 1 (60), 2024

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l   b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Березин Я.Б.</i>	О миниатюрных сосудах кобанской культуры	7
<i>Гугова М.Х.</i>	Специфика реализации социальной политики советского государства в Кабардино-Балкарии (1917 – 1930-е гг.)	20

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дзыгъуанэ Р.Хъ.</i>	Лъабжьэужь –с-ым адыгэбзэм гъэпсыкІэ зэхэль зиІэ лэжьыгъэцІэхэм кыщигъэхьу макъзэблэхьухэм щагъэзащІэ къалэнхэр	26
<i>Токъмакъ М.Хъ.</i>	Адыгэбзэ ІуэрыІуатэбзэм и лексикэ-грамматикэ щхьэхуэныгъэхэр	34
<i>Шэру Н.Гъу.</i>	Адыгэбзэм и бесльэней щІыпІэбзэм иІэ фонетикэ щхьэхуэныгъэхэр	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Абазов А.Ч.</i>	Из славной династии Кашежевых: о творческом наследии литературоведа Людмилы Кашежевой	52
<i>Алхасова С.М.</i>	Основные мотивы поэзии Инны Кашежевой	58
<i>Сарбаишланы А.М.</i>	Къудайланы Маштайны чыгъармачылыкъ хазнасы (тарых эм жашау жолу бла байламлыгы)	65
<i>Торогельдиева З.Н.</i>	Философское осмысление ценности человеческого бытия в поэзии Инны Кашежевой	73
<i>Хакуашева М.А.</i>	Мифо-фольклорная, эпическая структура романа М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо»	80
<i>Гутов А.М., Гутова Л.А.</i>	Паремии в песенном контексте	91

IN MEMORIAM

<i>Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М.</i>	Мир человека в зеркале родного языка: Алий Адуевич Жаппуев	103
--	--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Berezin Y.B.</i>	About miniature vessels of koban culture	7
<i>Gugova M.Kh.</i>	Specificity of implementation of social policy of the soviet state in Kabardino-Balkaria (1917–1930s)	20

LINGUISTICS

<i>Dzukanova R.Kh.</i>	The role of ablaut alternations caused by the suffix <i>-c</i> in the verb of the Kabardino-Circassian language ...	26
<i>Tokmakova M.H.</i>	Lexico-grammatical features of the folklore style of the Kabardian-Circassian language	34
<i>Sherieva N.G.</i>	Phonetic peculiarities of the besleney Dialect of the Kabardino-circassian Language	42

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Abazov A.Ch.</i>	From the glorious Kashezhev dynasty: about the creative heritage of literary critic Lyudmila Kashezheva	52
<i>Alkhasova S.M.</i>	Main motives of Inna Kashezheva's poetry	58
<i>Sarbasheva A.M.</i>	Creative heritage of Kudaev Mashtay (historical and biographical aspect)	65
<i>Torogeldieva Z.N.</i>	Philosophical understanding of the value of human existence in the poetry of Inna Kashezheva	73
<i>Hakuasheva M.A.</i>	Mytho-folklore, epic structure of M. Elberd's novel «The Path to Oshkhamakho is Terrible»	80
<i>Gutov A.M., Gutova L.A.</i>	Paremiias in a Song Context	91

IN MEMORIAM

<i>Makhieva L.Kh., Lokyaeva Zh.M.</i>	The human's world in the mirror of the native language: Aliy Aduевич Zhappuev	103
---	---	-----

Научная статья
УДК 902(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-7-19

О МИНИАТЮРНЫХ СОСУДАХ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Яков Борисович Березин

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии имени Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, yakov_berezin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0417-4668>

© Я.Б. Березин, 2024

Аннотация. В статье рассматривается одна из разновидностей керамической посуды кобанской археологической культуры Северного Кавказа. Речь идет о миниатюрных сосудах, высота которых не превышает 5–6 см. Они известны из бытовых памятников (поселений) на всей территории региона, преобладая в предгорной и равнинной зоне. Общая датировка предметов XII–V вв. до н.э. Во время раскопок они обнаруживались как непосредственно в культурном слое, так и в хозяйственных ямах и разного рода производственных и бытовых комплексах. Существует мнение об использовании подобных сосудов в культовых целях. Изучение миниатюрной керамики находится в начальной стадии, идёт накопление материала и предпринимаются первые попытки его обобщения. К сожалению, значительная часть уже найденных материалов не опубликована.

Ключевые слова: Эпохи поздней бронзы – раннего железа, кобанская культура, поселения, керамическое производство, миниатюрные керамические сосуды, популяции человека, археологические материалы

Для цитирования: Березин Я.Б. О миниатюрных сосудах кобанской культуры // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 7–19. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-7-19

Original article

ABOUT MINIATURE VESSELS OF KOBAN CULTURE

Yakov B. Berezin

D.N. Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, yakov_berezin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0417-4668>

© Y.B. Berezin, 2024

Abstract. Koban archaeological culture of the North Caucasus. We are talking about miniature vessels whose height does not exceed 5–6 cm. They are known from everyday monuments (settlements) throughout the region, prevailing in the foothill and plain zone. General dating of objects of the XII–V centuries BC. During excavations, they were found both directly in cultural layers, and in household pits and various kinds of industrial and household complexes. There is an opinion about the use of such vessels for religious purposes. The study of miniature ceramics is in its initial stage, the accumulation of material is underway and the first attempts are being made to generalize it. Unfortunately, a significant part of the materials already found have not been published.

Keywords: Late Bronze – Early Iron epochs, Koban culture, settlements, ceramic production, miniature ceramic vessels, human populations, archaeological materials

For citation: Berezin Y.B. About miniature vessels of koban culture. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 7–19. (In Russ.). DOI:10.31007/2306-5826-2024-1-60-7-19

Кобанская культура вошла в мировую археологию ярчайшими находками из погребальных комплексов, первую очередь, изделиями из металла. «Кобанские бронзы» из разграбленных могильников украсили многие музеи мира и частные коллекции [Уварова 1900: 11–12; Ковалевская 1984: 18–21]. На этом фоне в течение длительного времени в тени оставались материалы поселений. Первые сколько-нибудь масштабные раскопки бытовых памятников (Нестеровское, Алхастинское, Луговое, Змейское поселения) были проведены в середине XX века советскими учёными, ведущую роль в организации исследований сыграл Е.И. Крупнов [Крупнов 1960: 137]. Материалы этих работ опубликованы выборочно [Крупнов 1949: 27–41; Крупнов 1960: 13–165]. По мере накопления информации из раскопок бытовых памятников, особенно в последние десятилетия, продолжалось углублённое исследование материальной культуры, связанной с повседневной жизнью «кобанцев».

В данной работе мне бы хотелось обратить внимание на одну из категорий керамических изделий, миниатюрные сосуды. Грань между малыми, но вполне практичными изделиями и миниатюрными, не предназначенными для повседневного использования, формами, достаточно зыбка. Поэтому она проведена условно, рассматриваются сосуды, наибольшее измерение которых не превышает 5–6 см. В настоящее время накопилось некоторое количество коллекций подобных изделий, происходящих, главным образом, из кобанских поселений. Целью статьи является обзор доступных материалов и, скорее, постановка вопроса об их происхождении и использовании, нежели его решение*.

Вероятно, первой обратила целенаправленное внимание на миниатюрные сосуды В.И. Козенкова. В результате раскопок Сержень-Юртовских поселений в Чечне, проходивших в 1958–1966 гг. (1958–1959 гг. работами руководил Р.М. Мунчаев, в 1960 г – Н.Я. Мерперт, в 1961–1966 гг. В.И. Козенкова) была исследована площадь в 3564 кв.м. и собран огромный фактический материал [Козенкова 2001: 5–8]. Памятник, в целом, датируется от конца XI до начала V вв. до н. э. [Козенкова 2001: 75–86].

Опубликованные предметы являются, главным образом, моделями известных на этом же поселении полноразмерных сосудов (рис. 1) [Козенкова 1982: 5–8; Козенкова 2001: 29–30, рис. 59, 2–8]. Любопытно, что одна из моделей копирует технологический предмет, льячку (ложку для разлива расплавленного металла) (рис. 1,3). Автор раскопок отнесла эти изделия к предметам культа, основным аргументом для это послужило то, что 5 предметов были обнаружены в комплексе «жертвенника» № 4. Отметим, что в остальных «жертвенниках» миниатюрных сосудов не найдено, всего исследовано семь подобных объектов. Всего же на Сержень-Юртовском поселении было обнаружено 37 миниатюрных сосудов [Козенкова 1982: 66].

Идея, что раскопанные В.И. Козенковой на Сержень-Юртовском поселении обожжённые глиняные площадки в домах и возле них являются культовыми, исследователем скорее провозглашалась, чем доказывалась. Аналогичная площадка, раскопанная В.Б. Ковалевской в ходе работ 1977–1980 гг. на поселении

* Статья представляет собой расширенный и переработанный текст доклада, прочитанного автором на традиционной научно-популярной конференции «XI Неделя археологии» в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в августе 2023 г.

Уллубаганалы в верховьях р. Подкумок, довольно убедительно трактуется ею как хозяйственный объект [Ковалевская 1984: 63–64]. Две точно такие же площадки, обнаруженные при раскопках Змейского поселения в 1957 г. однозначно определяются авторами раскопок как очаги [Деопик Крупнов 1961: 13–14], а ещё одна, лучше сохранившаяся, как тондыр (печь для выпечки лепешек) [Деопик Крупнов 1961: 15]. Во всех случаях вокруг описанных объектов находились кости животных, керамические сосуды, зернотёрки и проч.

Один миниатюрный сосудик происходит из Алхастинского поселения в западной части Чечни [Козенкова 1982: 66], раскопки Е.И.Крупнова 1938–1939 гг. [Крупнов 1941: 157–198]. Автором раскопок данный памятник датирован в рамках VIII–VI до н.э. [Крупнов 1960: 157]. К сожалению, сам сосудик не опубликован.

В 1940 и 1946 гг. экспедициями ГИМ и ИИМК под руководством Е.И. Крупнова раскапывалось Нестеровское поселение на территории современной Ингушетии, датирующееся VI–V вв. до н.э. [Крупнов 1960: 169]. Керамике поселения посвящена отдельная статья, однако о миниатюрных сосудах только упоминается: «..встречены .. и совсем маленькие.» [Трубникова 1950: 18]. Форму и количество находок пока установить не удалось.

В 1995 г. мною проводились раскопки части Грушевского городища, расположенного на юго-западной окраине г. Ставрополя [Березин 2004: 108–124]. Была вскрыта сравнительно небольшая площадь в 260 кв.м. с довольно насыщенным культурным слоем мощностью до 1 м. Здесь была собрана небольшая серия из 6-ти миниатюрных сосудов [Березин 2004: 123–124, рис. 12, 1–6]. Нетрудно увидеть, что они также представляют собой имитации известных форм либо грубые поделки (рис. 3). Иногда это просто комок глины с полостью в центре, изображающий сосуд. Все они плохо обожжены и не пригодны для утилитарного использования. Предметы найдены в культурном слое городища и в хозяйственных ямах.

В 2021 и 2023 масштабные новостроечные раскопки на территории Грушевского городища проводили ООО «Наследие» (Т.А. Габуев) и ООО «НИИ «Севкавархеология» (В.И. Руденко), обе организации из города Ставрополя. В общей сложности исследовано порядка 35 000 кв.м. культурного слоя. В ходе раскопок обнаружена большая серия миниатюрных сосудов, не уступающая по количеству Сержень-Юртовской*.

В 2005–2008 гг. совместная археологическая экспедиция ИА РАН, Германского археологического института (г. Берлин) и ООО «Наследие» (г. Ставрополь) вела раскопки поселения Кабардинка 2, расположенного в 7 км южнее города Кисловодска, на горном плато, высота над уровнем моря порядка 1300 м. По радиоуглеродным датам поселение отнесено к XIII – началу IX вв. до н.э. [Белинский с соавт., 2009: 195]. Было исследовано два помещения, сделан ряд зондажей, собрана представительная коллекция керамики. Она включала, помимо всего прочего, небольшую коллекцию из 6-ти целых и фрагментированных миниатюрных сосудов, высота ни одного из них не превышала 3 см (рис. 5) [Renholdu.a. 2017, Abb 112, Tafel 36, 1–5, 8]. Сосуды копировали известные на поселении формы или представляли собой грубо лепные изделия.

В 2009 году комплексной экспедицией ряда археологических учреждений Северного Кавказа было исследовано 3 000 кв. м. культурного слоя поселения Кишпек II в Кабардино-Балкарии [Доценко с соавт. 2013: 9–174]. Впоследствии часть найденных материалов была опубликована в ряде статей, поселение предварительно датировано первой половиной VII в. до н.э.[историографию смотри:

* Коллекция обрабатывается и готовится к публикации. Моя искренняя благодарность коллегам, к.и.н. Т.А. Габуеву (ГМИНВ, г. Москва) и В.И. Руденко (ООО Севкавархеология, г. Ставрополь) за информацию.

Мокрушин, Нарожный 2021: 13–14]. Авторы публикаций упоминают о миниатюрных сосудах [Мокрушин, Нарожный 2020: 131], но в данном случае речь идёт о хорошо известных небольших, обычно, круглодонных, кубках с пышной орнаментацией [Мокрушин, Нарожный 2021: рис. 3, 7, 14]. Груболепных сосудиков, типологически близких описанным выше, на этом поселении, кажется, найдено не было*. Впрочем, возможно ситуация изменится после полной публикации находок данного памятника.

В 2013–2014 гг. М.А. Бакушевым исследовался многослойный памятник Змейское поселение в Северной Осетии [Бакушев 2021: 9–42]. Культурный слой поселения эпохи раннего железа практически не сохранился, будучи разрушен средневековым поселением и могильником. Тем не менее, удалось исследовать несколько хозяйственным ям кобанского времени и собрать относящуюся к данной культуре коллекцию керамики из нестратифицированных отложений. К нашей теме относится ряд миниатюрных сосудов [Бакушев 2021: рис. 4, 13; 5, 19; 11, 9; 17, 1; 28, 1]. Почти все сосуды представляют собой кувшинчики – черпачки с высокой ручкой либо горшочки-кубки (рис. 2). Сосуды довольно качественно сделаны, залощены, зачастую орнаментированы, что сильно отличает их от миниатюрных сосудов других памятников. Эти сосудики высотой порядка 4–6 см были выделены в отдельную, пятую группу керамики авторами раскопок Змейского поселения 1957 г., Д.В. Деопиком и Е.И. Крупновым [Деопик Крупнов 1961: 20, рис. 7, 1–4].

Однако, кроме указанных сосудов из раскопок Змейского поселения известна и другая серия миниатюрных сосудов, частью повторяющих форму керамики «нормального» размера, частью представляющих собой грубые поделки, аналогичные грушевидным [Деопик Крупнов 1961: 26, рис. 8, 9]. Всего учтено 14 подобных сосудов. Авторы раскопок не высказываются однозначно о возможном предназначении миниатюрной керамики, предполагая, однако, мысль о ее, скорее, хозяйственном использовании (для хранения приправ) [Деопик Крупнов 1961: 26].

В 2017–2018 гг. ООО «Севкакавархеология» (г. Ставрополь) проводило значительные по объёму раскопки поселений Урухское в Георгиевском районе и Придорожное в Кировском районе Ставропольского края, автор раскопок К.Б. Колесниченко. Оба памятника предварительно датированы скифским временем. На Урухском поселении миниатюрных сосудов не было найдено, на Пригородном какое-то их количество было обнаружено**.

Ещё одна серия миниатюрных сосудов из 6-ти предметов происходит из сел. Терезе в Карачаево-Черкесии, обстоятельства находки остались неясными, но все предметы были собраны в одном месте [Березин 2023: 182–188]. Сосуды лепные, поверхность, главным образом, серого цвета, иногда серо-коричневая (рис. 4). У пяти сосудов она шероховатая, неровная, у шестого, кружки, заглажена. Пять сосудов однотипны, их высота колеблется от 4.7 до 6.5 см. Все они имеют похожую, стакановидную форму, плоскодонные, безручные, тулово слабо расширяется в нижней трети. В нижней части стенок, у дна, имеется в разной степени выраженная, круговая вдавленная полоса. Находки не орнаментированы. Два сосудика (рис. 3, 3, б) несут на поверхности широкие (0.4–0.6 мм) вертикальные вдавленные полосы, идущие от венчика и до дна, но это скорее всего, следы небрежного заглаживания поверхности. Прямые аналогии этим сосудикам мне не известны, стакановидные формы не очень характерны для кобанского керамического комплекса. Датировку коллекции первой половиной I тыс. до н.э. определяет шестой сосуд, кружка [Березин 2023: 184].

* Это подтвердил в личной беседе руководитель раскопок поселения Кишпек-2, д.и.н., Е.И. Нарожный. Моя искренняя благодарность коллеге.

** К сожалению, научный отчет по данным раскопкам до сих пор не подготовлен, публикаций нет. За предоставленные сведения автор искренне благодарен К.Б. Колесниченко.

Миниатюрный сосуд происходит из пог. 35 Белореченского 2-го могильника, раскопки С.Л. Дударева 1980 г. [Дударев 2004: 30–31, 50–51]. Погребение датируется VII–VI вв. до н.э. Более крупный из двух сосудов имеет высоту 7.8 см и, строго говоря, выходит за рамки рассматриваемой темы (рис. 6). Обе миниатюрные кружечки находились внутри крупной керамической корчаги, в свою очередь, расположенной не в погребении, а в специально пристроенной в нему камере, названной С.Л. Дударевым «поминальной» (рис. 6) [Дударев 2004: 31, рис. 29]. Отметим, что находка крупных корчаг в сочетании с небольшим сосудом для питья (варианты: кубок, кружка) достаточно часты в кобанских могильниках [Белинский Дударев 2015: 270–271]. В нашем случае следует также отметить, что погр. 35 принадлежало ребёнку 7–8 лет [Дударев 2004: 31]. Находку здесь миниатюрного сосуда следует рассматривать как вариант хорошо известной детали кобанского погребального обряда, а кружки явно предназначались для использования при употреблении одержимого корчаги. И в данном случае неважно кто должен был это делать, умерший или живые.

Миниатюрные сосуды известны на поселенческих памятниках синхронной меотской культуры левобережья Кубани [Коцева, 2020: 113–114]. Они имитируют формы местной керамики, хотя есть и близкие нашим стакановидные формы. Важной деталью является то, что подавляющая часть этих сосудов была найдены вблизи гончарных печей [Коцева, 2020: 119–120, рис. 17].

Попробуем суммировать представленную выше информацию:

1) Территориально находки миниатюрных сосудов обнимают весь ареал предгорно-плоскостной зоны кобанской культуры: восточная часть (Сержень-Юртовское, Алхастинское, Несторовское, Змейское поселения), западная часть (Грушевское городище, поселения Кабардинка, Придорожное, находки у сел. Терезе). При этом, в случае копирования реальных типов керамики, воспроизводятся существующие на данном поселении полноразмерные формы.

2) Единственным памятником с находками миниатюрных сосудов в горной зоне пока является поселение Кабардинка 2. На мой взгляд это, в первую очередь, связано с плохой исследованностью бытовых памятников в горах. Материалы блестящих раскопок А.П. Мошинским поселения Сауар V–IV веков до н.э. в Дигорском ущелье опубликованы выборочно либо в форме тезисов, сведений о миниатюрных сосудах не приводится [Мошинский 2006: 70–73].

3) Общая датировка рассмотренных типов миниатюрной посуды пока укладывается в последнюю треть II тыс. до н.э. – первую половину I тыс. до н.э. Наиболее ранняя серия, из поселения Кабардинка 2, уже (учитывая небольшой объём раскопок) весьма представительна. Это указывает на большую древность данной традиции.

4) В целом, серия миниатюрных сосудов кобанской культуры производит впечатление довольно разнородной, единственным объединяющим признаком её служит размер. На мой взгляд из дальнейшего рассмотрения стоит исключить сосуды типа кувшинчиков – черпачков и плоскодонных кубков из Змейского поселения, а также округлодонных кубков из поселения Кишпек II. Возможно, к этой же группе следует отнести кружки из Грушевского городища (рис. 3, 1–2) и Белореченского могильника 2 (рис. 6). Несмотря на свой малый размер, они тщательно сделаны, зачастую богато орнаментированы и производят впечатление посуды для вполне практического применения. Другое дело, что применение, возможно, не было повседневным.

5) Как уже было сказано выше, большинство миниатюрных сосудов повторяет формы крупных предметов. Это делает, на мой взгляд, бесполезным создание какой-то отдельной формальной типологии. Можно лишь выделить сосуды «реалистичные» и крайне грубо сделанные. Отдельно стоит упомянуть модель льячки

их Сержень-Юртовского поселения, которая, строго говоря, не является сосудом, однако явно примыкает к группе миниатюрных моделей.

б) Абсолютное большинство находок происходит либо из культурного слоя поселений, либо из хозяйственных ям. Миниатюрные сосуды явно не представляли собой какой-то особой ценности и отношение к ним было такое же, как и к другим бытовым предметам, они терялись, ломались, выбрасывались по мере исчерпания их предназначения, какое бы оно не было.

Вопрос о характере применения данной группы керамики сколько-нибудь серьёзно ещё не рассматривался. В.И. Козенкова сразу отнесла миниатюрные сосуды к предметам культа [Козенкова 1982: 66]. Однако, даже в одной из своих последних работ, подводившей итог многолетнего изучения духовного мира кобанских племен, миниатюрные модели сосудов, как предметы культа, ею упомянуты не были [Козенкова 2017: 33–48]. Замечательный советский и российский археолог И.С. Каменецкий высказал в своей монографии «История изучения меоты» прекрасное суждение, очень близкое мне по духу. Смысл его заключается в том, что, при отсутствии живых носителей определённой религиозной традиции или достаточного количества сохранившихся священных и обрядовых текстов: «... любая религия иррациональна, и поэтому нет возможности её реконструкции на основании вещественных остатков, которые дают нам раскопки» [Каменецкий 2011: 310]. Можно лишь делать умозаключения самого общего порядка. Например, о существовании веры в загробную жизнь, в сверхъестественных существ, восстановить в самом общем плане процесс похорон и т.п. Однако смысл и содержание конкретных обрядов, остатки которых доходят до нас в виде материальных предметов и полученной в результате раскопок информации, для нас остаются неясными. Насчет всего остального, по большому счёту, мы можем только делать предположения. На практике это приводит к анекдотическим заключениям типа «Непонятный предмет культового предназначения». По всем указанным выше резонам вопрос о «культовости» миниатюрных сосудов я оставляю открытым.

Мною в работе 2004 года было высказано предположение о том, что находки миниатюрных форм представляют собой след процесса первоначального обучения гончарному ремеслу юных кобанцев [Березин, 2004: 113]. При просмотре собранной коллекции, насчитывающей уже 22 предмета, с учётом исключения миниатюрных сосудов, явно предназначенных для питья (кубки, кружки, черпачки), можно проследить все стадии роста квалификации «мастеров». Самые простые представляли собой кое-как вылепленные и едва обожжённые куски глины (рис. 1,6: 3, 3–5, 5: 2,6). Другие являлись вполне качественно сделанными имитациями настоящих сосудов (рис. 1,1–4, 7: 3,6; 4, 1–3,5,6: 5, 1,3). Впоследствии эти предметы вполне могли использоваться в детских ролевых играх. Косвенным подтверждением последнего предположения является находка на Сержень-Юртовском поселении модели льячки (рис. 1,3), использование которой в реальном технологическом процессе невозможно.

В заключение хочется отметить, что изучение миниатюрной кобанской керамики только начинается. Дальнейшее накопление как самих предметов, так и твёрдо установленных обстоятельств их находки, поможет прояснить их роль и функции в жизни древних кобанцев.

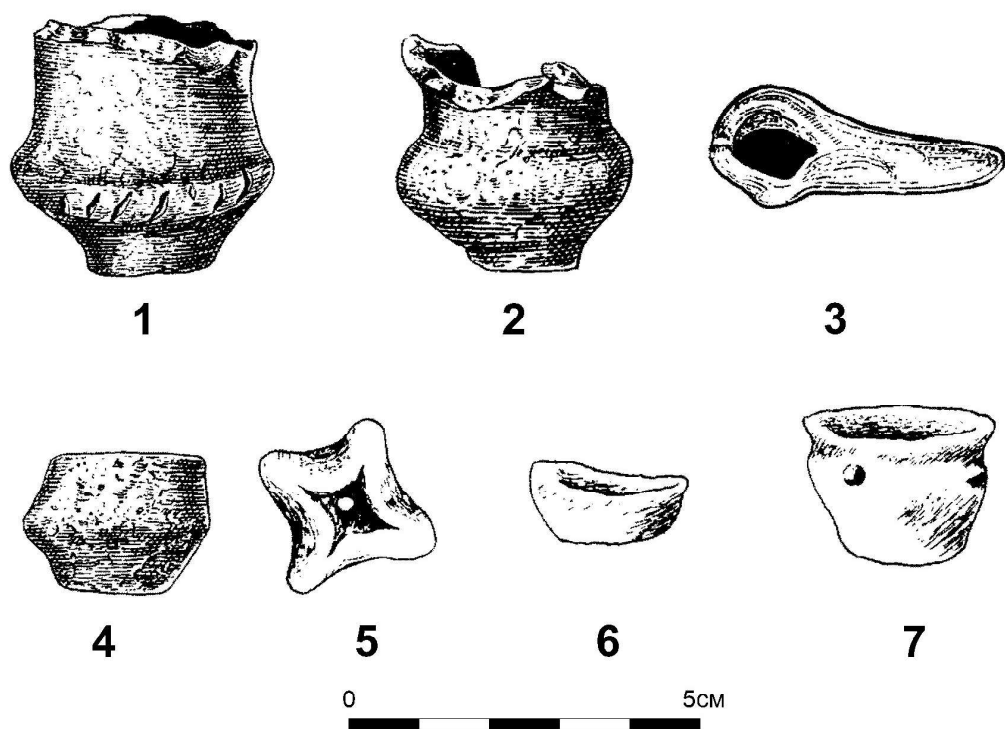

Рис. 1. Поселение Сержень-Юрт (по В.И. Козенковой)

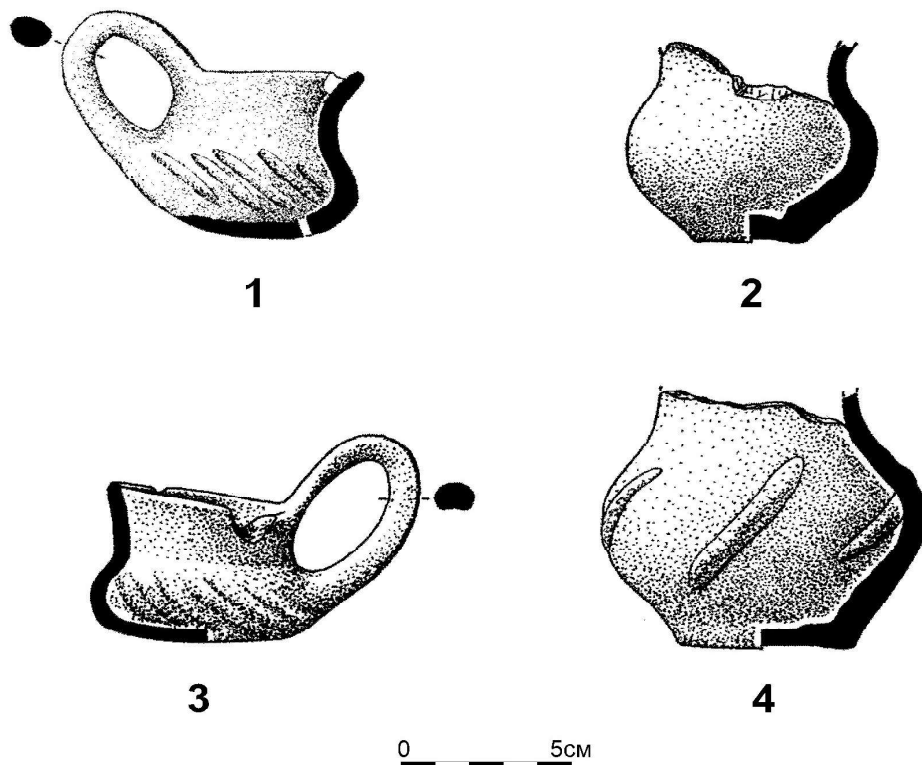

Рис. 2. Змейское поселение (по М.А. Бакушеву)

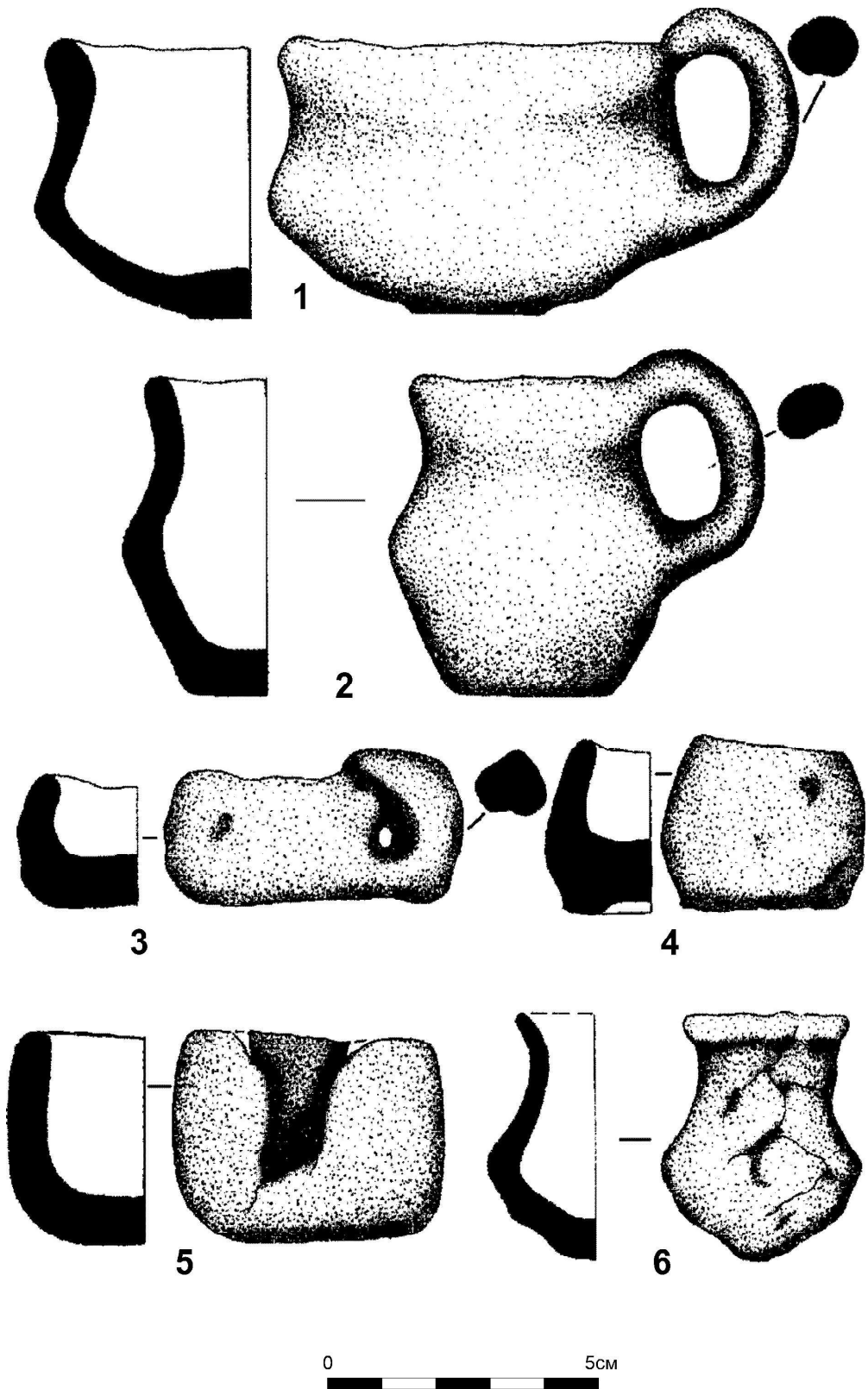

Рис. 3. Грушевское городище (по Я.Б. Березину)

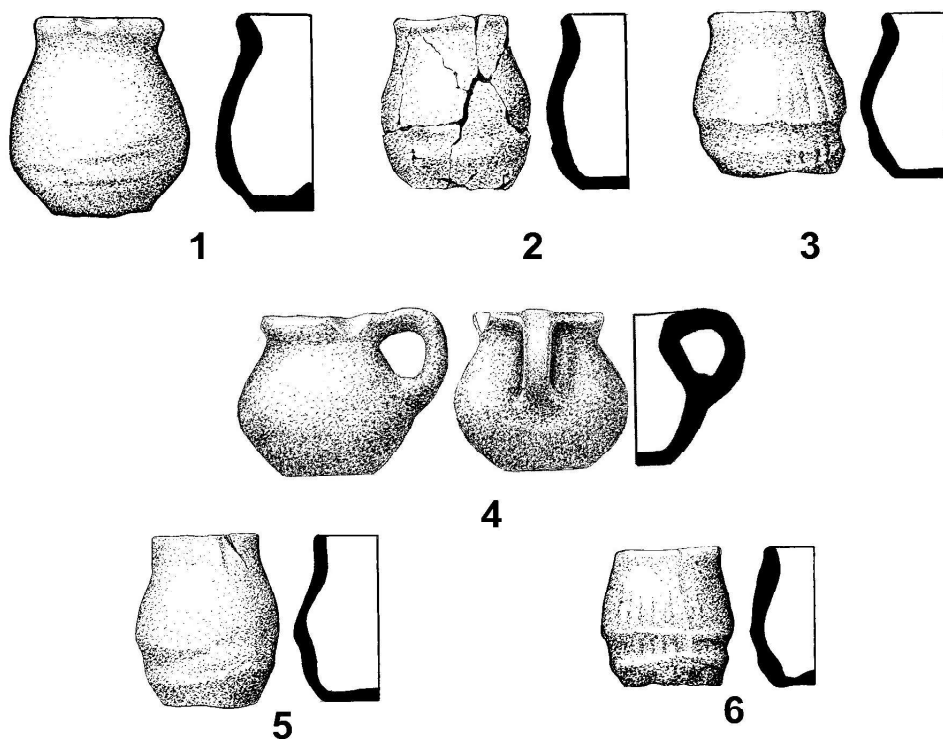

Рис. 4. Находки из с. Терезе (по Я.Б. Березину)

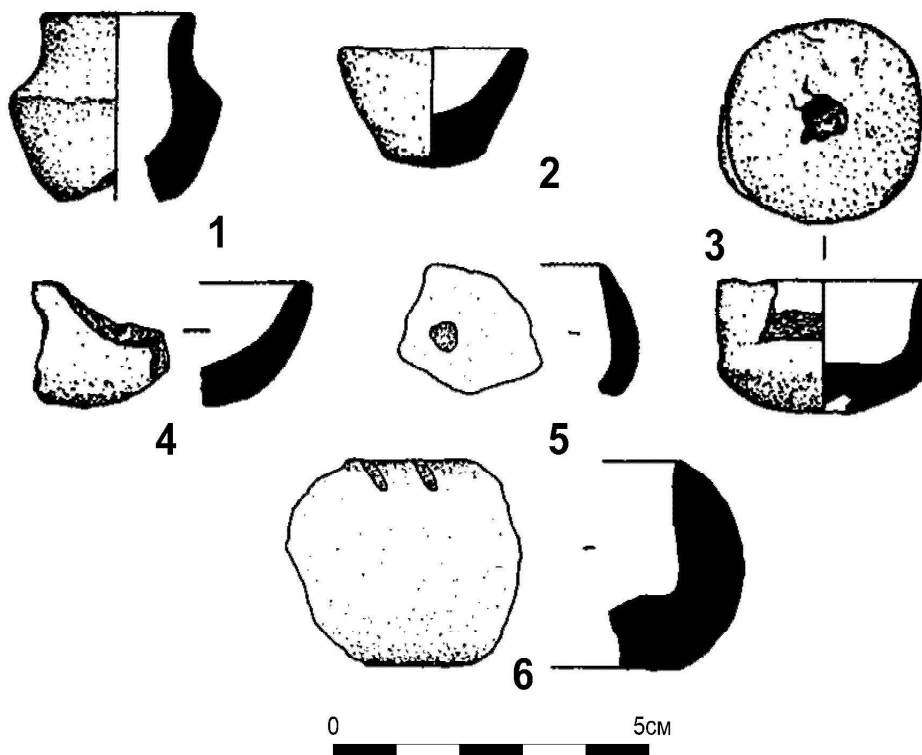

Рис. 5. Поселение Кабардинка 2 (по Reinhold Korobov Belinskij)

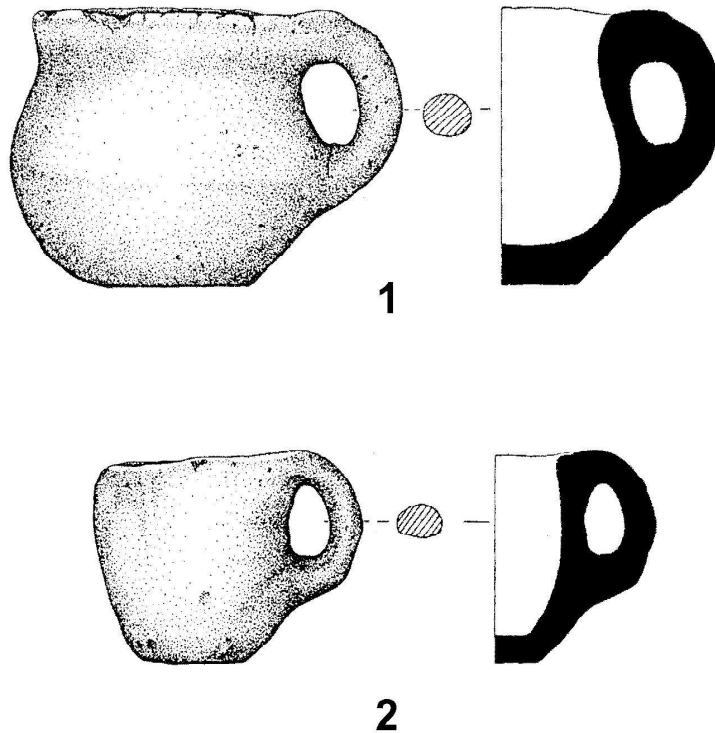
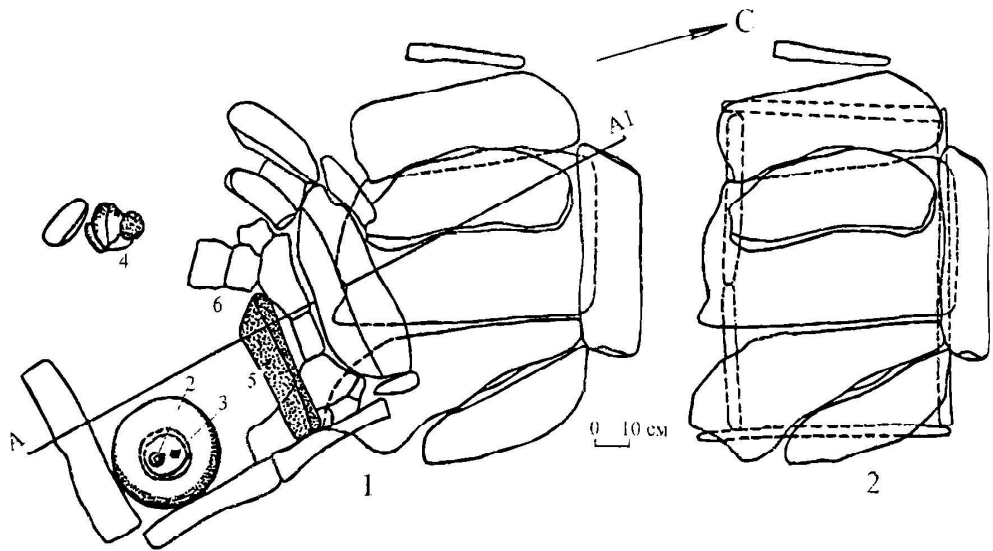

Рис. 5. Могильник Белореченский 2 (по С.Л. Дудареву)

Список источников

Бакушев 2021 – *Бакушев М.А.* Новые исследования Змейского поселения кобанской культуры // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 2. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания, 2021. С. 9–42.

Белинский, Дударев 2015 – *Белинский А.Б., Дударев С.Л.* Могильник Клин-Яр – III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. М.–Ставрополь: Дизайн-студия, 2015. 446 с.

Белинский с соавт. 2009 – *Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С.* Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века. // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Вып. IX. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 177–220.

Березин 2004 – *Березин Я.Б.* Раскопки Грушевского городища под г. Ставрополем в 1995 г. // *МИАСК.* Вып.4. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2004. С. 108–124.

Березин 2023 – *Березин Я.Б.* Миниатюрные сосуды из окрестностей сел. Терезе (КЧР) // *Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий, Из истории культуры народов Северного Кавказа.* Вып. 16. Ставрополь–М.: Печатный Двор, 2023. С. 182–189.

Деопик Крупнов 1961 – *Деопик Д.В., Крупнов Е.И.* Змейское поселение кобанской культуры // *Археологические раскопки в районе станицы Змейской.* МАДИСО. Т. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1961. С. 11–36.

Доценко с соавт. 2013 – *Доценко И.В., Нарожный Е.И., Соков П.В.* Охранно-спасательные исследования на трассе федеральной объездной автодороги вокруг г. Нальчик и с. Чегем II в Кабардино-Балкарии // *АО 2010 года.* М.: Наука, 2013. С. 174–177.

Дударев 2004 – *Дударев С.Л.* Белореченский 2-ой могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // *МИАСК.* Вып. 3. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2004. С. 16–100.

Каменецкий 2011 – *Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 384 с.
Ковалевская 1984 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1984. 192 с.

Козенкова 2001 – *Козенкова В.И.* Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник. М.: Наука, 2001. 198 с.

Козенкова 2017 – *Козенкова В.И.* Специфика духовного мира кобанских племен. М: ИА РАН, 2017. 114 с.

Козенкова 1982 – *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 176 с.

Крупнов 1941 – *Крупнов Е.И.* Археологические памятники Ассинского ущелья // *Труды ГИМ.* Вып. 12. М., 1941. С. 157–198.

Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

Крупнов 1949 – *Крупнов Е.И.* К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // *КСИИМК.* Вып. XXIV. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 27–41.

Мокрушин, Нарожный 2021 – *Мокрушин В.Р., Нарожный Е.И.* Новые археологические материалы из раскопок поселения Кишпек II (Кабардино-Балкария) // *МИАСК.* Вып. 19. Армавир-Карачаевск, 2021. С. 7–18.

Мокрушин, Нарожный 2020 – *Мокрушин В.Р., Нарожный Е.И.* Хозяйственный комплекс в центральной части поселения Кишпек – 2 // *МИАСК.* Вып. 18. Армавир–Краснодар, 2020. С. 129–141.

Мошинский 2006 – *Мошинский А.П.* Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. Труды ГИМ. Вып. 154. М., 2006. 298 с.

Трубникова 1950 – *Трубникова Н.В.* Керамика Нестеровского поселения // *Известия Грозненского областного института и музея краеведения.* Вып. 2–3. Грозный: Областное книжное изд-во, 1950. С. 16–24.

Уварова 1900 – *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900. 381 с.

Renhold u. a. 2017 – *Sabine Renhold, Dmitrij S. Korobov, Andrej B. Beliskij.* Landshaft sarchaologieim Nordkaukasus. Archaologie in eurasion. Band 38. Berlin, 2017. 452 s. (на немецком).

References

- BAKUSHEV M.A. Novye issledovaniya Zmejskogo poseleniya kobanskoj kultury [New studies of the Zmejskoe settlement of the Koban culture]. IN: Arheologicheskoe nasledie: materialy i interpretacii. [Archaeological Heritage: Materials and Interpretations], issue 2, Vladikavkaz: Institute of History and Archeology of RSO-Alania, 2021. Pp. 9–42. (In Russian)
- BELINSKY A.B., DUDAREV S.L. Mogilnik Klin-Yar – III i ego mesto sredidrevnostej Kavkazaj Yugo-Vostochnoj Evropy nachala rannego zheleza [The Klin-Yar-III burial ground and its place among the antiquities of the Caucasus and Southeastern Europe of the Early Iron Age]. M.–Stavropol: Design studio, 2015. 446 c. (In Russian)
- BELINSKY A.B., KOROBV D.S., REINHOLD S. Landshaftnaya arheologiya na Severnom Kavkaze: pervye rezul'taty issledovaniya predgornogo landshafta Kislovodska epohi pozdnego bronzovogo – rannego zheleznoogo veka [Landscape archaeology in the North Caucasus: the first results of the study of the foothill landscape of Kislovodsk of the Late Bronze – Early Iron Age]. IN: Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus]. Vol. IX. Stavropol: Heritage, 2009. Pp. 177–220. (In Russian)
- BEREZIN YA.B. Raskopki Grushevskogorodishcha pod g. Stavropolem v 1995 g. [Excavations of the Grushevsky settlement near Stavropol in 1995]. IN: MIASK, issue 4. Armavir: TSAI AGPU, 2004. Pp. 108–124. (In Russian)
- BEREZIN YA.B. Miniaturnye sosudy iz okrestnostej sel. Tereze (KChR) [Miniature vessels from the vicinity of villages Teresa (KCR)]. IN: Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Severnogo Kavkaza i prilgayushch ih territorij, Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [Questions of ancient and medieval archeology of the North Caucasus and adjacent territories, From the Cultural History of the peoples of the North Caucasus]. Vol. 16. Stavropol–M.: Printing Yard, 2023. Pp. 182–189. (In Russian)
- DEOPIK D.V., KRUPNOV E.I. Zmejskoe poselenie kobanskoj kultury [The Zmejskaya settlement of the Koban culture]. IN: Arheologicheskie raskopki v rajone stanicy Zmejskoj [Archaeological excavations in the area of the village of Zmejskaya]. MADISO. Vol. 1. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1961. Pp. 11–36. (In Russian)
- DOTSENKO I.V., NAROZHNY E.I., SOKOV P.V. Ohranno-spatatelnye issledovaniya na trasse federalnoj obezdnaj avtodorogi vokrug g. Nalchik i s. Chegem II v Kabardino-Balkarii [Security and rescue studies on the highway of the federal bypass highway around Nalchik and the village of Chegem II in Kabardino-Balkaria]. IN: JSC 2010 goda, M.: Nauka, 2013. Pp. 174–177. (In Russian)
- DUDAREV S.L. 2-oj mogilnik – pamyatnik epohi rannego zheleza Kavkazskih Mineralnyh Vod [Belorechensky 2nd burial ground – monument of the Early Iron age of Kavkaz Mineral Waters]. IN: MIASK, issue 3, Armavir: TSAI AGPU, 2004. Pp. 16–100. (In Russian)
- KAMENETSKY I.S. Kameneckij I.S. Istoriya izucheniya meotov [The history of the study of meats]. M.: Taus, 2011. 384 p. (In Russian)
- KOVALEVSKAYA V.B. Kavkaz i alany. Veka i narody [The Caucasus and the Alans. Centuries and peoples]. M.: Science: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury [The main editorial office of Oriental literature], 1984. 192 p. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I. Poselok – ubezhishche kobanskoj kultury u aula Serzhen-Yurt v Chechne kak istoricheskij istochnik [Village – refuge of Koban culture near the village of Serzhen-Yurt in Chechnya as a historical source]. M.: The science, 2001. 198 p. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I. Specifika duhovnogo mira kobanskih plemen [The specifics of the spiritual world of the Koban tribes]. Moscow: IA RAS, 2017. 114 p. (In Russian)
- KOZENKOVA V.I. Tipologiya i hronologicheskaya klassifikaciya predmetov kobanskoj kul'tury. Vostochnyj variant [Typology and chronological classification of the subjects of the Koban culture. The Eastern version]. M.: Science, 1982. 176 p. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. Arheologicheskie pamyatniki Assinskogo ushchelya [Archaeological monuments of the Assinsky gorge]. IN: Trudy GIM [Proceedings of the GIM], issue 12, M., 1941. Pp. 157–198. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], 1960. 520 p. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. K voprosu o poseleniyah skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze [On the question of settlements of the Scythian time in the North Caucasus].

IN: KSIIMK, issue. XXIV, M: L: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], 1949. Pp. 27–41 (In Russian)

MOKRUSHIN V.R., NAROZHNY E.I. Novye arheologicheskie materialy iz raskopok poseleniya Kishpek II (Kabardino-Balkariya) [New archaeological materials from the excavations of the settlement of Kishpek II (Kabardino-Balkaria)]. IN: MIASK, issue 19, Armavir-Karachayevsk, 2021. Pp. 7–18. (In Russian)

MOKRUSHIN V.R. NAROZHNY E.I. Hozyajstvennyj kompleks v centralnojchastiposeleniyaKishpek – 2 [Economic complex in the central part of the settlement of Kishpek – 2]. IN: MIASK, issue 18, Armavir–Krasnodar, 2020. Pp. 129–141. (In Russian)

MOSHINSKY A.P. Drevnosti gornoj Digorii VII–IV vv. do n.e. [Antiquities of the mountain Digoria of the VII–IV centuries BC.]. IN: Trudy GIM, [Proceedings of the GIM], issue 154. M., 2006. 298 p. (In Russian)

TRUBNIKOVA N.V. Keramika Nesterovskogo poseleniya [Ceramics of the Nesterovsky settlement]. IN: Izvestiya Groznenskogo oblastnogo instituta i muzeya kraevedeniya [News of the Grozny Regional Institute and Museum of Local Lore], issue 2–3, Grozny: Regional Book Publishing house, 1950. P. 16–24 (In Russian)

UVAROVA P.S. Mogilniki Severnogo Kavkaza. Materialy po arheologii Kavkaza [Burial grounds of the North Caucasus. Materials on the archeology of the Caucasus]. Vol. VIII. M., 1900, 381 p. (In Russian)

RENHOLD SABINE, KOROBOV DMITRIJ S., BELISKIJ ANDREJ B. Landscape archaeology in the North Caucasus. IN: Archäologie in eurasion. Volume 38, Berlin, 2017. 453 p. (in German)

Информация об авторе

Я.Б. Березин – научный сотрудник отдела фондов и экспозиции НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета.

Information about the author

Y.B. Berezin – Researcher at the Funds and Exposition Department of the Research Institute and the Museum of Anthropology Moscow State University.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 93/94 (470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-20-25

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
(1917–1930-е гг.)**

Марина Хабасовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

© М.Х. Гугова, 2024

Аннотация. В статье выявлены и проанализированы региональные особенности реализации социальной политики советского государства в первые годы советской власти на примере Кабардино-Балкарии (1917–1930-е гг.). Этот период занимает ключевое место в истории республики в новейшее время. Именно тогда кабардинцы и балкарцы вынуждены были осваивать радикально изменившуюся социокультурную и политико-идеологическую среду своего существования, результаты которого впоследствии предопределили их этнокультурный облик. Показаны формы и методы деятельности государственных и общественных институтов по реализации государственной социальной политики, улучшению (ухудшению) условий жизни населения, его обеспечению продовольствием, медицинской помощью, возможностью получения образования и профессии, социальной защите, реализации материальных и духовных потребностей. Изучены положительные и отрицательные стороны социальной политики и ее взаимосвязь с политическим и экономическим развитием страны.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, советская власть, социальная политика, новая экономическая политика, колхоз, предприятие, колхозники, рабочие

Для цитирования: Гугова М.Х. Специфика реализации социальной политики советского государства в Кабардино-Балкарии (1917 – 1930-е гг.) // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 20–25. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-20-25

Original article

**SPECIFICITY OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY
OF THE SOVIET STATE IN KABARDINO-BALKARIA
(1917–1930s)**

Marina Kh. Gugova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

© M.Kh. Gugova, 2024

Abstract. The article identifies and analyzes regional features of the implementation of the social policy of the Soviet state in the first years of Soviet power using the example

of Kabardino-Balkaria (1917–1930s). This period occupies a key place in the history of the republic in modern times. It was then that the Kabardians and Balkars were forced to master the radically changed sociocultural and political-ideological environment of their existence, the results of which subsequently predetermined their ethnocultural appearance. The forms and methods of activity of state and public institutions for the implementation of state social policy, improvement (deterioration) of living conditions of the population, provision of food, medical care, opportunities for education and profession, social protection, fulfillment of material and spiritual needs are shown. The positive and negative aspects of social policy and its relationship with the political and economic development of the country have been studied.

Keywords: Kabardino-Balkaria, Soviet power, social policy, new economic policy, collective farm, enterprise, collective farmers, workers

For citation: Gugova M.Kh. Specificity of implementation of social policy of the soviet state in Kabardino-Balkaria (1917–1930s). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 20–25. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-20-25

Одним из приоритетных направлений в работе органов государственной власти является социальная политика. В Советском государстве в исследуемый период социальная политика носила идеализированный характер, что часто приводило к противоречивым данным. Это прослеживается, с одной стороны, в документах, утверждённых на различных государственных и партийных мероприятиях, в которых декларировались цели и задачи по усовершенствованию социальной политики, а также по улучшению материального благополучия граждан СССР. В советском государстве существовало ряд программ, поддерживающих людей неимущих и малообеспеченных, а также нетрудоспособных, что создавало позитивное восприятие у населения, как в советский период, так и у наших современников старшего поколения.

С другой стороны, социальная политика рассматривалась, прежде всего, как инструмент ускоренного социального развития. В то же время советская социальная политика не была гармоничной и не обеспечивала общественной стабильности, так как в целом не учитывала потребности населения. Доминировал патерналистский подход, выражавшийся в стремлении представить все действия государства в интересах людей.

Для объективного и всестороннего исследования истории Советского государства необходимо проанализировать деятельность государства в социальной сфере в первую очередь из-за ее противоречивости. Актуальность исследования очевидна задачами подготовки управленцев, социальных работников и использование в этих целях исторического опыта.

Проблемы реализации социальной политики советского государства нашли свое отражение в работах советских и российских исследователей Ю.В. Арутюняна [Арутюнян 1971], И.Е. Ворожейкина [Ворожейкин 1977], И.Е. Зеленина [Зеленин 2006], В.Б. Островского [Островский 1977] и др.

Анализ отдельных аспектов социальной политики в Кабардино-Балкарии в исследуемый период содержит ряд исследований ученых республики: Х.М. Бербекова [Бербеков 1958], А.К. Текуева [Текуев 1972], Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 1971], Т.А. Жакомихова [Жакомихов 1965], А.Т. Карданова [Каданов 1976], Х.И. Хутуева [Хутуев 1984], А.Т. Шортанова [Шортанов 2000] и др.

Итогом Октябрьской революции 1917 г. стало установление Советской власти во главе с партией большевиков. Первые законы большевиков – Декрет о мире, Декрет о земле, Об уничтожении сословий и гражданских чинов, а также роспуск Учредительного собрания не принесли социального мира, а стали причинами Гражданской войны. На Кавказе и в других национальных регионах страны победа большевиков и провозглашение советской власти была встречена неоднозначно. На Северном Кавказе, где к этому периоду еще не сформировался рабочий класс, большевики вынужденно пошли на временный союз с мусульманским

духовенством, поддержка которого способствовала распространению их влияния на местное население.

Первая мировая война, Февральская и Октябрьские революции 1917 г. и, особенно, Гражданская война изменили социальную структуру кабардинского и балкарского обществ. Основная часть горской аристократии, принимавшая участие в белом движении, была вынуждена эмигрировать.

В 1920-е гг. большевики проводили новую экономическую политику и в ее рамках большая часть бедняцких хозяйств была наделена землей, что позволило перевести их в категорию середняков. Перераспределение земель происходило за счет национализации дворянских и кулацких землевладений. В состав «кулаков» включали зажиточных крестьян, бывших дворян, представителей буржуазии, мусульманского духовенства под общим понятием «кулацко-мулльский элемент».

В период становления Советского государства стал актуальным вопрос о советизации социальной структуры традиционных обществ Кабарды и Балкарии. С этой целью на руководящие должности молодого государства стали выдвигать выходцев из рабоче-крестьянской среды. Именно эти новые кадры стали решать государственные, хозяйственные и образовательные вопросы. Понятно, что основной упор был сделан на решение вопросов в пользу рабочих и крестьян-бедняков. Решением вопросов борьбы с образовательной безграмотностью данной категории молодых кадров занимались специальные учебные заведения, которые были созданы в период НЭПа, в них можно было получить начальное и среднее профессиональное образование.

В 1920-х годах происходила повсеместная социалистическая модернизация экономики. В Кабардино-Балкарии данный процесс затруднялся тем, что большинство населения являлись сельскохозяйственными работниками, численно превосходящими рабочий класс. При этом ситуация с кооперацией в КБАО была более успешной, чем в соседних автономиях. Однако политика государства, основанная на принудительных хлебозаготовках и насаждении атеизма, отталкивала основную массу населения от поддержки нового правительственного курса. Кроме того, это послужило причиной консолидации народа с духовенством. Поэтому, со второй половины 20-х гг. для советского руководства была предпочтительной политика изоляции мусульманского духовенства в КБАО.

Повсеместное создание колхозов на равнинной территории Кабарды было следствием проводимой государством политики принуждения, администрирования и форсирования. В горных районах, заселенных балкарцами, политика создания колхозов также проводилась без учета местной специфики и природно-климатических условий. Следствием данных мер и перегибов явились антисоветские и антиколхозные восстания (1928–1930 г.). Они были вызваны «подрывом основ традиционного общества» в Кабардино-Балкарии и стали «своеобразным бунтом против модернизации в его советском, репрессивном преломлении» [Прасолов 2013: 362].

Динамика социального состава колхозов [Текуев 1972: 224]:

Годы	В % к общему числу колхозников			
На 01.10.1928	1,3	82,2	16,5	–
На 01.10.1929	1,6	77,1	21,3	–
На 01.10.1930	6,3	45,7	43,9	4,1
На 01.10.1931	5,4	39,0	51,5	4,1

Данные таблицы показывают, что политика коллективизации не пользовалась популярностью у населения Кабардино-Балкарии. Причиной такой ситуации являлись методы администрирования и принуждения со стороны властей.

В плоскостных районах Кабардино-Балкарии преобладало земледелие, поэтому созданные колхозы явились причиной ускоренной индустриализации с заметными социально-культурными последствиями. А в горных районах создание колхозов воспринималось гораздо болезненнее, в связи с преобладанием там индивидуальных животноводческих хозяйств, при том, что партийные работники не учитывали прямую зависимость традиционного быта балкарцев от географических и природно-климатических условий.

При переходе крестьян-горцев в категорию колхозников менялся их социальный статус, они больше не имели нормативных прав на землю и произведенные продукты сельского хозяйства. К такой ситуации они не были морально готовы. Параллельно шел процесс «ликвидации кулачества как класса», поэтому не только крестьяне-бедняки, но и середняки переходили в категорию колхозников. Итогом процессов, включающих ликвидацию собственности, и огосударствление аграрной инфраструктуры региона, явилась ликвидация основ частной собственности и деформация традиционных экономических устоев горского сельского общества.

Еще одним последствием социалистической модернизации явились социально-культурные последствия, которые особенно четко проявились в образовании. За счет изменений в образовательной инфраструктуре началось воспроизводство управленческого аппарата, национальных кадров рабочего класса и процесс вычленения класса интеллигенции, которая стратифицировалась по профессиональному принципу. Разница с интеллигенцией буржуазного общества и вновь возникающей заключалась в том, что последняя была готова беспрекословно исполнять установки правящей партии.

Для промышленного подъема, развития новых предприятий требовались квалифицированные кадры, поэтому открывались краткосрочные курсы, бригадные ученичества, сеть школ ФЗУ (фабрично-заводские училища), учебные базы ЦИТ (Центрального института труда). Такие образовательные центры открывались и в национальных областях. Например, в КБАО к концу первой пятилетки функционировало 6 школ, в которых обучалось 1390 человек. Такие учебные центры способствовали формированию рабочего класса.

Среднегодовой рост численности рабочих в КБАО в период с 1926 по 1932-е гг. достиг 61%. В 1929 г. их насчитывалось порядка 10,7 тыс., а к 1933 г. – 27,3 тыс. чел. Численность кабардинцев и балкарцев среди них выросла в этот период почти в 2 раза (с 1,3 до 2,5 тыс. чел.) [УЦДНИ АС КБР. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 226].

Конечно, в состав «пролетариата» кроме рабочих промышленных предприятий включили и всех сельскохозяйственных рабочих, но, довести их долю до 20% не удалось.

В годы первой пятилетки в КБАО активизировалось вовлечение горянок в освоение рабочих профессий. В 1932 г. в промышленности работало 547 женщин, из них кабардинок и балкарок – 126 (20,4%). В 1933 г. по сравнению с 1932 г. их численность в промышленности увеличилась в 2 раза, а общая их доля среди занятых в этой сфере достигла 37,2% [УЦДНИ АС КБР. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 185].

Изменения в экономике, проводимые молодым Советским государством привели к исчезновению основ рынка, частной собственности, эксплуатации в обществе. Утвердилась плановая экономика, основанная на общенародных, колхозно-кооперативных принципах. Данные изменения повлияли на социальную структуру Кабардино-Балкарского общества.

Достигнутые результаты имели неоднозначную основу. Позитивная сторона союза рабочих с крестьянами на основе идейно-политического союза консолидировало общество. Но другой союз – рабочих и служащих, стал причиной появления новой прослойки – партийно-советской номенклатуры. Эта социальная группа стала новой элитой советского общества, соответственно, замещая элиту традиционного горского общества.

Становление новой политической системы молодого государства требовало ротации лояльных кадров, в том числе и на национально-региональном уровне. При этом оставалось актуальным обеспечение достаточного уровня их квалификации. Осуществление планов партии по достижению задач индустриализации, коллективизации качественно могли лишь обученные кадры. Но в это время происходит перевод письменности с арабицы на латиницу, а затем на кириллицу, что усугубляло издержки в качестве образования. Молодые специалисты, не обладавшие должным опытом, совершали грамматические ошибки, которые зачастую стоили им карьеры. Такого специалиста могли обвинить во вредительстве и даже причислить к категории «врагов народа».

Вторая половина 1930-х гг. стала одной из самых драматичных страниц в истории народов Кабардино-Балкарии. С момента установления советской власти был совершен «большой скачок» от традиционного к социалистическому обществу. Он ознаменовался утверждением в экономике республики колхозного уклада с высоким удельным весом промышленности и радикально обновленной социальной структурой, достигнутых ценой огромных усилий и издержек. К концу 1930-х гг. в Кабардино-Балкарии наблюдались все признаки профессионального и политического расслоения общества.

В 1936 г. официальная социальная структура занятого населения Кабардино-Балкарии в целом соответствовала социальной структуре всего советского общества: рабочие и служащие составляли 32,7%; крестьяне колхозники – 65,6%; крестьяне – единоличники и некооперированные кустари – 1,7%. В первой категории доля служащих (в т. ч. номенклатуры) превалировала. Во всем остальном, как показала перепись 1939 г., кабардино-балкарский социум утратил черты традиционности, и практически ничем не отличался от других регионов страны.

Список источников

Арутюнян 1971 – *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 372 с.

Бербекоев 1958 – *Бербекоев Х.М.* Образование и развитие кабардинской социалистической нации. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. 323 с.

Ворожейкин 1977 – *Ворожейкин И.Е.* Рабочий класс – ведущая сила советского общества. М.: Мысль, 1977. 374 с.

Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 205 с.

Зеленин 2006 – *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.

Карданов 1976 – *Карданов А.Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии в период строительства социализма (1920-1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1976. 304 с.

Мамбетов 1971 – *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1971. 407 с.

Островский 1977 – *Островский В.Б.* Новый этап в развитии колхозного строя. М.: Политиздат, 1977. 271 с.

Прасолов 2013 – *Прасолов Д.Н.* Восстания в Кабардино-Балкарии конца 1920-х гг.: социальное содержание и этнокультурные последствия // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. Москва: Росспэн, 2013. С. 354–363.

Текуев 1972 – *Текуев А.К.* Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках в областях Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1972. 293 с.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. П. 1. Кабардино-Балкарский Областной комитет ВКП(б).

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 451 с.

Шортанов 2000 – Шортанов А.Т. Очерки. Статьи. Доклады. Письма. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 360 с.

References

ARUTYUNYAN Yu.V. *Social'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR* [Social structure of the rural population of the USSR]. Moskva: Mysl', 1971. 372 p. (In Russian)

BERBEKOV H.M. *Obrazovanie i razvitie kabardinskoj socialisticheskoy nacii* [Education and development of the Kabardian socialist nation]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo 1958. 323 p. (In Russian)

VOROZHEJKIN I.E. *Rabochij klass – vedushchaya sila sovetskogo obshchestva* [The working class is the leading force of Soviet society]. Moskva: Mysl', 1977. 374 p. (In Russian)

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 205 p. (In Russian)

ZELENIN I.E. *Stalinskaya «revolyuciya sverhu» posle «velikogo pereloma». 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930–1939: policy, implementation, results]. Moskva: Nauka, 2006. 315 p. (In Russian)

KARDANOV A.T. *Rabochij klass Kabardino-Balkarii v period stroitel'stva socializma (1920–1937 gg.)* [The working class of Kabardino-Balkaria during the construction of socialism (1920–1937)]. Nal'chik: El'brus, 1976. 304 p. (In Russian)

MAMBETOV G.H. *Material'naya kul'tura sel'skogo naseleniya Kabardino-Balkarii* [Material culture of the rural population of Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1971. 407 p. (In Russian)

OSTROVSKIJ V.B. *Novyj etap v razvitii kolhoznogo stroya* [A new stage in the development of the collective farm system]. Moskva: Politizdat, 1977. 271 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Vosstaniya v Kabardino-Balkarii kontsa 1920-kh gg.: sotsial'noe sodержanie i etnokul'turnye posledstviya* [Uprisings in Kabardino-Balkaria in the late 1920s: social content and ethno-cultural consequences] IN: *Istoriya stalinizma: zhizn' v terrore. Sotsial'nye aspekty repressii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 18–20 oktyabrya 2012*. Moskva: Rosspen, 2013. P. 354–363. (In Russian)

TEKUEV A.K. *Osushchestvlenie leninskogo kooperativnogo plana v nacional'nyh respublikah v oblastyakh Severnogo Kavkaza* [Implementation of the Leninist cooperative plan in the national republics in the regions of the North Caucasus]. Nal'chik: El'brus, 1972. 293 p. (In Russian)

Upravlenie centra dokumentacii noveyshey istorii arhivnoy sluzhby kabardino-balkarskoj respubliki (UCDNI AS KBR) [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. P 1. Kabardino-Balkarskij Oblastnoj komitet VKP(b). (In Russian)

HUTUEV H.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoy kul'tury sovetskoy Kabardino-Balkarii* [Formation and development of socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1984. 451 p. (In Russian)

SHORTANOV A.T. *Ocherki. Stat'i. Doklady. Pis'ma* [Essays. Articles. Reports. Letters]. Nal'chik: El'-Fa, 2000. 360 p. (In Russian)

Информация об авторе

М.Х. Гугова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the authors

M.Kh. Gugova – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Contemporary History Sector.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024; одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 07.03.2024; approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-26-33

ЛЪАБЖЬЭУЖЬ -С-ЫМ АДЫГЭБЗЭМ ГЪЭПСЫКІЭ ЗЭХЭЛЪ ЗИЭ ЛЭЖЬЫГЪЭЦІЭХЭМ КЪЫЩИГЪЭХЪУ МАКЪЗЭБЛЭХЪУХЭМ ЯГЪЭЗАЩІЭ КЪАЛЭНХЭР

Дзыгъуанэ Ритэ Хъэбалэ инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ГуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрим» и филиал, Налшык, Урысей, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Дзыгъуанэ Р.Хъ., 2024

Аннотаци. Лъабжьэужь –с-ым гъэпсыкІэ зэхэлъ зиэ лэжыгъэцІэ куэд адыгэбзэм кыыхегъэхукІ. Мы лэжыгъэм и мурадыр а лъабжьэужь –с-ым кыигъэхъу лэжыгъэцІэхэм я лъабжьэм щекІуэкІ аблаут лІэужыгъуэхэмрэ, ахэм адыгэбзэм шагъэзащІэ къалэн нэхьыщхъэхэмрэ дыщитепселъыхьынырщ. Зи гугъу тщІы лъабжьэужыр лэжыгъэцІэ лъабжьэ епха **-сы-**м (*нэсын*) кытекІащ. Ар лэжыгъэцІэ лъэлэсхэми лъэмыІэсхэми кыщокІуэ, ауэ лэжыгъэцІэ хъейхэрщ кыигъэхур, ари лэжыгъэцІэ псалъэпкъхэм къатекІауэ. Лъабжьэужь –с-м лъэныкъуэ гъэлабгъуэн къалэн нэхьыщхъэр лэжыгъэцІэм шагъэзащІэ – *зыгуэр аджІэ кІуэуэ зыщІыпІэ нэгъэсын* жиІэу. А шІыкІэм тегу къэхъуа гъэпсыкІэ зэхэлъ зиэ лэжыгъэцІэхэм псоми объект мыблагъэм и щхъэр къаохъуэри, ар зыгъэлабгъуэ лъабжьэпэ **йэ(-е)**-р къапоувэ. Лъабжьэужь –с-р зыхыхъэ лэжыгъэцІэхэм язэхуэдэныгъэ категорием и аффикс **зэры-** къащыпыуви урохъэлІэ. Апхуэдэхэм деж лъэлэс мыхъэнэ зиэ лэжыгъэцІэм лъэмыІэс мыхъэнэ егуэтри зы щхъэ фІэкла имыІэу къокІуэ, ари куэд бжыгъэм иту. Ди къэхутэныгъэмкІэ наІуэ къэтщІащ: зепкърыгх лэжыгъэцІэ гупым лэжыгъэр здэгъэзар ягъэнаІуэу лъэныкъуэ зыгъэлабгъуэ преверб **къ-, нэ-**хэм нэмыщІкІэ, лъэныкъуэр зыхуэгъэза категорэм и аффикс **зэхуэ-** къазэрыпыувэр. Ахэр зыхыхъэ лэжыгъэцІэхэм я гъэпсыкІэм зихуэжкъым. Лъабжьэужь –с поувэ зи лъабжьэ кІэхур макъзешэ **э-**кІэ иухуу къакІуэ псалъэхэми, апхуэдэу макъзешэ **ы-**кІэ иуххэми. Зи гугъу тщІы псалъэцІ лэжыгъэцІэ лъабжьэужыр зыхыхъэхэм я лъабжьэ кІэхуым зы **ы:э** аблаут лІэужыгъуэрщ нэхьыбэу щекІуэкІыр. Къэхутэныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуамкІэ, дызыкІэлыплъ лэжыгъэцІэ гупым я лъабжьэ кІэхур а зы аблаут лІэужыгъуэм иджыри нэсу хуэкІуакъым. Ауэ кыххэгъэщыпхъэщ лъабжьэужь –с-ым кыигъэхъу **ы:э** макъзэблэхур лэжыгъэцІэхэм я лъэлэс, лъэмыІэс мыхъэнэхэм епхауэ, езы лъабжьэужыым игъэлабгъуэ лъэныкъуэ мыхъэнэр гъэнэлэуэнымкІэ дэлэпыкъуэгъу хъууэ къызэрыкІуэр.

Зэрыгуазэ псалъэхэр: адыгэбзэ, макъзэблэху лІэужыгъуэ, лъабжьэпэ, язэхуэдэныгъэ категорэ, лъабжьэужь, лэжыгъэцІэ лъэлэс

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Дзыгъуанэ Р.Хъ. Лъабжьэужь –с-ым адыгэбзэм гъэпсыкІэ зэхэлъ зиэ лэжыгъэцІэхэм кыщигъэхъу макъзэблэхуэхэм шагъэзащІэ къалэнхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 26–33. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-26-33

Original article

THE ROLE OF ABLAUT ALTERNATIONS CAUSED BY THE SUFFIX –C IN THE VERB OF THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE

Rita Kh. Dzuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© R.Kh. Dzuganov, 2024

Abstract. The aim of the study is to identify the role of ablaut alternations occurring in the root morpheme of complex formations built using the suffix –c in the Kabardino-Circassian language. A comprehensive analysis of the word-formation and morphological possibilities of models with the indicated suffix in the Kabardino-Circassian language is considered one of the urgent problems. The scientific novelty of this study lies in the identification of all morphonological, distributive, lexical and grammatical features of the group of verbs containing the suffixes –c. The work uses the methods of synchronous, distributive and contextual analysis. The main function of the suffix –c in the verb of the Kabardino-Circassian language is the expression of its directional meaning there, in that direction, to some sl. limit. Forming dynamic verbs and only from verb stems, the suffix in question can be part of both transitive and intransitive verbs. All of them are associated with an indirect object, the indicator of which is the prefix *йэ-(е)*-. Of the local and directional preverbs, the suffix under study can only be combined with the directional preverbs *къ-, нэ-* and version-directive affix *зэхуэ-*, which clarify and complement the directional meaning expressed in the verb stem. Studies have shown that the models under consideration with the suffix *cin* in addition to the indicated preverbs, can sometimes also include the prefix of the category of reciprocity *зэры-*. In such cases, transitive verbs become one-person intransitive and appear in the plural. The analysis of the material made it possible to draw the following conclusions: the studied verbal suffix can be included in the models both with the final vowel *-э-* and with the vocal ending *-ы-*. Moreover, in the root morpheme of derivative verbs, we often have one type of ablaut: *ы:э*. Analysis of the material showed that this type of ablaut is the most widespread in the language, although the specified morphonological process in the studied models has not yet been fully completed. Ablaut alternations that occur through the studied suffix morpheme can affect the transitivity or intransitivity of the verbal meaning, the latter complement, explain the direction of the verb.

Keywords: Kabardino-Circassian language, ablaut type, preverb, category of reciprocity, suffix, transitive verb.

For citation: Dzuganova R.Kh. The role of ablaut alternations caused by the suffix –c in the verb of the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 26–33. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-26-33

Научная статья

РОЛЬ АБЛАУТНЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ, ВЫЗВАННЫХ СУФФИКСОМ –С В СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛАХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Rita Хабаловна Дзуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Р.Х. Дзуганова, 2024

Аннотация. Целью исследования является выявление роли аблаутных чередований, происходящих в корневой морфеме сложных образований, строящихся с

помощью суффикса *-с* в кабардино-черкесском языке. Комплексный анализ словообразовательных и морфонологических возможностей моделей с указанным суффиксом в кабардино-черкесском языке считается одной из актуальных проблем. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении всех морфонологических, дистрибутивных, лексических и грамматических особенностей группы глаголов, содержащих суффиксы *-с*. В работе использованы методы синхронного, дистрибутивного и контекстуального анализа. Основной функцией суффикса *-с* в глаголе кабардино-черкесского языка является выражением им направительного значения *туда, в ту сторону, до какого-л. предела*. Образуют динамические глаголы и только от глагольных основ, рассматриваемый суффикс может входить в состав как переходных, так и непереходных глаголов. Все они связаны с косвенным объектом, показателем которого является префикс *йэ-(е)-*. Из локальных и направительных превербов, исследуемый суффикс может сочетаться лишь с направительными превербами *кь-, нэ-* и версионно-направительным аффиксом *эхуэ-*, которые поясняют, дополняют направительное значение, выраженное в глагольной основе. Исследования показали, что рассматриваемые модели с суффиксом *-с*, кроме указанных превербов, иногда могут включать в свой состав также префикс категории взаимности *зэры-*. В таких случаях, переходные глаголы становятся одноличными непереходными и выступают во множественном числе. Проведенный анализ материала позволил сделать еще следующие выводы: исследуемый глагольный суффикс может включаться в состав моделей как с конечным гласным *-э-*, так и с вокальным окончанием *-ы-*. При этом в корневого морфеме производных глаголов мы имеем чаще один тип аблаута: *ы:э*. Анализ материала показал, что этот тип аблаута имеет наибольшее распространение в языке, хотя указанный морфонологический процесс в исследуемых моделях еще полностью не завершен. Чередования по аблауту, возникающие посредством исследуемой суффиксальной морфемы, могут влиять на переходность или непереходность глагольного значения, последние дополняют, поясняют направление действия глагола.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, тип аблаута, преверб, категория взаимности, суффикс, переходный глагол

Для цитирования: Дзуганова Р.Х. Роль аблаутных чередований, вызванных суффиксом *-с* в глаголе кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 26–33. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-26-33

Лъабжьэужь *-с-м* ехьэллауэ адыгэ бзэщлэныгъэм ГуэхуеплъыкIэ зэмышьхэр щыIэщ. Проф. Н.Ф. Яковлевым тэмэму гу зэрылгытамкIэ, ар кызыхэкIыр адыгэбзэхэм лэжьыгъэцIэ лъабжьэхэмрэ аффиксхэмрэ я гунапкьэр гэжауэ, мыхьейуэ зэрыщымытырщ. Абы кызырилгытэмкIэ, лэжьыгъэцIэ лъабжьэхэм лъабжьэужьхэр куэдрэ къатокI [Яковлев 1948: 269]. Ауэ Н.Ф. Яковлевым адэкIэ а лъабжьэужьхэр аргуэру лъабжьэ хьужу жыхуиIэр зэрыщыуагьэр Къумахуэ М.И. иригъэкIуэкIа синхроннэ зэпкьрыхыныгъэм налуэ кыщещI, мыхьэнэ щхьэхуэ зыгъуэта лъабжьэужьхэмрэ лэжьыгъэцIэ лъабжьэхэмрэ фонетикэ илъэныкьуэкIи, лексикэ илъэныкьуэкIи пыщлэныгъэ зэрызэхуалэмкIэ щигъэбыдэурэ. (Кумахов 1989: 216). А щыкIэм тету Къумахуэм адыгэбзэхэм лъабжьэ епха зыбжанэ къахегьэкI: *-хьэ-, -кIы-, -хы-, -сы-* (Кумахов 1964: 145).

Мы лэжьыгъэцIэ лъабжьэ епхэхэм щыщу *-сы-м* лъабжьэужь *-с-р* кытекIлауэ кыдолгытэ (Дзуганова 2002: 95). ДыкIэлыпльынщ лъабжьэужь *-с-м* лэжьыгъэцIэм щигъэзашцIэ къалэнхэмрэ, адрей лъабжьэужьхэм къашхьэщыкIыу абы хэль щхьэхуэныгъэхэмрэ.

Лъабжьэужь *-с-м*, лэжьыгъэцIэ псалъэпкьхэм фIэкIа зэрахэмышьэм нэмышI, нэгъуэщI щхьэхуэныгъэ гуэрхэри иIэщ. Ар лэжьыгъэцIэ хьейхэрщ зыхыхьэр. Абы кыщынэмышIлауэ, *адэкIэ кIуэуэ* лъэныкьуэр зыгъэлыагьуэ преверб *нэ-* епхауэщ лэжьыгъэцIэхэм зэрапыувэри. Щапхьэ: *нэ-дзы-сы-н* (зыгуэр бдзыуэ зыщIыпIэ нэгъэсын), *нэ-кIы-сы-н* (ткIуаткIуэ гуэр пкIыуэ зыщIыпIэ нэгъэсын). *Нэ-* лъэныкьуэ зыгъэлыагьуэ лъабжьэпэщ, *-дзы-, -кIы-* – лэжьыгъэцIэ лъабжьэхэщ, *-с* – лэжьыгъэцIэ лъабжьэужьщ, *-н-р* инфинитив гъэпсыкIэм и лъабжьэужьщ. *Ахэр здыблэкI жэзгундэ хьэсэм деж щыт автобуитIыгм цIыху куэд кыкIлауэ тракторым кыщIивыкIа жэзгундэр зэхуадзысырт* (Тыуаршы 1978: 76).

Къэдгъэлъэгъуа щхьэхуэныгъэхэм лъабжьэужь -с-р лэжыгъэцIэм къыщыкIуэныр нэхъ ягъэмащIэ щхьэкIэ, ар зи лъабжьэ кIэхуыр макъзешэ **ы**-кIэ иух лэжыгъэцIэхэми, **э**-кIэ иуххэми зэрапыувэм бзэм къызэрыщагъэсэбэпыр егъэбэгъуэж. Апхуэдэ лэжыгъэцIэхэм лъабжьэ кIэху яIар къызэтенауи ущрихьэлIэ щыIэщ. Щапхьэхэр зэлъыт: *шэ-н* (зыгуэркIэ зыгуэр, п.п., цIыху, хьэпшып, гъавэ сыт хуэдэ гуэрхэр зы щыIпIэм ишауэ нэгъуэщI щыIпIэ гъэлэпхуээн), ауэ *нэ-шэ-сы-н* (зыгуэр здэкIуэным нэс шэн). Зэхуеплъ: *тхьу(ы)-н* (зэкIэрыху, зэкIэрыщэщ гуэрхэр бел, хьэнцэ сыткIэ щIым зэрытелъым хуэдээрэ гъэлэпхуээн, лъэфын), ауэ *нэ-тхьу(ы)-сы-н* (зыгуэр птхьууэрэ зыщыIпIэ нэгъэсын).

ДызыкIэлыпль лъабжьэгъусэхэр лэжыгъэцIэ псалъэпкъым щыхыхьэкIэ макъзэблэхуэ къэзыгъэхур лъабжьэужьырщ. Макъзэблэхур налуэу щыпльагъунуш зэпкърытх лэжыгъэцIэ гупым лъабжьэужь -с-р хэмыту преверб **нэ**- шапыувэм деж. Апхуэдэу къэхуэ лэжыгъэцIэхэм я бжыгъэр куэд дьдэ хьуркъым, ауэ зи гугъу тщIы Iуэхугъуэр ягъэбелджылы. Зэхуеплъ шапхьэхэм: *плъэ-н* (нэр зыгуэрым теубыдэн) е *нэ-плъэ-н* (зыгуэр уи лъэныкъуэмкIэ зынигъэзауэ плъэн), ауэ *нэ-плъы-сы-н* (зыщыIпIэ нэс плъэуэ зыгуэр къэлыагъун). Иджыри зы шапхьэ: *хьы-н* (IэкIэ пIыгъыу зыгуэр зыщыIпIэ гъэлэпхуээн) е *нэ-хьы-н* (зыгуэр зыщыIпIэ здэхьын), ауэ *нэ-хьэ-сы-н* (зыгуэр зыщыIпIэ нэс хьын). *Абы шырыкъур сэ нэхьэсмэ, Ар слыгъыу сцIынуш ислъэмей, Сэлэт шырыкъум сфIэфIиц сэ лъысмэ япэ къэфэгъуэр мис абдей* (Кыщокъуэ 2004: 11).

Лъабжьэужь -с-м лэжыгъэцIэ зэпкърытх гупым я лъабжьэ кIэхуым **э:ы** аблаут лэужыгъуэр нэхьыбэрэ къыщегъэхур. Щапхьэхэм зэхуеплъ: *вэ-н* (щIыр пхьэлэщэкIэ зэгъэдзэкIын), ауэ *нэ-вы-сы-н* (щIыр увээрэ зыщыIпIэ нэсын); *жыIэ-н* (зыгуэр къэпсэлъын), ауэ *нэ-жыIы-сы-н* (псалъэмакъ къебгъэжбар икIэм нэгъэсын). *Си гугъэмкIэ абы (цIыхубзым) зыгуэр ныжымыIысу ллац...* (ШэджыхьэщIэ 1977: 154).

МащIэ дьдэрэ нэгъуэщI **ы:э** макъзэблэхуэ мы лэжыгъэцIэ гупым ущрохьэлIэ. ЩапхьэхэмкIэ зэхуеплъ: *лъэфы-н* (щIым щылыу зыгуэр гъэлэпхуээн), ауэ *нэ-лъэфэ-сы-н* (плъэфурэ зыгуэр зыщыIпIэ нэгъэсын); *хьы-н* (IэкIэ пIыгъыу зыгуэр зыщыIпIэ гъэлэпхуээн), ауэ *нэ-хьэ-сы-н* (зыгуэр зыщыIпIэ нэс хьын). *Пхуэмыхьын иумыхьэжэ, епхьэжэмаэ – нэхьэс* (КПП 1960: 139). Зэпкърытх гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ лэжыгъэцIэхэм *зыгъэзэж* категорэм и аффикс **зэ**- шапыуви щыIэщ. Апхуэдэ щыкIэкIэ къэхуэа лэжыгъэцIэхэм щхьэхуэныгъэ гуэрхэр ягъэлыагъуэ. Сыту жыпIэмэ, апхуэдэхэм деж лэжыгъэцIэм и щхьэ бжыгъэм хощI, нэхъ мащIэ мэхуэ. Зэхуеплъ шапхьэхэм: *абы ар абы нехьэс* (щхьыщ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэлэсщ), ауэ *абы абы зынехьэс* (щхьытI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэлэсщ). *Щхьэгъубжэм зынехьэсри (Залинэ) зыIуедз* (ЩоджэнцIыкIуэ 1973: 167).

Лъабжьэпэ **нэ-м** лэжыгъэр зыгуэр *адэкIэ кIуэуэ* зыщыIпIэ нэгъэсын мыхьэнэр лэжыгъэцIэм хильхьэмэ, абы и гъусэу лэжыгъэцIэ къэзыгъэхуэ лъабжьэужьми лъэныкъуэ гъэлыагъуэ мыхьэнэр хьэлъщ, абы нэмыщIкIэ лэжыгъэр гъэзэщIа зэрыхуар, зэрызэфIэкIар зыгъэлыагъуэри лъабжьэужьырщ. Щапхьэхэм зэхуеплъ: *нэ-тхьу-н* (зыгуэр абыкIэ, а лъэныкъуэмкIэ тхьун), ауэ *нэ-тхьу-сы-н* (зыгуэр птхьууэрэ зыщыIпIэ нэгъэсын), *нэ-шэ-н* (зыгуэр абыкIэ, а лъэныкъуэмкIэ шэн) *нэ-шэ-сы-н* (зыгуэр зыщыIпIэ нэс шэн), н.кь. (*Хьэбибэ жиIэу:*) *Подаркэ тIэкIури нэпшэсауэ щытамэ, зыгуэрт, губгъуэм ибдзэри къэбгъэзэжэщ* (Кыщокъуэ 2006: 227).

Лъабжьэужь -с зыхэт лэжыгъэцIэм нэгъуэщI лэжыгъэцIэ лъабжьэужь иджыри къыщыпыуви щыIэщ. Апхуэдэхэм деж дэтхэнэ лъабжьэужьми я мыхьэнэ лэжыгъэцIэм хальхьэр хьума мэхуэ. Щапхьэ: *нэ-шэ-сы-жы-ху* (пшэуэрэ къыздикIам нэбгъэсыжыху къриубыдэ зэман). *Абыи къыфлигъэкIакъым (лIыжьыым) я бжэIупэм нишэсыжыху* (Кыщокъуэ 2006: 434).

Лъабжьэгъусэхуэ -с-мрэ **нэ**-мрэ лэжыгъэцIэ лъэлэсхэми, лъэмыIэсхэми къыщокIуэ. Щапхьэ: *абы ар не-ху-с* (щхьытI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэлэсщ) – *нэ-ху(ы)-*

сы-н (зыгуэр зыщыпІэ нэс лъэщыгъэкІэ гъэкІуэн). Зэхуеплъ: *нэ-жэ-сы-н* (зыгуэр жэкІэ зыщыпІэ нэсын) – *ар абы но-жэ-с* (щхьитІ зиІэ лъэжыгъэцІэ лъэмыІэсщ).

Лъабжьэужь –*с* зыхыхъэу къэхъуа лъэжыгъэцІэхэм лъэныкъуэ преверб *нэ-р* преверб *кьэ-кІэ* щызэхъуэкІа щыхъу шыІэщ, апхуэдэхэм деж лъэжыгъэцІэм игъэзащІэ лъэжыгъэм *мыдэкІэ къакІуэу* мыхъэнэ хэлъщ. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *дзы-н* (хушцІэрыІэу зыгуэр зыІэщІэутыпщыкІын, хыфІэдзэн), *нэ-дзы-н* (зыгуэрым хуэгъэзауэ зыгуэр хуэутыпщын) е *кьэ-дзы-н* (щІым емыІусэу зыгуэр мыдэкІэ къэутыпщын), ауэ *нэ-дзы-сы-н* (зыгуэр бдзыуэ зыщыпІэ нэгъэсын) е *кьэ-дзы-сы-н* (зыгуэр дзауэ мыдэкІэ къэгъэсын).

Мы щапхъэхэм гугъукъым хэлпъэгъуэну гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лъэжыгъэцІэхэм я щхъэ бжыгъэм объект мыблагъэм (жыжъэм) и щхъэ лъабжьэпэ *нэ-м* зэрыхигъахъуэр. НэгъуэщІу жыпІэмэ, лъэныкъуэ лъабжьэпэ *нэ-м* къыгъэхъуа лъэжыгъэцІэм лъабжьэужь –*с-р* шыпыувэкІэ лъэжыгъэцІэм и щхъэ бжыгъэм зихъуэжыркъым.

Дызытепсэлъыхъ гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лъэжыгъэцІэ гупым иджыри зы щхъэхуэныгъэ яІэщ. Преверб *нэ-м* и закъуэу, лъабжьэужыныншэу къыгъэхъуф лъэжыгъэцІэхэрщ лъабжьэпэ *нэ-р* лъэныкъуэ зыгъэлагуэу преверб *кьэ-кІэ* зэхъуэкІа щыхъур. Андрей гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лъэжыгъэцІэ дызыкІэлъыплъ гупым хыхъэхэм лъабжьэгуцитІри морфологиекІэ щызэпыщІащ, щызэпхащ, зэгъусэу фІэкІа къакІуэркъым. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *вэ-н* (щІы щхъэфэр пхъэІэщэкІэ зэгъэдзэкІын) е *нэ-вы-сы-н* (увзурэ зыщыпІэ нэсын), ауэ *нэ-вы-н* жалэркъым. Иджыри зы щапхъэ: *джы-н* (зыгуэрым щыгъуазэ зыщІын) е *нэ-джы-сы-н* (тхыль сыт хуэдэ гуэрим уеджурэ зыщыпІэ унэсын, п.п., напэкІуэцІ гуэрим), ауэ *нэ-джы-н* шыІэкъым.

Зи гугъу тщІы лъэжыгъэцІэ гупым *язэхуэдэныгъэ* категорэм и лъабжьэпэ *зэры-* шапыуви шыІэщ. Апхуэдэхэм деж лъэныкъуэ лъабжьэпэми *нэ-:ны-* жиІэу макъзблэхъу къыщохъу, щхъэ куэд зиІэ лъэжыгъэцІэми и щхъэ бжыгъэм хошІри, зы щхъэ иІэу, ари куэд бжыгъэм иту къокІуэ. Ауэ щыхъукІэ лъэжыгъэцІэ лъэІэсхэм лъэмыІэс мыхъэнэ яІэ мэхъу. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *абы ар абы не-шэ-с* (щхьищ зиІэ лъэжыгъэцІэ лъэІэсщ), ауэ *ахэр ны-зэро-шэ-с* (зы щхъэ зиІэ лъэжыгъэцІэ лъэмыІэсщ); *абы ар абы не-хъэ-с* (щхьищ зиІэ лъэжыгъэцІэ лъэІэсщ), ауэ *ахэр ны-зэро-хъэ-с* (зы щхъэ зиІэ лъэжыгъэцІэ лъэмыІэсщ).

Езы гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лъэжыгъэцІэ гупми щхъэкІэ зэхъуэкІа щыхъухэм деж, щхъэхуэныгъэ гуэрхэр ягъэлагуэу. Щапхъэхэм зэхуеплъ.

Субъектым и ухуэкІэ:

Сэ абы ар нэсхъэсащ

Уэ абы ар нэпхъэсащ

Абы ар абы нихъэсащ

Объект мыблагъэм(жыжъэм) и ухуэкІэ:

Абы сэ ар ны-с-хуи-хъэ-с-а-щ

Абы уэ ар ны-п-хуи-хъэ-с-а-щ

Абы абы ар ны-хуи-хъэ-с-а-щ

Прямой объектым и ухуэкІэ:

Сэ уэ абы у-нэ-с-хъэ-с-а-щ

Уэ сэ абы сы-нэ-п-хъэ-с-а-щ

Абы ар абы ни-хъэ-с-а-щ

Щапхъэхэм наІуэ шохъу, объект мыблагъэм и щхъэр нэрымылъагуэ аффикскІэ къызэрыгъэлъэгъуар. Абы къыхэкІкІэ *зыхуэгъэза* категорэм и лъабжьэпэ хуэ-къахохъэ.

Зэпкърытх лъэжыгъэцІэ гупым, *язэхуэдэныгъэ* категорэм и префикс *зэры-* шапыувэкІэ, мыхъэнэ зэхъуэкІа яІэ щыхъуи къохъу. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *ны-зэры-хъэ-сы-н* (куэд хъууэ псынщІэу кІуэ, жэ гупыр зыщыпІэ нэсын) е *ны-зэры-лъэфэ-сы-н* (куэд хъууэ хуэму кІуэ гупыр зыщыпІэ ерагъкІэ нэсын).

ЛэжыгъэцIэ лъабжьэпэхэм ящыщу *зыхуэгъэза* категорэм и префикс *зэхуэ-р* лъабжьэужь –с-мигъусэу хохьэ лэжыгъэцIэ псалъэпкъым, *зэхуэхъэсын*, *зэцIэкъуэн* мыхьэнэ кыызэдагъэлягъуэу. Апхуэдэу кьэхъуа лэжыгъэцIэхэм лъэIэс мыхьэнэщ яIэр. Ахэр бзэм нэхьыбэрэ кызырэщыкIуэр щапхьэхэм ягъэнаIуэ. Щапхьэ: *зэхуэ-шэ-сы-н* (куэд хьу гуэрхэр зэуIу щIын, зэшэлIэн), *зэхуэ-тхьу-сы-н* (зыгуэрхэр птхьууэрэ зэхуэхъэсын, зэцIэкъуэн). *Тыгъуэн и унэкъуэщхьэр зэхуишэсри хьыбар яригъэщIащ*: – *Фымыбэлэрыгъ! Шэджэмокъуэхэ къанлы хьуащ*. (Теунэ 1980: 98). *Мэлыхьуэхэм хабзэ яхуэхъуауэ, къуэишхуэм дэт мэзыишхуэм щIыбжэ фо щызэхуахъэс* (АбытIэ 2009: 18). Иджыри зы щапхьэ: *Жьы кIуанIэ иIэн цхьэкIэ бзий цхьэкIэхэр зэхуикъусырккъым* (Мурат). – *Жьы бгъуэтрэ? – йоупицI Iэтэм хэсым*. (Елгъэр 1976: 23).

ГъэщIэгъуэнщ дзыкIэлъыплъ гупым хыхьэ *зэхуэ-лъэфэ-сы-н* (зыкьом зэгъуэун, зэхуэкъусын) мыхьэнэ зIэ лэжыгъэцIэм нэгъуэщI мыхьэнэщIэ, мыхьэнэ зэхьэклэ иIэ зэрыхьуар. Зэхуеплъ щапхьэхэм: *Жыраслээн и жьэм псалъэ кыбжэбэдэкIакъым и нанIэр зэхуилъэфэса фIэклэ* (КIыщокъуэ 2005: 73) *Дунейм тет цистернэхэр зэхуалъэфэсауэ щIагъэуэвэр (цеххэм)* (Тыуаршы 1978: 76).

Ауэ *мылкъу зэхуалъэфэсын* жьыIэгъуэм нэгъуэщI мыхьэнэщ игъуэтар – кьулей зыщIын. *Сытри зэригъэпэщI, зэхуилъэфэсри, хэджэлыкIыжэщI (Хьэжысмел и адэр)* (МафIэдз 2003: 45). *И зэфIэклI псори ирихьэлIауэ пщым мылкъу хузэхуелъэфэс (Къэрней)* (Къашыргъэ 1976: 86).

Апхуэдэуш *нэ-хъэ-сын* лэжыгъэцIэми мыхьэнэщIэ игъуэту фразеологизмэхэм зэрыхьхьар. Псалъэм папщIэ, *псэр нэхъэсын* (1. ЗыщIыпIэ упсэууэ унэсыфын. 2. ЗыщIыпIэ ерагъыу нызэрыхъэсын). *Салимэ и анэм елъэIуащ, и адэр къэкIуэжмэ, зыри жэрымIэну, и пэшымкIэ и псэр нихъэсыфа* кьудейуэ пэшыбжэм IункIыбзэ къритри гъуэлъыжэщI (КIыщокъуэ 2006: 27).

Иджыри зы щапхьэ: *IэнатIэр нэхъэсыфын* (1. зыбгъэдэт лэжыгъэр игъээщIэн хузэфIэклIын; 2. кьулыкъур хузехьэн). *Си IэнатIэу сызыIутыр Нэхъэсыфтэм си насыт* (КIыщокъуэ 2006: 56). Мы псалъэ зэпхам и япэ мыхьэнэ губгъуэ лэжыгъэ IэнатIэ ялыгъыу цIыхухэм ирахьэклIуэ зэрыщытар кьэжьапIэ хуэхъуащ.

Зэрынэрылягъуэщи, мы лэжыгъэцIэхэм *хузэфIэклIыныгъэ* категорэм и лъабжьэужь -ф кызырэшыгъуэм мыхьэнэщIэ игъуэтар егъэнаIуэ.

Зэпкырыхыныгъэм кызырэхэщамкIэ, гъэпсыкIэ зэхэлъ зIэ лэжыгъэцIэ лъабжьэужь -с-р зыхыхьэхэм мащIэ дьдэрэ фIэклэ *ы:э* аблаут лIэужыгъуэ уащримыхьэлIэмэ, нэхьыбэрэ *э:ы* макъзэблэхур кыщцохьу. Лъэныкъуэ лъабжьэпэ *нэ-м* куэдрэ епхауэ къакIуэми, лэжыгъэцIэхэм макъзэблэхуэ кыщызыгъэхур лъабжьэужьырщ. Лъабжьэужь -с-р лэжыгъэцIэ хьейхэми, – *нэ-жэ-сы-н* (жэкIэ зыщIыпIэ нэсын), щытыкIэ къэзыгъэлягъуэхэми – *нэ-Iу(ы)-сы-н* (даушыр, макъыр, хьыбарыр зыщIыпIэ нэсын, щызэхыхын) хохьэ. *Ди текIуэныгъэм и макъыр Дэнэ щIыпIу нолусыр*. (КIыщокъуэ 2004: 35).

Зэрынэрылягъуэщи, лъабжьэужь -с-м генетикэ илъэныкъуэкIэ кызытекIа псалъэпкъ епха -сы-м и мыхьэнэр фIэклэдырккъым, ауэ бзэм зэрызиужьым и щыхьэту щытыкIэ къэзыгъэлягъуэ лэжыгъэцIэхэм мыхьэнэщIэ щегъуэт.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

- АбытIэ 2009 – *Абитов В.К.* Уанэгу нэщI. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2009. 217 н.
- Дзуганова 2002 – *Дзуганова Р.Х.* Суффиксальные глаголы в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2002. 115 с.
- Елгъэр 1976 – *Елгъэр К.М.* Ухеймэ улъэщI. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н.
- Кумахов 1964 – *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. М.–Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.

- Кумахов 1989 – *Кумахов М.А.* Сравнительная грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
- КПП 1967 – Кабардинские пословицы и поговорки. Т. 2. Нальчик, 1967. 251 н.
- Къашыргъэ 1976 – *Къашыргъэ Хь.Хь.* ПшэкIухь. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 н.
- КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* Сэлэт шырыкыу. «Шум и гъуэгу» // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.
- КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* Батырыбжъэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.
- КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* ТекIуахэм сэлам. «Бгы лъапэхэм деж» // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.
- КIыщокъуэ 2005 – *КIыщокъуэ А.П.* Хъуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.
- КIыщокъуэ 2006 – *КIыщокъуэ А.П.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Роман. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.
- КIыщокъуэ 2006а – *КIыщокъуэ А.П.* Нал къута // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Романхэр. Т. 4. Налшык: Эльбрус, 2006. 688 н.
- КIыщокъуэ 2006б – *КIыщокъуэ А.П.* Къалэн // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2004. 552 н.
- МафIэдз 2003 – *МафIэдз С.Хь.* Мыхъур. Налшык: Эльбрус, 2003. 344 н.
- Теунэ Хь. 1980 – *Теунэ Хь.И.* Шэджэмокъуэ лъэпкъыр. Налшык: Эльбрус, 1980. 568 н.
- Тыуаршы 1978 – *Тыуаршы А.* Сэтэнейр къэгъагъэмэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1978. 424 н.
- ШэджыхъэцIэ 1977 – *ШэджыхъэцIэ Хь.* Дыцэм ефIэкIыу. Повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1977. 311 н.
- ЩоджэнцIыкIу 1973 – *ЩоджэнцIыкIу I.* Уи цIэр фIэсщынц. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1973. 304 н.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. 372 с.

References

- АБИТОВ V.K. *Uanjegu njeshti* [Empty saddle]. Cherkessk: Stavropol' thyl# tedzapIje. K#jerjeshej-Shjerdzhjes otdelenje, 2009. 217 n. (In Kabardino-Circassian)
- DZUGANOVA R.H. *Suffiksalye glagoly v kabardino-cherkesskom jazyke* [Suffixal verbs in the Kabardian-Circassian language]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBNC RAN, 2002. 115 s. (In Russian)
- ELG#JER K.M. *Uhejmje ul#jeshhshh* [If you're not guilty, you're strong]. Nalshyk: Jel'brus, 1976. 348 n. (In Kabardino-Circassian)
- KUMАНОВ M.A. *Morfologija adygskih jazykov* [Morphology of Adyghe languages]. M.–Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. 272 s. (In Russian)
- KUMАНОВ M.A. *Sravnitel'naja grammatika adygskih (cherkesskih) jazykov* [Comparative grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1989. 384 s. (In Russian)
- Kabardinskie poslovice i pogovorki* [Kabardian proverbs and sayings]. Т. 2. Nal'chik, 1967. 251 n. (In Kabardino-Circassian)
- K#ASHYRG#JE H'.H'. *PshjekIuh'* [Halo]. Nalshyk: Jel'brus, 1976. 378 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHHOK#UJE A.P. *Sjeljet shyryk#u* [Soldier's boots]. «Shum i g#ujegu» // Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Usjehjemrje poemjehjemrje. Т. 1. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 512 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHHOK#UJE A.P. *Batyrybzh'je* [Bowl for the hero] // Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Usjehjemrje poemjehjemrje. Т. 1. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 512 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHHOK#UJE A.P. *TekIuahjem sjelam* [Hello to the winners]. «Bgy l#apjehjem dez» // Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Usjehjemrje poemjehjemrje. Т. 1. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 512 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHHOK#UJE A.P. *H#ujepsjeg#uje nur* [Treasured light] // Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Т. 2. Nalshyk: Jel'brus, 2005. 488 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHHOK#UJE A.P. *L#apsje* [Land of ancestors] // Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Роман. Т. 5. Nalshyk: Jel'brus, 2006. 552 n. (In Kabardino-Circassian)

- KIYSHHOK#UJE A.P. *Nal k#uta* [Broken horseshoe] // Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. Romanhjer. T. 4. Nalshyk: Jel'brus, 2006. 688 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHHOK#UJE A.P. *K#aljen* [Commitment]//Thyg#jehjer tomihym shhyzjehujeh'jesauje. T. 5. Nalshyk: Jel'brus, 2004. 552 n. (In Kabardino-Circassian)
- MAFIJEDZ S.H'. *Myh#ur* [Seal]. Nalshyk: Jel'brs, 2003. 344 n. (In Kabardino-Circassian)
- TEUNJE H'.I. *Shjedzhjemok#uje l#jepk#yr* [Shogemukov family]. Nalshyk: Jel'brus, 1980. 568 n. (In Kabardino-Circassian)
- TYUARSHY A. *Sjetjenejr k#jeg#ag#jemje* [When Sataney blooms]. Cherkessk: Stavropol' thyl# tedzapIje. K#jerjeshej-Shjerdzhjes otdelenje, 1978. 424 n. (In Kabardino-Circassian)
- SHJEDZHYH'JESHHIJE H'. *Dyshhjem effjeklyu* [More expensive than gold]. Povest', rasskazhjer. Nalshyk: Jel'brus, 1977. 311 n. (In Kabardino-Circassian)
- SHHODZHJENCIYKIU I. *Ui cljer fljesshhyynshh* [I'll call you by your name]. Povest'. Nalshyk: Jel'brus, 1973. 304 n. (In Kabardino-Circassian)
- JAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo jazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L., 1948. 372 s. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Дзыгъуанэ Р. Хь. – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжъакIуэ пашэ.

Информация об авторе

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

R.Kh. Dzuganova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 81(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-34-41

АДЫГЭБЗЭ ИУЭРЫЛУАТЭБЗЭМ И ЛЕКСИКЭ-ГРАММАТИКЭ ЦХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Токмакь Мадина Хьэсэнбий инхъу

Гуманитар кэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ кэрал бюджет шIэныгъэ ИуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балгъкърэ шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакь М.Хь., 2024

Аннотаци. Мы лэжыгъэр теухуаш адыгэбзэ Иуэрылуатэбзэм и лексикэ-грамматикэ цхъэхуэныгъэхэм. Апажэ М.Л. и стиль гуэшыныгъэм зытетгъащIурэ Иуэрылуатэбзэр кызырыгуэжI жьабзэм и гусэу жьэрылуатэбзэм хыдогъахъэ. Лэжыгъэм кышчыдогъэлагуэ Иуэрылуатэбзэр щIыпIэбзэ псоми зэдайуэ зэрыщытыр, хабзэ пыухыкIам зэрытетыр, пасэреигъэр зэрихабзэр. Къыхыдогъэщ литературэбзэм жьы хъуа псалгъэхуэ кыльтыгъэр Иуэрылуатэ лексикэм дежкIэ нормэу зэрыщытыр; щIыпIэбзэхэм зэдайуэ зэрыщытым и фыгъэкIэ Иуэрылуатэ лексикэм шыщ псалгъэ куэд мыхъэнэщIэ ягъуэтурэ иджырей адыгэбзэм кызырыхыхъэр. Мыбы и гугъу шыдошI Иуэрылуатэм и морфологие кышхъэщыкIыныгъэхэм: зыгъэналуэ кьалэн зымыгъэзащIэ лъабжьэгъусэ –р-мрэ –м-мрэ; вокативым и лъабжьэужь –у(э)-м; псалгъэзэпыщIэ вокатив зэхэлъыкIэм и цхъэ щIэпапщIэ уэ-м; уха гъэпсыкIэм и кьалэныр инфинитивым и мыхъуныгъэ гъэпсыкIэм зэригъэзащIэм; цIэм, лэжыгъэцIэм я пкъымрэ лъабжьэужь –къэ-мрэ шызэгъэкIуауэ зэрыхэтым; аорист –и-кIэ иухым уха гъэпсыкIэр зэрымгъусэм; Иуэрылуатэ усэм и ритмикэм и нэщэнэу псалгъэзэпыщIэ гъэпсыкIэ –и-м, нэгъуэщIхэми. Иуэрылуатэм и синтаксис кышхъэщыкIыныгъэхэри кыдогъэлагуэ: таурыхъхэм езым я кьегъэжапIэ жыпхъэр зэралэр; уэрэдыжъхэм, гыбзэм *гуцэ, уей* псалгъэхэр кызырагъэсэбэп хабзэр; псалгъэж куэдым эллипсис гъэпсыкIэ, ззыгъапщIэ зэхэлъыкIэ зэралэр; къуажэхъхэм я нэхьыбэр псалгъэзэпыщIэншэ псалгъэуха зэхэлъу зэрыщытыр, нэгъуэщIхэри.

Зэрыгуэзэн псалгъэхэр: лексикэ-стилистикэ системэр, Иуэрылуатэ, жьабзэ, лексикэ, морфологие, синтаксис, кышхъэщыкIыныгъэ

Цитатэ кызырыхъхыну: Токмакь М.Хь. Адыгэбзэ Иуэрылуатэбзэм и лексикэ-грамматикэ цхъэхуэныгъэхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 34–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-34-41

Original article

LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF THE FOLKLORE STYLE OF THE KABARDIAN-CIRCISSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2024

Abstract. The article is devoted to the folklore vocabulary of the Kabardian-Circassian language and its linguistic features. Adhering to the classification of the lexical-stylistic system proposed by M.L. Apazhev, we consider folklore vocabulary together with colloquial vocabulary within the limits of oral vocabulary. The work analyzes the supra-dialectality, traditionality and archaic nature of folk poetry. It is noted that supra-dialectality, manifested in different areas of language – in vocabulary, syntax, morphology, gives grounds to speak of folk vocabulary as a special type of functional variation of language. It is emphasized that what is the norm for folklore vocabulary turns out to be archaism when used in a different functional and stylistic sense. The morphological features of Adyghe folklore are highlighted, namely: along with the usual vocative form, the form in –y(e) is widespread; 2nd person singular personal pronoun ue; Along with the simple infinite form, poetic speech also presents an infinite form in combination with the suffix –ke; The use of the aorist ending with –š is widespread outside of combination with a finite verb; a characteristic feature is the use of the conjunctive form in –i, etc. It is noted that supra-dialectal and traditional phenomena of folk vocabulary are clearly manifested in the field of syntax. It has been demonstrated, in particular, that there are traditional syntactic clichés for the beginning of folk tales; The folk song is characterized by very capacious syntactic constructions with homogeneous members of the sentence, as well as specific elements such as gushche, uey; Sentences that are proverbial in content are characterized by an elliptical structure, etc. It has been noted that repetition as a means of syntactic connection between words, phrases, sentences included in a complex syntactic whole, refers to linguistic forms that characterize the typological features of folklore vocabulary.

Keywords: lexico-stylistic system, folklore vocabulary, style, morphological features, syntax

For citation: Tokmakova M.H. Lexico-grammatical features of the folklore style of the Kabardian-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 34–41. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-34-41

Научная статья

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО СТИЛЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2024

Аннотация. Статья посвящена фольклорной лексике кабардино-черкесского языка, ее языковым особенностям. Придерживаясь классификации лексико-стилистической системы, предложенной М.Л. Апажевым, мы рассматриваем фольклорную лексику вместе с разговорно-бытовой в пределах устной лексики. В работе анализируются наддиалектность, традиционность и архаичность фольклорной поэзии. Отмечается, что наддиалектность, проявляющаяся в разных сферах языка – в лексике, синтаксисе, морфологии, дает основание говорить о фольклорной лексике как об особом типе функционального варьирования языка. Подчеркивается что то, что для фольклорной лексики является нормой, оказывается архаизмом при его употреблении в ином функционально-стилевом плане. Выделены морфологические особенности адыгского фольклора, а именно: наряду с обычной формой вокатива широкое распространение имеет форма на –y(э); личное местоимение 2-го лица единственного числа уэ; наряду с простой инфинитной формой в поэтической речи представлена также инфинитная форма в сочетании с суффиксом –кэ; широкое распространение имеет употребление аориста на –цц вне сочетания с финитным глаголом; характерной чертой является использование союзной формы на –и и др. Отмечено, что наддиалектные и традиционные явления фольклорной лексики четко проявляются в области синтаксиса. Продемонстрировано, в частности, что для начала народных сказок существуют традиционные синтаксические клише; народной песне характерны

очень емкие синтаксические конструкции с однородными членами предложения, а также специфические элементы типа *гуцэ, уей*; для предложений, по содержанию носящих пословичный характер, свойственно эллиптическое строение и т.д. Замечено, что повтор как средство синтаксической связи между словами, словосочетаниями, предложениями, входящими в сложное синтаксическое целое, относится к языковым формам, характеризующим типологические особенности фольклорной лексики.

Ключевые слова: лексико-стилистическая система, фольклорная лексика, стиль, морфологические особенности, синтаксис

Для цитирования: Томакова М.Х. Лексико-грамматические особенности фольклорного стиля кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 34–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-34-41

Стиль – ар псэлъэкӀэ лӀэужьыгъуэщ, цыхухэм я ІуэушцӀафэм епхауэ. Иджырей адыгэбзэ стилистикэм дэ тегъэщӀапӀэ тцӀыр Апажэ М.Л. и стиль гуэшыныгъэраш [Апажев 1992: 110]: нейтрал, жьэрыуатэ, тхыгъэ (тхылъыбзэ) стилхэр. Жьэрыуатэ лексикэм и кӀуэцӀкӀэ лӀэужьыгъуитӀ кыыхыдогъэщ: кызырэгуэцӀ къабзэмрэ Іуэрыуатэ лексикэмрэ. Іуэрыуатэбзэр къагъэщӀ адыгэ эпос усыгъэхэм, тхыдэ, лыхъужь даудапщэ уэрэдхэм, гыбзэхэм, хуэухъухэм, псысэхэм, таурыхъхэм, псалъэжъхэм, н. Іуэрыуатэ лексикэм и шапхъуэ къэпхъ хунуш мы псалъэхэр: *алън, абрэмывэ, афэ, иныжъ, тхьэІухуд, гур, жин, жин хужь, жин фӀыцӀэ, абрагъуэ, алмэсты, губгъуэ нанэ, нэжъгъуыцӀыдзэ, уащхъуэ мывэщхъуэкӀанэ, жаншэрхъ, хэтӀэ-хэсэ, тхьэгурымагъуэ, н.*

Іуэрыуатэ лексикэр Къумахуэ З.Ю., Къумахуэ М.І. сымэ я лэжыгъэм кышцахутащ [Кумахова, Кумахов 1979]. Апхуэдэу, абыхэм кыыхагъэщ «Нарт» эпосыр Іуэрыуатэм и лъабжъэ зэрыхъур: ««Нартхэм» я бзэр лъэхъэнэжыым кышшоужэ, ар кӀулейщ зэпӀэзэрыт, зы жыпхъэм ит, кызыэщӀэзыкыуэ формулэхэмкӀэ, стиль щхъэхуэныгъэхэр къэгъэльэгъуа зэрыхъу ІэмалхэмкӀэ, земыхъэнэгъу псалъэхэмкӀэ, псалъафэхэмкӀэ, фӀэщыгъэцӀэ гъэщӀэгъуэнхэмкӀэ» [Кумахова, Кумахов 1979: 27]. Іуэрыуатэ лексикэм и щхъэхуэныгъэ нэхъ нэІурытхэщ: 1) щыпӀэбзэ псоми зэдайуэ зэрыщытыр, 2) хабзэ пыухыкӀам зэрытетыр, 3) пасэреигъэр. Кыыхгъэщыпхъэщ литературэбзэм къэдгъэльэгъуа нэщэнэхэм нэгъуэщӀ бгъэдыхъэкӀэ зэрыщӀаэр, псалъэм папщӀэ, литературэбзэм жы хуа псалъэхуэ кыллыгъэр Іуэрыуатэ лексикэм дежкӀэ нормэщ.

ЩыпӀэбзэхэм зэдайуэ щытыным кышшэр абы литературэбзэм зэрызригъэужыым и закӀуэкъым, ар икӀи къабзэ щхъэхуэм и лӀэужьыгъуэу щытщ. Абы и шапхъуэ къэпхъ хунуш «Андемыркъан и уэрэдым» щыщ Іыхъэ:

*ЖырамыӀэнкӀэрэ Андемыркъаным и шхыдэц,
И шхыдэр и бацэти, езым хуэдэ цауэр лыщӀыскъым,
И джатэ Іэпцэр Лъэпцыри зи къаным хуикъузыц,
И жаныбзэжыым Аушыджэрджэми Іэ делъэ.
Шухэр зэдилъым, лъэрытэмытурэ зэцӀос,
Щыльгъэми носри пшагъуэ гурэнти мэуэ [Ад. Іу. 1970: 237].*

Мы уэрэдыр жызыӀэр езым и щыпӀэ псэлъэкӀэхэм тетураш. Ауэ нэрылгагъуш мыбы псалъэ куэд езым и щыпӀэм кышщхъэщыкыуэ зэрыхэтыр. Къапщтэмэ, *жырамыӀэнкӀэрэ* – лэжыгъэцӀэ гъэпсыкӀэщ, *жыӀэн* лэжыгъэцӀэм кытекӀауэ. А гъэпсыкӀэм иту (лъабжъэужь –рэ пыту) *жыӀэн*-ыр Іуэрыуатэ лексикэм фӀэкӀа кышцагъэсэбэпкъым. *Шхыдэ* псалъэр, «псалъэ» текстым кышыкӀуэр, иджырей адыгэбзэмрэ щыпӀэбзэхэмрэ «хуэмыгъэдэхэныгъэ, ехурджэуэныгъэ» кыкыуэ хэтщ. *Бацэ* «куэдыуэ» – иджырей адыгэбзэмрэ щыпӀэбзэхэмрэ а псалъэм ипӀэкӀэ *куэдыуэ*-р къагъэсэбэп. *Цауэ* «зи къэшэгъуэ хуа цыхухъуэ» – Іуэрыуатэм кыыхэкӀауэ а мыхъэнэр иІэу иджырей адыгэбзэмрэ щыпӀэбзэхэмрэ кышцагъэсэбэп.

Льышльыскьым «теклуэркьым» – мы псалъэм Гуэрыуатэм флэкIа ущрихьэлэнукьым, щыпIэбзэхэм зэдайщ, литературэбзэм абы пэхьур *пэльэщыркьым* псалъэрщ. *Хуикъуэщ* – *хуэкъуэзын* лэжьыгьэцIэм и аорист гьэпсыкIэщ. *Жаныбзэжь* – щыпIэбзэхэм зэдай псалъэщ «джатэ» мыхьэнэ иIэу. *Аушydжэрдж* – мажусий тхьэщ, заулIхэм я кыщхьэщыжакIуэу (Гуэрыуатэм ущрихьэлэнущ). *Льэрытэмытурэ* – кьикI дьдэр «лъакъуэкIэ щымыту», *лъэрытет* псалъэм кьытекIа мыхьуныгьэ гьэпсыкIэщ. Гуэрыуатэм «лъэтэн» мыхьэнэ иIэу хэтщ.

ЩыпIэбзэхэм зэдайуэ зэрыщытым и фIыгьэкIэ Гуэрыуатэ лексикэм щыщ псалъэ куэд иджырей адыгэбзэм кьыхыхьащ, мыхьэнэщIэ ягьуэтурэ. Апхуэдэу *хасэ* псалъэр эпос усыгьэм «нартхэм я зэлуэщIэ-у» хэтщ, иджырей адыгэбзэм абы мыхьэнэщIэ щигьуэтащ – «адыгэбзэр, адыгэ хабзэр, культурэр хьумэным, егьэфIэкIуэным телэжьыхь, зи Iуэху хуэмышIа, дэхуэха хьуа адыгэхэм зыщIагьэкъуэн, ядэлэпыкьун кьалэнри зи пщэ дэзылхьэж, адыгэ куэд здэщыпсэу кьэралхэм щыIэ цыхубэ лыкIуэхэм я зэхыхьэ» [СКЧЯ 1999: 677]. *Маисэ* псалъэр «Нартхэм» «эпос лыхьужьхэм я джатэу» итщ. Иджырей адыгэбзэм абы мыхьэнэщIэхэр щигьуэтащ: 1) «сэ жан», 2) «жану лъа зыгуэр». Япэм *шурьлэс* псалъэм «лыхьужьхэм я зэхьэзэхуэ лIэужьыгьуэ» кьикIырт, иджы ар «шыгьэджджэу» мыхьэнэуэ кьагьэсэбэп.

Гуэрыуатэм и морфологие кьыщхьэщыкIыныгьэхэу щытщ:

1) зыгьэнаIуэ кьалэн зымыгьэзащIэ лъабжьэгуэсэ –р-мрэ –м-мрэ. Ахэр «нэрымылбагьу кIэухым и зы лIэужьыгьуэхэщ» [Кумахова, Кумахов 1979:30] – пытуи, пымытуи мэхьу, абы щхьэкIэ псалъэм и мыхьэнэм зихьуэжыркьым. Абы и шапхьэу псалъэжхэр кьэпхь хьунуэщ – абыхэм нэхь кьыщызэтенащ жьы хьуа псалъэхэри, абыхэм я грамматикэ щхьэхуэныгьэхэри: *Шы пицлантIэмэ, уанэ екIужкьым* – *Шыр пицлантIэмэ, уанэр екIужкьым*; *Хьэ бзаджэ тIысыпIэншэц* – *Хьэ бзаджэр тIысыпIэншэц*; *ЦыхуфI и тIысыпIэ хьэзыриц* – *ЦыхуфIым и тIысыпIэ хьэзыриц*; *Фо нэхрэ жей нэхь IэфIц* – *Фом нэхрэ жейр нэхь IэфIц*;

1) вокативым и лъабжьэужь –у(э)-р:

Уэ дэ ди тхьэу, тхьэишуэ,

Дэ дызыгьэгуишуэу ди Тхьэгьэлэдж [Ад. Iу. 1963: 59].

Куэдрэ абы ехьэлIа еигьэ кьэзыгьэлабгьуэ *зи-ри* дешIыгьуэ:

Е зи цхьэ цIыбыр дыцэу,

Зи цхьэ гунэр дыцэ жьэгыру [Ад. Iу. 1963: 39];

2) псалъэзэпыщIэ вокатив зэхэлыкIэм и щхьэ цIэпапщIэ уэ-р:

Уэ пицэцэ пагэу сэмэркьээр зэмыкIу,

Уэ пицэцэ ябгэу уекIуэталIэм кьэгубжь,

Уэ пицэцэ пхьашэу IэбжьанэкIэ пIастхьэ,

Уэ пицэцэ кьуэгьуу гурымышь,

Уэ пицэцэ цIыIэу цIыкIэншэ [Ад. Iу. 1963: 195];

3) уха гьэпсыкIэм и кьалэныр инфинитивым и мыхьуныгьэ гьэпсыкIэм зэригьэзащIэр:

Нарт Щэбэтыныкьуэр си псалъыхьуэц,

Бэрэ укьыслыыхьу цхьэкIэ сыбдэмыкIуэн.

Нартхэ Сосрыкьуэр си псалъыхьуэц,

Бэрэ укьыслыыхьу цхьэкIэ сыбдэмыкIуэн [Н. 1971: 86].

АрщхьэкIэ Гуэрыуатэм и зы жанрым лIэужьыгьуэ зэтемыхуэхэм уащыхуэзэнкIэри мэхьу, псалъэм папщIэ, инфинитивым и мыхьуныгьэ гьэпсыкIэм ипIэкIэ уха гьэпсыкIэ кьыщагьэсэбэпи кьохьу:

*Нартхэ Сосрыкьуэри си псэлыхьукьэ,
Бэрэ укьыслыхьуми сыбдэкьуэнкьым* [Н. 1971: 34].

*Иашэм и кьуэу Иашэмзыр си псэлыхьукьэ,
Бэрэ укьыслыхьуми сыбдэкьуэнкьым* [Н. 1971: 85];

4) цэм, лэжыгыэццэм я пкьымрэ льябжьэужь -кьэ-мрэ шызэгьэкьуауэ зэрыхэтыр:

*Тэджэлей цыкьур дыщэ мэлуи,
Лыгьэкьэ зыбгьэлу цхьэкьэ уллымыхьукьэ* [Н. 1974: 185].

*И шыпэхушхуэр нэсэпасэц,
Езы цыкьур есици лэщэ хуэфкьэ* [Н. 1974: 185];

5) аорист –ц-кьэ иухым уха гьэпсыкьэ зэримыгьусэр:

*Хьэзырыдзэр дзэхуаэт, дзэ фьыццэт,
Хы фьыццэжьым кьытехьэцц, кьысыкьыцц,
Псыжьыкьэцц кьыгьазэцц, кьыбзыхьыцц,
Тыхьаер цы гьунэм кьыцищыцц,
Нартыццым цыятэцц, цытлыщыцц...* [Ад. Ю. 1999: 100].

6) Гуэрыуатэ усэм и ритмикэм и нэцэнэу псалгьэзэпыщцэ гьэпсыкьэ –и-р:

*Кьандзитлми сагуццэри,
Лыкьуэ пхэнжы зацысццри,
Кьандзитлри зэзгьэзауэри,
Си лыхьубжы щыскьутэри,
Си цауэбжы кьахэсхри...* [Н. 1974: 65];

7) Гуэрыуатэ усэм и ритмикэ кьыгьэлягьуэ фьэкьа псалгьэзэпыщцэ мыхьэнэи гьэнэуа мыхьэнэи зимыгьэ льябжьэгьусэ –р-р:

*Хьэнцэгуащэ зыдошэрэ,
Хьэнцэгуащэ махуэрэ,
Ялыхь, уэиш кьегьэщэццэх* [Ад. Ю. 1963: 172];

8) адыгьэбзэм мыхьэнэшхуэ шызигьэ льягьэс–льямыгьэс категорэм Гуэрыуатэм зэхуэкьыныгьэ щегьуэт – лэжыгыэццэ льягьэсым льямыгьэс мыхьэнэ игьэ мэху, и морфологие шытыкьэр кьыщтэу. Псалгьэм папщцэ:

*Лыр жьы хьум,
Уемыдагуэм мэгуэсэ,
Гьуэльыжам жеижкьым* [Ад. Ю. 1963: 204].

*«Ди адыгьэццэ», – жегьэри
Андемыркьаныр мзеплэ* [Ад. Ю. 1970: 294];

9) адыгьэ литературэбзэм зэпэщыт мыхьэнэ кьышызыгьэлягьуэ льяныкьуэ льябжьэпэ –ны-мрэ –кьы-мрэ Гуэрыуатэбзэм зэгьусэу кьегьэсэбэп:

*Нысэишэр кьэхуащэ,
Щалэгьуалэр кьынос* [Ад. Ю. 1963: 196].

Гуэрыуатэм и синтаксисми кьышхьэщыкьыныгьэццэ игьэцц. Апхуэдэу, таурыхьэм я кьегьэжыапгьэ жыпхьэу шытц: *Зылрэ зы фьырэ псэурт, жегьэ* [Таурыхьэмрэ хьыбархьэмрэ 1970: 23]; *Зы жылэишхуэ гуэрым дэст, жегьэ, зы щалэ Ахьмэтэчкьэ еджэу* [Таурыхьэмрэ хьыбархьэмрэ 1970: 23], н. Псысэжьейхэр («притчэм») куэдрэ псалгьэ гуэри-кьэ кьыщцэдзэ: *Еуэри, зэныбжэгуэищ псэути...*

[Нало 2008: 13]; *Еуэри, желэ, зы лыжъ гуэрэм кьуиц илэт* [Нало 2008: 72]; *Еуэри, зэкьуэшиц псэут, жи...* [Нало 2008: 76], н.

Уэрэдыжъхэм, гьыбзэхэм *гуцэ, уей* псалъэхэр кьышагъэсэбэп хабзэщ, псалъэм папщIэ: *Уи гьунэгъур бзаджэ гуцэмэ – цIы хуцынэ, уей* [Ад. Гу. 1963: 108]; *И псэм емыблэж гуцээрэ ар мэзауэ, уей* [Ад. Гу. 1963: 109];

*Нэхуцым и джэсд гуцэр кьыцылуэм,
Уэркъ цауэ гуцэр фызыцIошасэ,
Бжэшхуэ гуцэм фынызыдокIуалIэ,
Бжэшхуэ гуцэм фынызыдеуIуц* [Гутов и др. 2014: 499].

Гуэрыуатэм и усэхэм, уэрэдхэм я щытыкIэу щытщ синтаксис зэхэлъыкIэ ин пкьыгъуэ зэлъапкьэгъухэр зыхэтхэр. Щапхьэ:

*Сосрыкьуэ ди кьан,
Сосрыкьуэ дин нэху,
Ямылуэху дыщэфэ,
Афэр зи гьанэ куэцI,
Дыгьэр зи ныIэ цыгу* [Н. 1974: 61].

Псалъэжъхэм куэдрэ уащыхуэзэ эллипсис гьэпсыкIэхэм (лэжыгьэцIэр дэгъэхуауэ) псалъээпыщIэ тIурытI –рэ-кIэ зэпхауэ: *Мальхьэрэ кьанрэ* [Ад. пс. 1965: 30]; *Адэ лIэужьынишэрэ лыниэ кьутицхьэрэ* [Ад. пс. 1967: 18]; *Анэ бгьафэрэ хьурыфэ джэдыгурэ* [Ад. пс. 1967: 18]; *Уи анэрэ уи нитIрэ* [Ад. пс. 1967: 35]; *Зи нысэгъу зыубрэ, зи бын цытхьурэ* [Ад. пс. 1967: 25] н. Абы нэмыщI, «гьээщIакIуэ+гьээщIэн» зэхэлъыкIэри псалъэжъхэм я щытыкIэщ: *Дунейр чэзуц* [Ад. Гу. 1999: 366]; *Акьылыр былымц* [Ад. Гу. 1999: 366]; *ТхьэмыцкIэр тегушхуэгъуафIэц* [Ад. Гу. 1999: 364]; *Хэлъыхь Iыхьэнишэц* [Ад. Гу. 1999: 372], *Кьоджэр нэхьыжьыц* [Ад. Гу. 1999: 370], н.

Зэзыгъапщэ зэхэлъыкIэ зиIэ псалъэжъхэм псалъэкIапэ нэхьрэ кьышагъэсэбэп хабзэщ. Щапхьэхэр: *Куэд жызыIэ нэхьрэ* куэд зылэжъ [Ад. Гу. 1999: 362]; *Джатэрытщ нэхьрэ* пыц Iу щабэ [Ад. Гу. 1999: 363]; *Зи Iуэ былым ит нэхьрэ* зи цхьэ акьыл ит [Ад. Гу. 1999: 363]; *ЗыхуащIэ нэхьрэ зыцIэф* [Нало 2008: 112]; *Дыцэ унэ нэхьрэ* си унэжъ [Нало 2008: 127], н.

Кьуажэхьхэм езым я ухуэкIэ яIэщ – инэхьыбэр псалъээпыщIэншэ псалъэуха зэхэлъу щытщ, синтаксискIэ я Iыхьэхэр зэхуэдэу: *Вагьэр хужьыц, жылэр фIыцIэц (тхыль)* [Ад. Гу. 1999: 386]; *Бжьыхьэ нэщэнэ, мамыжъ Iус (мэкьу Iэтэ)* [Ад. Гу. 1999: 386]; *Махуэм драхьей, Жэщым кьрахьэх (тепIэницIэлъын)* [Нало 2008: 206], н. Абы нэмыщI, кьуажэхьым и япэ Iыхьэм хыхьэ псалъэм зэрыхьу гьэпсыкIэм и –у-р пытынкIэри мэхьу: *Нэ куэд зиIуэ* нэху зымылгагъу (*Iэпхьуалэ*) [Ад. пс. 1967: 239]; *Зи кIэр дыкьуакьуэу* бгыкьур зи унапIэ (*пцIащхьуэ*) [Ад. пс. 1967: 232]; *Iэдэнишэ уадэнишэу* Псым лъэмыж тезылъхьэ (*щIыIэ*) [Нало 2008: 212], н. Языныкьуэ кьуажэхьхэм я япэ Iыхьэм елыгъа гьэпсыкIэ (–мэ) яIэщ: *Псым хэбдзэми имыхьэ, Ащтырхьан пхьами мыкIуэд (псалъэ)* [Ад. пс. 1967: 232]; *Дэнэ укIуэми, пкIэрымыкI (ныбжъ)* [Ад. Гу. 1999: 387]; *Кьандзэгъу бгьэбатэмэ, бэтэжауэ кьыцIоху (кIэртIоф)* [Ад. Гу. 1999: 389], н.

Гуэрыуатэбзэм псалъэ занщIэр авторым и кьэлэутэныгьэм и кум щыдоувэ. Псалъэм папщIэ: *Зы тэлай дигьэкIри Сосрыкьуэ «Сыцауэгъу лыхьхуэц», – жиIэри а зауэлI шу закьуэр здыхьэжа пцIантIэм щепсыхащ* [Н. 1974: 82]. *Нартхэ* кьыдагъаджэщ, *Нартхэ драгъашиэри: «Шурылгьэс фыджэгу!»* – *Нартхэм цыжаIэм, Нартхэр бжьыхьэкIапэм, Уий, ныцIэзгуашиэц, Гуэрэным сынихьэри, Щыблэ выцIуэ сыгъуахьуэц...* [Ад. Гу. 1999: 40].

Гуэрыуатэбзэм и синтаксис зэхэлъ зэгупх мыхьур и инагькIэ зэхуэдэу щыткьым: нэхь машIэ дыдэу – псалъэухаитIу щытынкIэри мэхьу, нэхьыбэ дыдэу щыIэм хуэдэуи щытыфынущ. Гуэрыуатэм и синтаксис цхьэхуэныгьэхэм ящыщ кьытегьээжыныгьэр. Щапхьэ:

*Еллэ, Еллэ, ди жылэ укъемыуэ,
Еллэ, Еллэ, ди гъащІэри къэхъумэ,
Еллэ, Еллэ, ТхъэщІагъ мэз къыумыгъэс,
Еллэ, Еллэ, кхъужьыпсым дегъафэ.
Еллэ, Еллэ, фадэхэм еІэбых,
Еллэ, Еллэ, Хъэмывихыр къыдэзыт.
Еллэ, Еллэ, зыдедгъащтэу доудж,
Еллэ, Еллэ, ТхъэщІагъ жыгхэр доуджыхь [Ад. Іу. 1963: 19];*

*А махуэм си лъэнкІапІэр щІокІэзызэ,
А махуэм сэ си нитІыр цоункІыфІыкІыр,
А махуэм сэ си мэлур пылузодзыр,
А махуэм абы и бжыщхьэр иредзэкІыр,
А махуэм Псыжъ аузкІэ сыныдохьэ
А махуэм пцы Марыкгуэ изолІых [Н. 1974: 120].*

Къэхутэныгъэ едгъэкІуэкІам нэхъыщхьэу кърікІуауэ къыдолгытэ адыгъэбзэ ІуэрыІуатэ лексикэм езым и щхъэхуэныгъэхэр зэриІэр. Япэрауэ, ІуэрыІуатэбзэр щІыпІэбзэ псоми зэдайуэ зэрыщытыр, хабзэ пыухыкІам зэрытетыр, пасэреигъэр зэрихабзэр. ЕтІуанэрауэ, абы и лексикэми, морфологиэми, синтаксисми езым хуэфашэ нэщэнэхэр зэриІэр.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

- Ад. пс. 1965 – *Адыгэ* псалъэжхьэр, I. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1965. 204 н.
- Ад. пс. 1967 – *Адыгэ* псалъэжхьэр, II. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1967. 251 н.
- Ад. Іу. 1963 – *Адыгэ* ІуэрыІуатэхэр, I. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1963. 340 н.
- Ад. Іу. 1970 – *Адыгэ* ІуэрыІуатэхэр, II. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1970. 412 н.
- Ад. Іу. 1999 – *Адыгэ* ІуэрыІуатэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н.
- Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.
- Гутов и др. 2014 – *Гутов А.М., Кажаров В.Х., Табишев М.А., Шериева Н.Г.* Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 656 с.
- Кумахова, Кумахов 1979 – *Кумахова З.Ю., Кумахов М.А.* Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979. 360 с.
- Нало 2008 – *Нало З.* Адыгэ псалъэгъэпсахэр. Налшык: Эльбрус, 2008. 240 н.
- Н. 1971 – *Нартхэр*, VII. Мыекбуапэ: Адыгэ тхыль тедзапІ, 1971. 424 н.
- Н. 1974 – *Нарты*. М.: Наука. 1974, 420 с.
- СКЧЯ 1999 – *Словарь* кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 856 с.
- Т. хъ. – *Таурыхъэмрэ* хьыбархэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1970. 156 н.

References

- AD. PR. AND S. *Adygskie posloviцы i pogovorki* [Adyghe proverbs and sayings], Vol. I. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1965. 204 p. (In Kabardino-Circassian)
- AD. PR. AND S. *Adygskie posloviцы i pogovorki* [Adyghe proverbs and sayings], Vol. II. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1967. 251 p. (In Kabardino-Circassian)
- AD. F. *Adygskej fol'klor* [Adyghe folklore], Vol. I. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1963. 340 p. (In Kabardino-Circassian)
- AD. F. *Adygskej fol'klor* [Adyghe folklore], Vol. II. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1970. 412 p. (In Kabardino-Circassian)

- AD. F. *Adygskij fol'klor* [Adyghe folklore]. Nalchik: Elbrus, 1999. 400 p. (In Kabardino-Circassian)
- APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)
- GUTOV A.M., KAZHAROV V.KH., TABISHEV M.A., SHERIEVA N.G. *Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny* [Adyghe songs from the times of the Caucasian War]. Nalchik: Printing Dvor LLC, 2014. 656 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- KUMAKHOVA Z.YU., KUMAKHOV M.A. *Funkcional'naya stilistika adygskih yazykov* [Functional stylistics of the Adyghe languages]. M.: Nauka, 1979. 360 p. (In Russian)
- NALOEV Z.M. *Adygskaya paremiologiya* [Adyghe paremiology]. Nalchik: Elbrus, 2008. 240 p. (In Kabardino-Circassian)
- N. *Narty*. [Heroes] Vol. VII. Maykop: Adyghe Book Publishing House, 1971. 424 p. (In Adyghe)
- N. *Narty*. [Heroes]. M.: Science, 1974. 420 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- СКЧУА *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of Kabardino-Circassian language]. Moscow: Digora, 1999. 856 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- L. and ft. *Predaniya i skazki* [Legends and fairy tales]. Nalchik: Elbrus, 1970. 156 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Токмакъ М.Хь. – филологие щэныгъэхэмкIэ кандидат, доцент, адыгэбзэ секторым и лэжбакIуэ нэхбыжь.

Информация об авторах

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the authors

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

АДЫГЭБЗЭМ И БЕСЛЪЭНЕЙ ШЫПЭБЗЭМ ИЭ ФОНЕТИКЭ ШХЪЭХУЭНЫГЭХЭР

Шэру Нинэ Гьумар инхьу

Гуманитар кьэхутэныгьэхэмкIэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шIэныгьэ ЛуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгьэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шIэныгьэ центр» Федеральнэ шIэныгьэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Шэру Н.Гь., 2024

Аннотаци. Кьэхутэныгьэм адыгэбзэм и бесльэней шыпэбзэм хэлпьягьуэ шхъэхуэныгьэхэр шызэпкьрыхаш. Япэрауэ, лэжыгьэм зи гугьу тшIы шыпэбзэм елэжьахэм я цIэхэр кьыщыкьащ, абыхэм шыпэбзэдэж бзэщIэныгьэм хэлъхэныгьэ хуащIахэр кIэщIу кьыщылуэтащ. КьыкIэлыкьуэу фонетикэм дэпьягьу кьыщхъэщыкIыныгьэхэр шыубзыхуащ, адыгэ литературэбзэм егьэпшауэ. Макь дэкуащэхэмрэ макьзешэхэмрэ зэщхъэщыкьауэ топсэлъыхь, кьыхэгьэбелджылыкIа шхъэхуэныгьэ кьэсыху а екIуэжIыкIэм шыхъэт техуэ шапхъэхэр дэщIыгьуащ. Зэтемыхуэныгьэхэр нэхь гьэнэIуа хьун папшIэ, статьям кьыщыгьэсэбпащ дамыгьэ шхъэхуэхэр, псалъэхэр транскрипцэ шIащ.

Статьям и мурад нэхьыщхьэр адыгэбзэм и бесльэней шыпэбзэр нэхь кууэ зэпкьрыхынырщ: литературэбзэм кьызэрышхъэщыкI шIыкIэхэр кьыхэгьуэтэнырщ, абыхэм я кьэпсэлъыкIэ тэмэмыр гьэбелджылынырщ. Лэжыгьэм зепщытыным и шхъэусыгьуэ нэхьыщхъэ хьуар шыпэбзэхэр кууэ шызэпкьрыха лэжыгьэхэр зэрымащIэрщ. А шIыкIэхэми нобэрей шытыкIэр кьызэрамыгьэлыгьуэрщ. Мыбы кьыщыкьауэ мэхьу бесльэней шыпэбзэм и иджырей шытыкIэр, макь кьэпсэлъыкIэхэм ядэпьягьу шхъэхуэныгьэхэр, я кьызэгьэпэщыкIэ нэхьыщхъэхэр.

Статьям шIэуэ хэлъхэм ящыщI филологии шIэныгьэхэмкIэ доктор БицIо Б.Ч. адыгэбзэм хузэхильхьа бзэщIэныгьэ фIэщыгьэщIэщIэхэр кьызэрышыгьэсэбпар.

Кьэхутэныгьэр егьэкуэжIынымкIэ сэбэп хьуащ кьэхутэныгьэ, кIэлышIыныгьэ, зэпкьрыхыныгьэ, тепсэлъыхьыныгьэ, зэпгьэувыныгьэ, джыныгьэ, кьызэщIэкуэжыныгьэ методхэр.

Лэжыгьэм кьрикIуахэр шыхъэт тохьуэ адыгэ литературэбзэмрэ бесльэней шыпэбзэмрэ макьзешэхэми макь дэкуащэхэми ехьэлIауэ зэщхъэщыкIыныгьэ зэмылIэужыгьуэхэр зэралэр: **джь, чь, чьI**-р литературэбзэм и **джь, чь, чьI**-м, **джь** // **джь**-р **ж**-м, **чь** // **чь**-р **ш**-м, **чьI**, **чь**-р **шьI**-м, **гь**-р **дж**-м, **кь**-р **ч**-м, **кьI**-р **чI**-м, **шь** // **ш**-р **шь**-м, **жь** // **ж**-р **жь**-м, **ш**-р **шь**-м, **шь**-р **шьI**-м, **h**-р литературэбзэм и **х**-мрэ **шь**-мрэ, макьзешитI зэхэлъ **эй**, **ай**-хэр литературэбзэм и макьзешитI зэхэлъ **ей**-м хуэкуауэ, макьзешэ **и**-м ипIэклэ макьзешэ **ы**-р кьыщыкьуауэ, макьзешэ **е**-р **а**-рэ **э**-рэ хьуауэ долпьягьу.

Зэрыгьуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, шыпэбзэ, бесльэней шыпэбзэ, фонетикэ, макьзешэ, макь дэкуащэ

Цитатэ кьызэрышхъэщыкьуэр: Шэру Н.Гь. Адыгэбзэм и бесльэней шыпэбзэм иэ фонетикэ шхъэхуэныгьэхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 42–51. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51

Original article

PHONETIC FEATURES OF THE BESLENEEVSKY DIALECT OF THE KABARDIAN-CHERKASSIAN LANGUAGE

Nina. G. Sherieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Nina. G. Sherieva, 2024

Abstract. The article analyzes the main features of the Beslenevsky dialect of the Kabardian-Circassian language. Firstly, the names of those who studied this dialect are given, and their contribution to Adyghe dialectology is briefly highlighted. Then the phonetic differences of the Beslenevsky dialect in comparison with the Kabardian-Circassian literary language are examined in detail. Consonants and vowels are considered separately, and examples are given of the highlighted features to confirm their presence. In order to clearly identify discrepancies in pronunciation, special sound designations are used and phonetic transcription is used.

The purpose of this article is to study in more detail the Beslenevsky dialect of the Kabardian-Circassian language: to determine the characteristics of sounds that are distinctive from the literary language, and to identify their correct sound. The main reason for studying this issue was the insufficient number of scientific works on this topic. And the existing works no longer reflect the current state of the dialect. The proposed article shows the current situation, the adequate pronunciation of the sounds of the Beslenevsky dialect in comparison with the current literary language.

The novelty of the article also lies in the fact that for the first time in its development, a system of linguistic terms in the Kabardian-Circassian language, developed by Doctor of Philology Bizhoviev B.Ch., was used.

During the research process, the following methods were used: analysis, observation, analysis, descriptive method, comparative method, method of study and generalization.

The results of this article indicate that in the Beslenevsky dialect there are a number of distinctive features in comparison with the Kabardian-Circassian literary language in the system of both vowels and consonants: the literary dj, ch, chI corresponds to dzh', ch', ch'I, zh goes into dzh // j, sh in ch // ch, sh'I in ch, chI, j in ch, ch in k, chI in kI, sh in sh // sh, z in z // z, sh in sh, shI in sh, the literary x and Шъ in the dialect correspond to h, the literary diphthong it turns into the diphthongs hey, ay, instead of the vowel and the literary language, the vowel ы is used, the vowel e turns into a or e.

Keywords: Kabardian-Circassian language, dialect, Beslenevsky dialect, phonetics, vowel sounds, consonant sounds

For citation: Sherieva N.G. Phonetic peculiarities of the beslenevsky Dialect of the Kabardino-circassian Language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 42–51. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51

Научная статья

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕСЛЕНЕЕВСКОГО ДИАЛЕКТА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Нина Гумаровна Шериева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© Н.Г. Шериева, 2024

Аннотация. В статье анализируются основные особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка. Во-первых, приводятся имена тех, кто занимался исследованием данного диалекта, и кратко освещается их вклад в адыгскую диалектологию. Затем подробно разбираются фонетические отличия бесленеевского диалекта в сравнении с кабардино-черкесским литературным языком. Отдельно рассматриваются согласные и гласные звуки, к выделенным особенностям приводятся примеры, подтверждающие их наличие. Для того чтобы четко определить расхождения в произношении, используются специальные обозначения звуков, применяется фонетическая транскрипция.

Цель данной статьи – подробнее изучить бесленеевский диалект кабардино-черкесского языка: определить отличительные от литературного языка характеристики звуков, выявить их правильное звучание. Главной причиной исследования данного вопроса послужило недостаточное количество научных работ по данной теме. А имеющиеся работы уже не отражают современное состояние диалекта. В предлагаемой статье показывается нынешнее положение, адекватное произношение звуков бесленеевского диалекта в сравнении с нынешним литературным языком.

Новизна статьи заключается также в том, что впервые при ее разработке применялась система лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

В процессе исследования применялись: метод анализа, наблюдения, разбора, описательный метод, сопоставительный метод, метод изучения и обобщения.

Результаты данной статьи свидетельствуют о том, что в бесленеевском диалекте наблюдается ряд отличительных черт в сравнении с кабардино-черкесским литературным языком в системе как гласных, так и согласных звуков: литературному **джь, чь, чьI** соответствует **джь, чь, чьI**, **ж** переходит в **джь // джь, ш в чь // чь, шьI в чь, чьI, дж в чь, ч в кь, чI в кьI, шь в шь // ш, жь в жь // ж, шь в ш, шьI в шь**, литературным **х** и **шь** в диалекте соответствует **h**, литературный дифтонг **ей** переходит в дифтонги **эй, ай**, вместо гласной **и** литературного языка используется гласная **ы**, гласная **е** переходит в **а** или **э**.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, диалект, бесленеевский диалект, фонетика, гласные звуки, согласные звуки

Для цитирования: Шериева Н.Г. Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 42–51. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-42-51

Бесльэней щьыпIэбзэр – ар бесльэнейхэм я жьабзэщ. А щьыпIэбзэм иропсалъэ иджырей Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм хыхьэ Бесльэней, Вакгуэ-Жьылэ къуажэжэр, Краснодар крайм и Успен районым хыхьэ Кургуокъуей, Къанокъуей къуажэжэр. Къыщинэмышцауэ бесльэнейуэ зымащIэ щопсэу Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм хыхьэ нэгъуей, абазэ къуажэжэм. Я бжыгэкIэ XX лIэщыгъуэм и 50 гъэхэм СССР-м исач бесльэней лъэпкъым щыщу цIыху минихым щигуэ. НобэкIэ а бзэр зыурылхэм я бжыгэр зэхэгъэкIауэ щыткъым.

Бесльэней щьыпIэбзэр щызокIуэ хамэ кэралхэми. Бесльэнейхэм ящыщ куэд щопсэу Тыркум, Сирием, Иорданием, ауэ абыхэм я нэхыбапIэр нэгъуэщI адыгэ щьыпIэбзэхэм яхэшыпсыхыжаш е тыркубзэм техьаш.

Бесльэней щьыпIэбзэм хэлъ щхьэхуэныгъэ псори кызыэщIиубыдэу монографии тритыхыаш Балъкэр Б.Хь. [Балкаров 1959]. Нэхь иужькIэ ар и лъабжьэу абы очерк убгъуа хигъэхыаш «Очерки кабардино-черкесской диалектологии» тхылгым [Балкаров 1969: 76–118]. АдэкIэ а очеркыр адыгэбзэм кьидгъэзэгъауэ къыщыдохь.

Япэ дьдэ бесльэней щьыпIэбзэм Нэгумэ Шорэ и «Адыгэ лъэпкъым и тхыдэ» [Ногмов 1947] тхылгым щытепсэлъыхыаш. Шорэ кызыриллытэмкIэ, «къэбэрдеибзэмрэ бесльэнейибзэмрэ псом нэхэрэ нэхь къабзэщ».

Бесльэней щьыпIэбзэм тепсэлъыхь лэжыгъэ абы иужькIэ литературэм ушрихьэлIэр илгэс тхушI дэкIа нэужьщ: Лопатинскэ Л.Г. «Краткая кабардинская грамматика» тхылгым зрыщитхымкIэ, [Лопатинский 1891], мы зи гугъу тщIы щьыпIэбзэр «курыт адыгэбзэу е бесльэнейибзэу» ебж, кIахэбзэмрэ къэбэрдеибзэмрэ я зэхуаку лъэхьэнэ кыгъэлъагъуэу.

Лопатинскэ Л.Г. и лъэIукIэ Тамбий Пагуэ 1898 гъэм бесльэней щыпIэбзэкIэ «Къанокъуэ Лэжьэрыкъуэ» [Сборник... 1898] уэрэдым щыщ пычыгъуэ къытрыригъэдзаш «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»-м и 25-нэ къыдэкIыгъуэм.

Совет лъэхъэнэм адыгэбзэм елэжь бзэщIэныггэлIхэм бесльэней щыпIэбзэм теухуа я лэжьыггэхэр къытрадзэу хуежьаш. Профессор Яковлев Н.Ф. и «Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков» [Яковлев 1928] статьям зыщрипщытащ бесльэней лъэпкъыр къэхъуным щхьэусыгъуэ хуэхъуар къыщиггэлыгъуэну, адыгэбзэхэмрэ псэлыэкIэхэмрэ я системэм а щыпIэбзэм щуиубыд увыпIэр белджылы щыщIыну.

ИлъэситI дэкIа нэужь, профессор Яковлев Н.Ф. «Языки и народы Кавказа» [Яковлев 1930] жыхуиIэ лэжьыггэм бесльэней щыпIэбзэм и зэпкърыхыныггэм щыпещэ.

«Краткий обзор адыгейских диалектов» [Ашхамаф 1939] лэжьыггэм Iэшхэмаф Д.А. бесльэней жьабзэмрэ Черкесск щыпсэу адыгэхэм я псэлыэкIэмрэ зэхеггэхъэри шэрджэс-къэбэрдей щыпIэбзэ фIещ, Адыгейм щыпсэу къэбэрдейхэмрэ абазэхэмрэ я жьабзэхэри хыхъэу.

Бесльэней щыпIэбзэм щыгъуазэ дыхуищIу щыIэщ Турчанинов Г.Ф. и «Язык, письменность, печать» [Турчанинов 1946], «О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке» [Турчанинов 1949] лэжьыггэхэри, абы нэмыщIкIи Цагъэ М. и гъусэу итха «Грамматика кабардинского языка» [Турчанинов, Цагов 1941] жыхуиIэри.

Бесльэней щыпIэбзэм и макъ зэхэтыкIэр къэггэлыгъуа хъун папщIэ лэжьыггэм къыщыггэсэбэпаш къыкIэлыкIуэ дамыггэхэр:

шыIу – бзэгупэ IупщIэIуш лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ пIытIа укъуэдия

шь – бзэгупэ лъылъыль макъ дэкIуашэ шабэ укъуэдия

чыI – бзэгупэ лъылъыль макъ дэкIуашэ шабэ пIытIа зэхэт

чы – бзэгупэ лъылъыль макъ дэкIуашэ быдэ пIытIа зэхэт

шыI – бзэгупэ лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ пIытIа укъуэдия

джь – бзэгупэ лъылъыль макъ дэкIуашэ жьгъыжыгъ шабэ зэхэт

джь – бзэгупэ лъылъыль макъ дэкIуашэ жьгъыжыгъ быдэ зэхэт

гь – бзэгупэ зэхуэщIа-къыщиуд макъ дэкIуашэ жьгъыжыгъ

чь – бзэгупэ лъылъыль макъ дэкIуашэ шабэ дэгү зэхэт

къ – бзэгупэ зэхуэщIа-къыщиуд макъ дэкIуашэ дэгү

кыI – бзэгупэ зэхуэщIа-къыщиуд макъ дэкIуашэ пIытIа

h – зэпызыщIэ-зэхуаку макъ дэкIуашэ дэгү укъуэдия

г – бзэгупэ лъэдакъэм къыщыхъу макъ быдэ жьгъыжыгъ зэхуэщIа-къыщиуд

к – бзэгупэ лъэдакъэм къыщыхъу макъ быдэ дэгү зэхуэщIа-къыщиуд

чI – бзэгупэ лъэдакъэм къыщыхъу макъ быдэ тэмакъыщхьэ зэхуэщIа-къыщиуд

шь – лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ укъуэдия пIытIа иримыкъу

Макъ дэкIуашэхэм я щхьэхуэныггэхэр

Фонетикэ илъэныкъуэжIэ бесльэней щыпIэбзэмрэ литературэбзэмрэ я зэшхьэщыкIыныггэр нэхъыбэу хыболбагъуэ лъылъыльхэмрэ лъылъыль- щIэфие макъ дэкIуашэхэмрэ я системэм.

Мыбы къыщызэтонэ япэрей лъылъыль макъ дэкIуашэ зэхэтхэр икIи быдагъ, шабагъ елытакIэ фонологие сатыритI къаггэхъу:

джь   чь   чыI

джь   чь   чыI

Мы макъ дэкIуашэ зэхэтхэр литературэбзэм и лъылъыль макъ дэкIуашэ укъуэдияхэм япэщIоувэр. Нэхъыбэм щыпIэбзэ макъ дэкIуашэ зэхэтитIыр хуокIуэр

литературэбзэм и зы макъ дэкуашэ укьуэдиям. Къапштэмэ, макъ дэкуашэ зэхэт **джь**-мрэ **джь**-мрэ литературэбзэм къащыпохьу макъ дэкуашэ укьуэдия **ж**-р:

Бесль. щІ.	Лит.
<i>джь</i>	ж
<i>джь</i>	
Бесль. щІ.	Лит.
<i>джан</i>	<i>жан</i>
<i>джьэм</i>	<i>жэм</i>
<i>джьей</i>	<i>жей</i>
<i>джьэ</i>	<i>жэ</i>
<i>бджьэ</i>	<i>бжэ</i>

Макъ дэкуашитІ зэхэт литературэбзэм и макъ дэкуашэ дэгу укьуэдия **ш**-ми хуокьуэр:

<i>чь</i>	ш
<i>чь</i>	
Бесль. щІ.	Лит.
<i>чьэ</i>	<i>шэ</i>
<i>чьы</i>	<i>шы</i>

ЩыпІэбзэм и япэрей льылыль макъ дэкуашэ зэхэтхэр поув литературэбзэ льылыль-щІэфие макъ дэкуашэ пьытІа укьуэдия **шьІ**-м:

Бесль. щІ.	Лит.
<i>чьІ</i>	шьІ
<i>чь</i>	
Бесль. щІ.	Лит.
<i>чьІэ</i>	<i>шьІэ</i>
<i>чьІэ</i>	<i>шьІэ</i>

Бесльэней щІалэгьуалэм мы псалъэхэр льылыль макъ дэкуашэ щабэ зэхэт **чьІ**-уэщ къызэрапсэлыр: *чьІэ* (ныбжьыщІэ), *чьІэ* (лъащІэ).

Мы хабзэр къута щохьу псалъальэм и зы къат щхьэхуэм. Мыбдеж макьитІкъым къыгэлыагьуэр, атІэ зы макъщ: льылыль щІэфие макъ дэкуашэ дэгу укьуэдия **шь**-р литературэбзэ **шьІ**-м поувыр.

Бесль. щІ.	Лит.
<i>шь</i>	шьІ
Бесль. щІ.	Лит.
<i>шьэн</i>	<i>шьІэн</i>
<i>шьын</i>	<i>шьІын</i>
<i>шьы</i>	<i>шьІы</i>
<i>гъашьэ</i>	<i>гъашьІэ</i>

Мы псалъэхэр адыгэздаибзэм ейуэ къалытэ льылыль-щІэфие макъ дэкуашэ укьуэдия **шьІ**-р зыхэт лексикэ фондым хохьэ. Егъапщэ: кІахэбзэ *шьІэн*, *шьІын*, *шьІы*, *гъашьІэ*.

А жьыдэкі макъхэм я дэгу ІукІэр адыгэ литературэбзэм и бжыгэщІэхэм хьума щохьу: *шьыкІуыз*, *шьыкІуытІ*, н.

Бесльэней щыпІэбзэм къыщызэтенахэм ящыщ япэрей льылыль макъ дэкуашэ укьуэдиякІэ дызэджэхэр. Льылыль макъ дэкуашэ зэхэтхэм хуэдэу, ахэри зэщхьэщагьэкІ быдагьрэ шабагькІэ, икІи тІурытІу зэхэт фонологие сатыритІ къагьэхьу:

ж → **жь**
ш → **шь**

Мы лъылылъ макъ дэкуашэ укьуэдияхэм къапохьур литературэбзэм и лъылылъ-щIэфие жьыдэкIхэм я етIуанэрей къэгъэщIыггэр.

Ахэр литературэбзэм и лъылылъ-щIэфие макъ дэкуашэхэм тIурытIурэ пэщIоувэ. ЩыпIэбзэ лъылылъ макъ дэкуашэ укьуэдия **жь** // **ж**-хэр литературэбзэм и лъылылъ-щIэфие макъ дэкуашэ **жь**-м хуокIуэ.

Бесль. щI.	Лит.
<i>жь</i>	<i>жь</i>
<i>ж</i>	

Бесль. щI.	Лит.
<i>жьыбгъэ</i>	<i>жьыбгъэ</i>
<i>жьы</i>	<i>жьы</i>
<i>бжьэ</i>	<i>бжьэ</i>
<i>уыжьэ</i>	<i>уыжьэ</i>
<i>жэ</i>	<i>жьэ</i>
<i>Iэжэ</i>	<i>Iэжьэ</i>
<i>бжыгъэ</i>	<i>бжьыгъэ</i>

ЩыпIэбзэ лъылылъ макъ дэкуашэ укьуэдия **шь**-мрэ **ш**-мрэ литературэбзэ лъылылъ-щIэфие жьыдэкI макъ дэкуашэ дэгу **шь**-м хуокIуэхэр:

Бесль. щI.	Лит.
<i>шь</i>	<i>шь</i>
<i>ш</i>	

Бесль. щI.	Лит.
<i>шы</i>	<i>шы</i>
<i>шьэкI</i>	<i>шьэчI</i>
<i>шысын</i>	<i>шысын</i>
<i>шэ</i>	<i>шьэ</i>
<i>шэн</i>	<i>шьэн</i>
<i>шапхэ</i>	<i>шьапхэ</i>
<i>шыгу</i>	<i>шьыгу</i>

ЩыпIэбзэ фонетикэм и къыщхьэщыкIыныггэр хьболъагъуэ бзэгу лъэдакэ зэхуэщIа-къыщиудхэу **гь**, **къ**, **къI**-хэм щабэ хьуа щытыкIэр яIэу къызэрызэщытенам. Литературэбзэм ахэр макъ дэкуашэ зэхэт **дж**, **ч**, **чI**-хэм цыхуэкIуащ. Абы къыхэкIыу щыпIэбзэмрэ литературэбзэмрэ щызэтеуащ мы макъхэм я зэпэхьукIэхэр:

Бесль. щI.	Лит.
<i>гь</i>	<i>дж</i>
<i>къ</i>	<i>ч</i>
<i>къI</i>	<i>чI</i>

Щапхьэхэр:

Бесль. щI.	Лит.
<i>гьанэ</i>	<i>джанэ</i>
<i>гьат</i>	<i>джатэ</i>
<i>гьэд</i>	<i>джэд</i>
<i>гьыдэ</i>	<i>джыдэ</i>
<i>бэгъ</i>	<i>бэдж</i>
<i>сыгъ</i>	<i>сыдж</i>

<i>сымагьэ</i>	<i>сымаджэ</i>
<i>кьэ</i>	<i>чэ</i>
<i>кьы</i>	<i>чы</i>
<i>кьэзу</i>	<i>чэзу</i>
<i>кьэн</i>	<i>чэн</i>
<i>кьлэ</i>	<i>члэ</i>
<i>кьлэн</i>	<i>члэн</i>
<i>кьлапэ</i>	<i>члапэ</i>
<i>кьлапсэ</i>	<i>члапсэ</i>
<i>кьлы</i>	<i>члы</i>

Литературэбзэм и макъ дэкуашэ зэхэт дэгумрэ щыпIэбзэм и зэхуэщIа-кыщиуд макъ дэкуашэ дэгумрэ апхуэдэ я зэпэхьукIэр цокьутэ чын (лит.) // *кьлын* (щыпI.) гьэпсыкIэхэм.

Абы кьыдэкуэуи щыпIэбзэм мы сатырым хэт пIытIахэм IукуэцIыщхэ кьэпсэлкIэ щалэу ухуозэ. Апхуэдэ Iукуэ кьыщохуэ льылыль макъ дэкуашэ укьуэдия быдэм пэгьунэгьу увьпIэм деж: *шкIэ, IэшкIэ*.

ЩыпIэбзэм кьыхохуэ и IукуэцIэ жьыпэум пэгьунэгьу зэпызыщIэ макъ дэкуашэ укьуэдия **h-р**. Ар куэд бжыгьэ кьэзыгьэлягьуэ льябжьэужьым кьыщапсэлъ: *тхьлхэр, дэхэр, Iэхэр, уынэхэр, куахэ, дэхьахэ, вахэ*.

Мы щытыпIэм зи гугьу тщIы макьыр и пIэ шоувэ литературэбзэм и макъ дэкуашэ укьуэдия дэгу х-м: *тхьлхэр, дэхэр, Iэхэр, уынэхэр, куахэшъ, дыхьахэшъ, вахэшъ*.

ЗэпызыщIэ макъ дэкуашэ укьуэдия **h-р** бесльэней щыпIэбзэм гьээщIэн гьэпсыкIэхэм псалъэзэпыщIэ льябжьэужь **и-м** и пэки кьышоув: *мы дызэхуэзар арахи зыдимыгьэцIыхуу мыр кьуаджьэм дэхьэжьынкьым; джьытIэнхи джьэуап йэттын; фьтIысахи фькьэтэгьын фи гуыгьуэкьым, сыкуэнхи йы Iэлыныр кьэсхьын*.

Мыпхуэдэхэм деж макъ дэкуашэ укьуэдия **h-р** литературэбзэм и льылыль-щIэфие макъ дэкуашэ **шъ-м** и пIэ итщ: *мы дызэхуэзар арашъи зыдимыгьэцIыхуу мыр кьуажэм дыхьэжьынкьым; жьытIэншъи жьэуап еттыншъ; фьтIысашъи фькьэтэджьын фьгьуэкьым; сыкуэншъи и Iэлыныр кьэсхьыныц*.

ЩыпIэбзэ **h-р** зэуэ литературэбзэм и х-мрэ **шъ-мрэ** щапэувкIэ, ар щытыпIэ зэмылэужьыгьуэхэм ит фонемэ зэмышхьитIым я макътеплэ мэхуэ. Тхьдэ ильэныкьуэцIэ ар щыхьэт тохуэ литературэбзэм и макъ дэкуашэ укьуэдия дэгу х-м генезис тIуащIэ зэриIэм.

Бесльэней щыпIэбзэм *тауэ?*, *тэнэ?* псалъэхэм литературэбзэм и макъ дэкуашэ жьгьыжыгь д-м ипIэцIэ зэхуэщIа-кыщиуд макъ дэкуашэ дэгу **т-щ** кьыщапсэлъыр. Егьапщэ: лит. *дауэ?*, *дэнэ?*

Адрей псалъэхэм макъ дэкуашэ **д-р** жьгьыжыгьагьэр тIэку нэхь гьэмэщIауэц кьызэрыщапсэлъыр, литературэбзэм еплъытмэ.

Псалъэ гуэрхэми Iупэ макъ дэкуашэ **б-м** и макьыщI элементыр нэхь махэ шохур: *бахэ, банэ, бацэ*.

Мы макъ дэкуашэхэм я макьыщI элементыр нэхьри нэхь махэж мэхуэ макъ дэкуашэ **джь, джь, гь**-хэм гьунэгьуу щабгьэдэувэм: *бджьэн, бджьы, бджьэ, бджьа, дджьа, ддзкьа*.

Езы зэпэгьунэгьу макъ дэкуашэхэм я жьгьыжыгьагьыр, литературэбзэм еплъытмэ, нэхь гьэмэщIауэ *джьэи, джьэй, джьэ, гьэд* псалъэхэми кьыщапсэлъ. Егьапщэ: лит. *жэи, жей, жэ, джэд*.

Мы псалъэхэм я бесльэней гьэпсыкIэхэр адыгэ щыпIэбзэхэм я гьэпсыкIэхэм, нэхьыбэу бжэдыгьу щыпIэбзэм ебгьапщэмэ (*ттауэ?*, *ттыдэ?*, *тты жьыны, ттыгьуыжьы, ттамэ, ппыхь, ппанэ, ппацэ, ппчьэны, ппчьы, ппчьэ, ппчьэгь, ттццэкьэгь*), а макъ дэкуашэхэм зыми емьщхэ я акустикэр преруптив макъ дэкуашэхэм я кьекIуэкIыкIам зэрэпхар кьыхош.

Литературэбзэм и **д, б, джь, джь, гь** макъ дэкIуашэхэм я къэпсэлъыкIэм елытауэ, щыпIэбзэм тIэкIу нэхъ щыгъэдэгуа лIэужыгыуэм къыщызэтенаш адыгэ щыпIэбзэхэм я преруптив макъ дэкIуашэхэр жьгъыжыгъхэм щыхуэкIуа лъэхэнэр, ахэр дэгуу щымытыжу, ауэ жьгъыжыгъ дьдэ иджыри мыхъуауэ.

Мы къэхьугъэм адыгэбзэм и фонетикэм и тхьдэм дежкIэ мыхъэнэшхуэ иIэщ – абы преруптивхэм я тхьдэм и зы лъэхэнэ егъэбелджылы.

ПычыгъуэмыщI макъ дэкIуашэхэм я системэм щыпIэбзэм щилэ щхъэхуэныгъэхэр нэхъ щыбыдэщ Вакулэжылэ, Кургъуокъуей къуажэдэсхэм я жьабзэм.

А мардэм нэхъ токI Бесльэней, Къанокъуей къуажэхэм щыпсэхуэм я псэлъэкIэр.

Бесльэней къуажэм лъылъыль къыщиуд-тэмакъ макъ дэкIуашэ зэхэтхуэ **чыI-мрэ чыI-мрэ** къадэкIуэу лъылъыль-щIэфие пIытIа ныкъуэ макъ дэкIуашэ укъуэдия **шыI-р** къыщапсэлъ:

чыIэ // шыIэ – щIэ

чыIэ // шыIэ – щIэ

мачьIэ // машьIэ – мащIэ

пчьIэ // пшьIэ – пщIэ

Къанокъуей къуажэдэсхэм я жьабзэм ущрохьэлIэ къыщиуд-тэмакъ лъылъыль-щIэфие макъ дэкIуашэ укъуэдия **шыI-р** языныкъуэ псалъэхэм къыщагъэсэбэпу: *шыIын* (щIын), *гъэшъIэгъуэн* (гъэщIэгъуэн), *шыIэх* (щIэх), *гъашьIэ* (гъащIэ).

Абы нэмыщI, мы къуажэм лъылъыль макъ дэкIуашэ зэхэт **чы-**, **чы-**хэм я пIэкIэ лъылъыль макъ дэкIуашэ укъуэдия **шь-р** къыщапсэлъ: *башь* (баш), *шыы* (шы), *мэшь* (мэш). Егъапщэ: кургъуокъуей *бачь*, *чыы*, *мэчь*.

Мы къуажэм дэсхэм макъ дэкIуашэ пIытIа **шыI-р** къызэрагъэсэбэным я жьабзэр кIахэбзэм нэхъ пэгъунэгъу ещI.

ЩыпIэбзэм ирипсалъэхэм я ныбжь елытауэ пычыгъуэмыщI макъ дэкIуашэхэм я системэм и къэгъэсэбэпыкIэм зтемыхуэныгъэхэр хьболъагъуэ. Бесльэней щIэблэщIэм я жьабзэм лъылъыль макъ дэкIуашэ быдэ зэхэтыр къыхокIуэтыкI. Нэхьыбэу а екIуэкIыкIэр нэхъ щыщIэгъэхуэбжьащ лъылъыль макъ дэкIуашэ пIытIа зэхэтхэм: *чыIэ*, *чыIэ*, *чыIыгу*.

Макъзешэхэм яIэ щхъэхуэныгъэхэр

Макъзешэхэм епхауэ щыпIэбзэм и зы щхъэхуэныгъэщ екIуэтэх макъзешитI зэхэлъ **эй**, **ай**-хэр абы зэрыхэтыр: *джьэй*, *дэй*, *лъэй*, *уай*, *къуылай*, *бай*.

Мы макъзешитI зэхэлъхэр литературэбзэм и **ей**-м пэщIоувэ: *жей*, *дей*, *лъей*, *къуылей*, *бей*.

Абы къокI щыпIэбзэм макъзешитI зэхэлъхэм я япэрей Iыхъэхэм я нэхъ зэIуха щытыкIэр хьума щыхъуауэ.

ЩыпIэбзэм литературэбзэм и макъзешэ **и**-м ипIэкIэ макъзешэ **ы**-р къыщыкIуэу ухуозз: *къыуыкIа*, *къышьтэри*, *къыуыбыдри*, *джьыIэри*, *къыхуыну*, нэгъуэщIхэри. Егъапщэ: лит. *къиуыкIашь*, *къишьтэри*, *къиуыбыдри*, *жиIэри*, *къыхуыну*. Мы къэхьугъэм лъэныкъуэ лъабжьэпэ нэужьыращ нэхьыбэрэ ущыхуэзэр.

Ауэ езы мы макъзешэр макъзешэ э-кIэ зэхъуэкIа мэхъу.

Мы къэхьугъэр кIэуххэми хэплъэгъуэнущ. Псалъэм папщIэ, бесльэнейхэм жалэ: *мэзэр* (*мэзыр*-ым ипIэкIэ); *зэгъуэрэм* (*зэгъуэрэм* ипIэкIэ); *уэстынкъэм* (*уэстынкъым* ипIэкIэ), нэгъуэщIхэри.

Апхуэдэхэм псалъэкуми ущыхуозз: *чыIэхъэ*, *дэхъэ* «къыщIыхъэ» мыхъэнэр яIэу. Егъапщэ: лит. *шыIыхъэ*, *дыхъэ*.

Литературэбзэм и псалъэкум хэт макъзешэ **е**-р бесльэней щыпIэбзэм **а**-рэ э-рэ щыхъу щылэщ: *тебэ*-м ипIэкIэ *табэ*, *Бетал*-м ипIэкIэ *Бетал*.

Дистрибуцэ ильэныкьуэкІэ щІыпІэбзэм и нэщэнэгъэлыагъуэу мэувыр макъэшэ кІэщІ **ы-р** псалъэпэм кызыэршыкІуэр: *ынэ, ыгъуэ, ыжэ, ырет, ытха*. Егъапщэ: лит. *ыынэ, йыгъуэ, йыжэ, йырет, йытхашь*.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

- Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Кабгосиздат, 1947.
Лопатинский 1891 – Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК. Вып. XII. Тифлис, 1891.
Сборник... 1898 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. Тифлис, 1898.
Яковлев 1928 – *Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, Т. I. Ростов-на-Дону, 1928.
Яковлев 1930 – *Яковлев Н.Ф.* Языки и народы Кавказа. Тифлис: Заккнига, 1930.
Ашхамаф 1939 – *Ашхамаф Д.А.* Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп: Адыгнаиздат, 1939.
Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Язык, письменность, печать // Сборник «Кабардинская АССР». Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1946. С. 256–281.
Турчанинов 1949 – *Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половине XIX столетия // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 39–61.
Турчанинов, Цагов 1941 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941.

References

- NOGMOV Sh.B. *Istoriya adygeiskogo naroda* [History of the Adyghe people]. Nal'chik: Kabgosizdat, 1947. (In Russian)
LOPATINSKII L.G. *Kratkaya kabardinskaya grammatika* [Brief Kabardian grammar]. SMOMPK. Vyp. XII. Tiflis, 1891. (In Russian)
Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. Vyp. 25. Tiflis, 1898. (In Russian)
YAKOVLEV N.F. *Kratkii obzor cherkesskikh (adygeiskikh) narechii i yazykov* [Brief overview of Circassian (Adyghe) dialects and languages] // Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta, T. I. Rostov-na-Donu, 1928. (In Russian)
YAKOVLEV N.F. *Yazyki i narody Kavkaza* [Languages and peoples of the Caucasus]. Tiflis: Zakkniga, 1930. (In Russian)
ASHKHAMAF D.A. *Kratkii obzor adygeiskikh dialektov* [Brief overview of the Adyghe dialects]. Maikop: Adygnatsizdat, 1939. (In Russian)
TURCHANINOV G.F. *Yazyk, pis'mennost', pechat'* [Language, writing, printing] // Sbornik «Kabardinskaya ASSR». Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1946. S. 256–281. (In Russian)
TURCHANINOV G.F. *O nekotorykh foneticheskikh yavleniyakh v kabardinskom yazyke pervoi polovine KhIKh stoletiya* [On some phonetic phenomena in the Kabardian language in the first half of the 19th century] // Yazyki Severnogo Kavkaza i Dagestana. Vyp. 2. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. S. 39–61. (In Russian)
TURCHANINOV G., TSAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Шэру Н.Гъу. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ нэхъыжъ.

Информация об авторе

Н.Г. Шериева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Information about the author

N.G. Sherieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 81:01

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-52-57

ИЗ СЛАВНОЙ ДИНАСТИИ КАШЕЖЕВЫХ: О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДА ЛЮДМИЛЫ КАШЕЖЕВОЙ

Альбек Чамирович Абазов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия, abazov1964@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3823-393X>

© А.Ч. Абазов, 2024

Аннотация. В статье впервые дается анализ жизни и творчества известного адыгского литературоведа и литературного критика Л.Н. Кашежевой, одного из первых специалистов в Кабардино-Балкарии, получивших базовое образование и высшую квалификацию в области изучения национальных литератур. Освещаются как основные этапы ее биографии, так и наиболее значительные в историко-культурном отношении научные труды – монографии, очерки о творчестве ведущих писателей, а также статьи обобщающего теоретико-методологического характера, представляющие важную веху в изучении словесного искусства адыгов и соседних народов. Особо обращается внимание на то, что для Л.Н. Кашежевой характерно органическое сочетание конкретного анализа художественного стиля того или иного автора с установлением общих закономерностей развития всего литературного процесса. При изложении биографических сведений обращается внимание на то, что Л.Н. Кашежева не просто состоит в кровном родстве с известными представителями своей фамилии (она внучатая племянница видного общественного деятеля и ученого Талиба Кашежева и двоюродная сестра известного советского поэта Инны Кашежевой), но и является достойным преемником лучших традиций своей фамилии. Вклад ее в изучение истории и современного состояния кабардинской литературы и литератур народов Кавказа бесспорно значителен, что подтверждается обзором и анализом ее трудов в данной области.

Ключевые слова: литература, писатели, филология, проза, статья, очерк, сборник, творчество

Для цитирования: Абазов А.Ч. Из славной династии Кашежевых: о творческом наследии литературоведа Людмилы Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 52–57. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-52-57

Original article

FROM THE GLORIOUS KASHEZHEV DYNASTY: ABOUT THE CREATIVE HERITAGE OF LITERARY RESEARCH LYUDMILA KASHEZHEVA

Albek Ch. Abazov

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov”, Nalchik, Russia, abazov1964@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3823-393X>

© A.Ch. Abazov, 2024

Abstract. The article for the first time provides an analysis of the life and work of the famous Adyghe literary scholar and literary critic L.N. Kashezheva, one of the first specialists in Kabardino-Balkaria who received basic education and higher qualifications in the field of studying national literatures. Both the main stages of her biography and the most historically and culturally significant scientific works are covered – monographs, essays on the work of leading writers, as well as articles of a general theoretical and methodological nature, representing an important milestone in the study of the verbal art of the Circassians and neighboring peoples. Particular attention is drawn to the fact that for L.N. Kashezheva is characterized by an organic combination of a specific analysis of the artistic style of a particular author with the establishment of general patterns of development of the entire literary process. When presenting biographical information, attention is drawn to the fact that L.N. Kashezheva is not only related by blood to famous representatives of her family (she is the great-niece of the prominent public figure and scientist Talib Kashezhev and the cousin of the famous Soviet poet Inna Kashezheva), but is also a worthy successor to the best traditions of her family. Her contribution to the study of the history and current state of Kabardian literature and the literatures of the peoples of the Caucasus is undoubtedly significant, which is confirmed by the review and analysis of her works in this area.

Keywords: literature, writers, philology, prose, article, essay, collection, creativity

For citation: Abazov A.Ch. From the glorious Kashezhev dynasty: about the creative heritage of literary critic Lyudmila Kashezheva. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 52–57. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-1-60-52-57

Кашежева Людмила Нартовна родилась 19 марта 1933 года в г. Нальчик. Кабардинка (отец кабардинец Кашежев Нарт Шахимович (1907 – 25.05.1942) пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Старший политрук – ответственный секретарь партбюро; мать балкарка Бабаева Сурат Анзоровна (1912 г.р. сел. Белая Речка – 1997). В 1944 году вместе с матерью младшим братом Русланом (1939, Пятигорск – 20.04.2014) и младшей сестрой Маей (1936, Нальчик – 11.05.2018), согласно Указу Президиума ВС СССР о выселении балкарцев от 8 апреля 1944 г. была выселена в Киргизию (по национальному признаку). На момент депортации семья находилась в селении Каменноостское Нагорного района КБАССР, постоянным местом проживания был город Нальчик. Во время депортации балкарцев, в связи с отсутствием на руках документов, подтверждающих принадлежность к кабардинской национальности и иных свидетельств (в то время многие документы остались в Пятигорске, бывшем административном центре Нагорного района, где семья до того проживала) Людмила, ее брат и сестра были записаны как балкарцы. После двух лет ссылки на поселении Сурат Анзоровна вместе с детьми была возвращена теперь уже в Кабардинскую АССР. Людмила продолжила учебу в средней школе № 9 г. Нальчика, и окончила ее в 1951 году с золотой медалью. Долгое время в школьном коридоре висел стенд, где были отмечены золотые медалисты, там было и ее имя.

В период с 1951 по 1956 гг. Людмила Нартовна Кашежева училась на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» (МГУ). В 1957 году она преподаватель русского языка на кафедре русского языка историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского Педагогического института в г. Нальчике. С 1957 по 1961 гг. училась в аспирантуре на кафедре советской литературы филологического факультета МГУ. 14 октября 1965 году одной из первых представителей национальной интеллигенции Л.Н. Кашежева защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Пути развития кабардинской

советской прозы». Ее научным руководителем был известный в стране ученый, доктор филологических наук А.А. Шариф, профессор кафедры литератур народов СССР МГУ им. Ломоносова. Официальные оппоненты д.ф.н., профессор М.Н. Пархоменко и к.ф.н. У.Б. Далгат, а также выступившие неофициальные оппоненты дали работе диссертанта высокую оценку. Текст ее квалификационной работы хранится в библиотеке по месту защиты.

После защиты диссертации Л.Н. Кашежева начала работать на кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ, неоднократно выезжала в длительные зарубежные командировки, где преподавала русский язык в группах студентов, аспирантов и стажеров из различных стран, читала спецкурсы по литературе и страноведению. Она работала в качестве преподавателя русского языка в следующих странах: Чехословакия, Венгрия, Польша, Финляндия, ФРГ, Нигерия (с 1982 по 1984), заведовала курсами русского языка в Культурном центре в г. Лагосе), Италия, Япония (с 1990 по 1993), преподаватель русского языка в университете Токай Дайгаку), Словения (с 1995 по 1997) преподаватель русского языка в Университете г. Любляны).

Кашежева Людмила Нартовна в своих монографических работах «Кабардинская советская проза» (1962), «Совершеннолетие пера» (1968), многочисленных очерках, вошедших в коллективные сборники «Очерки истории кабардинской литературы» как на кабардинском (1965), так и на русском языках (1968), в сборнике статей и очерков о жизни и творчестве известных писателей Кабардино-Балкарии проявила себя как специалист высокой квалификации и разносторонних глубоких знаний. Все герои ее очерков в названном сборнике относятся к первому поколению деятелей советской кабардинской национальной литературы. При всей схожести творческих биографий каждый из писателей, героев очерков, в своем развитии шел своими непроторенными путями, делал свой вклад в становление литературного языка и стиля, осваивал специфику разных жанров. Главная цель автора книги как раз и состояла в том, чтобы показать неповторимую индивидуальность каждого из авторов, так как именно эта черта является признаком подлинной зрелости литературы. Тем самым литературовед Л.Н. Кашежева сумела установить основные особенности зарождения и становления оригинальной кабардинской прозы.

Анализируя наиболее значительные произведения кабардинских писателей, она стремилась раскрыть главные общие закономерности литературного процесса в национальной республике. Подробно прослеживаются связи кабардинской прозы с фольклором, русской советской литературой с литературами других братских народов. Большое внимание в ее монографических трудах уделялось вопросам становления художественного мастерства писателей, традиций и новаторства, развития кабардинской литературной критики.

В книге Л.Н. Кашежевой «Кабардинская советская проза» (1962) рассматривались основные вопросы зарождения и эволюции национальной прозы. Анализируя наиболее значительные произведения кабардинских писателей, автор стремилась раскрыть основные общелитературные и особенные закономерности литературного процесса в национальной республике. В ней автор подробно прослеживает генетические, контактные, типологические связи кабардинской прозы с адыгским фольклором, традициями развитых национальных литератур, прежде всего – русской. Большое внимание было уделено в книге вопросам художественного мастерства писателей, традиций и новаторства, развития кабардинской литературной критики. Эта работа стала незаменимым пособием для других литературоведов, для преподавателей университета, учителей республики, студентов и широкого круга читателей, интересующихся кабардинской литературой и в целом литературным процессом в масштабах всей страны.

В кабардинской литературе, как и в других младописьменных литературах, проза развивается менее интенсивными темпами, чем поэзия и драматургия. Два

ее основных источника – устное поэтическое творчество родного народа и традиции развитых литератур, в первую очередь русской и классической советской литературы. Проследить, как в процессе развития кабардинской прозы менялись степень и характер использования этих источников, а также «наметить главные тенденции этого жанра в кабардинской литературе – такую задачу ставила перед собой Л. Кашежева.

Книга Л. Кашежевой – первая попытка воссоздать системно историю кабардинской прозы [Алиева 1963: 203–205].

«В послевоенный период, особенно в 60-е годы XX столетия, литературы адыгских народов (кабардинская, адыгейская, черкесская), а также карачаево-балкарцев вступили в пору зрелости. Свидетельством этого стали и заметно выросший уровень кабардинского и балкарского литературоведения. Появились «Очерки» истории национальных литератур, целый ряд статей и монографий о творчестве отдельных писателей, книги, посвященные становлению различных жанров. Частности, Л.Н. Кашежева приняла деятельное участие в написании «Очерков истории кабардинской литературы» как один из соавторов.

Исследователи стремились также изучать кабардинскую и балкарскую литературы как явление единое во многих проявлениях. Стремление совершенно правильное, так как, несмотря на языковой фактор, у наших народов общая историческая судьба, много общего в традиционной культуре. За многие столетия своей истории кабардинцы и балкарцы создали замечательный фольклор, традиции которого в период становления литератур оказали на этот процесс значительное влияние. В последующем развитии кабардинской и балкарской литератур в них обнаруживается, при всем их своеобразии, немало общих черт.

Общие закономерности развития младописьменных литератур кабардинцев и балкарцев, общность происходящих в них процессов, одной из первых раскрыла в свое время в книгах и статьях Л.Н. Кашежева, и эта заслуга достойна быть отмеченной.

В своих исследованиях Л. Кашежева создала творческие портреты кабардинских и балкарских писателей, таких, как Кайсын Кулиев, Хачим Теунов, Аскерби Шортанов, Керим Отаров, Адам Шогенцуков. Важно учесть, что очерками о кабардинских писателях А. Шортанове, Х. Теунове и Ад. Шогенцукове она впервые представила русскоязычному читателю основные вехи биографии и сравнительно полный аналитический обзор их жизни и творчества.

Кратко, но четко в книге Л. Кашежевой показано своеобразие индивидуальностей названных писателей. Особенно удачно это сделано в главах об Аскерби Шортанове – фактическом основоположнике современной национальной драматургии, авторе первого кабардинского романа, крупнейшем ученом-фольклористе и искусствоведе. Не менее ценно исследование о Хачиме Теунове – замечательном кабардинском прозаике, одном из первых серьезных исследователей истории кабардинской литературы и кабардинской культуры в целом. Творческий путь обоих начался в середине 30-х годов XX века. Интересы их были обращены в значительной степени к истории родного народа.

Интересна также глава, посвященная Адаму Шогенцукову, в ней убедительно показаны этапы становления поэта и писателя, стремительный взлет его творчества в 50-е годы XX века. Анализ поэтических произведений и прозы писателя (наиболее удачным представляется анализ повести «Весна Софият») подтверждает, сколь плодотворны были художественные искания Адама Шогенцукова для развития адыгской литературы.

Достоинство очерков о трех названных кабардинских писателях еще и в том, что на конкретном материале освещается целый ряд важнейших теоретических проблем истории новописьменных литератур, таких, как становление реалистических жанров, роль традиционного и современного словесного искусства (фольклора,

русской классической и советской литературы) в формировании этих жанров, проблема характера, образной системы, стиля в национальной литературе и др.

В 60-е годы XX века творчество большого балкарского поэта К. Кулиева, достигло своего расцвета, и всесоюзного признания. Он стал объектом пристального внимания критиков и литературоведов (ему были посвящены статьи и рецензии И. Гринберга, Н. Джусойты, В. Огнева, Ст. Рассадина и др., причем последний написал о нем целую книгу). Достоинство статьи Л. Кашежевой о нем состоит прежде всего в том, что в ней наиболее полно воссоздан творческий путь поэта, показаны тот непрерывный поиск, который характеризует творчество поэта, его постоянно возрастающая взыскательность, требовательность к самому себе. Подробно исследуется поэтика, образная система Кулиева.

Очерк о Кериме Отарове это, по сути своей, первое подробное исследование жизненного и творческого пути замечательного балкарского поэта. Автор рассматривает многообразие его творческих устремлений, показывает специфику его художественного видения мира, прослеживает, как осмысляет и продолжает К. Отаров лучшие традиции балкарской литературы, берущие свое начало в фольклоре и в творчестве Кязима Мечиева [Алиева 1968: 222–224].

В исследовании кабардинской и балкарской литератур Л. Кашежева достигла важной вехи – она сумела раскрыть ряд общих закономерностей развития адыгской и балкарской литератур, показала, какое место в историко-литературном процессе занимает творчество того или иного писателя, каким образом формируется сам литературный процесс и как, в свою очередь, писатель или определяет его, или же подчиняется наиболее ярким тенденциям этого процесса [Алиева 1969: 66].

Достоинно внимания, что все члены ее семьи, т.е. сама Людмила Нартовна, ее мать, сестра и брат были окончательно реабилитированы только в 1992 г. И если данное обстоятельство не помешало раскрытию ее исследовательского дарования, то это произошло, прежде всего, благодаря упорству и преданности избранной профессии.

Список источников

- Алиева 1963 – *Алиева А.* Первая попытка // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 203–205.
Алиева 1968 – *Алиева А.* Поиски и решения (Рецензия на книгу Кашежевой Л.Н. «Совершеннолетие пера») // Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 222–224.
Алий 1969. – *Алий А.* ТхылгытПрэ зы гупсысэрэ. // Гуащхъэмахуэ. 1969. № 1. Н. 63–66.
Кашежева 1962 – *Кашежева Л.Н.* Кабардинская советская проза. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 148 с.
Кашежева 1968 а – *Кашежева Л.Н.* Совершеннолетие пера: Очерки о творчестве писателей Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1968. 116 с.
Кашежева 1968 б – *Кашежева Л.Н.* Послевоенная кабардинская проза // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 152–168.
Кашежева 1968 в – *Кашежева Л.Н.* Послевоенная кабардинская драматургия // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 169–180.
Кашежева 1968 г – *Кашежева Л.Н.* Творчество А. Шортанова // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 228–243.
Кашежева 1968 д – *Кашежева Л.Н.* Творчество Х. Теунова // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 244–259.

References

- ALIEVA A. [First attempt]. IN: Questions of literature. 1963. No. 3. P. 203–205. (In Russian)
ALIEVA A. [Searches and solutions (Review of the book by Kashezheva L.N. “The Coming of Age of the Pen”)]. IN: Questions of Literature. 1968. No. 11. P. 222–224. (In Russian)

ALIY A. *ThylitIre zy gupsysere* [Two books and one thought]. IN: Oshkhamaho. 1969. No. 1. P. 63–66. (In Russian)

KASHEZHEVA L.N. *Kabardinskaya sovetskaya proza* [Kabardian Soviet prose]. Nalchik: Kabard.-Balkar. book publishing house, 1962. 148 p. (In Russian)

KASHEZHEVA L.N. *Sovershennoletie pera: Ocherki o tvorchestve pisatelej Kabardino-Balkarii* [Coming of age of the pen: Essays on the work of writers of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Kabard.-Balkar. book publishing house, 1968. 116 p. (In Russian)

KASHEZHEVA L.N. *Poslevoennaya kabardinskaya proza* [Post-war Kabardian prose]. IN: Essays on the history of Kabardian literature. Nalchik: Elbrus, 1968. P. 152–168. (In Russian)

KASHEZHEVA L.N. *Poslevoennaya kabardinskaya dramaturgiya* [Post-war Kabardian drama]. IN: Essays on the history of Kabardian literature. Nalchik: Elbrus, 1968. P. 169–180. (In Russian)

KASHEZHEVA L.N. *Tvorchestvo A. Shortanova* [Creativity of A. Shortanov]. IN: Essays on the history of Kabardian literature. Nalchik: Elbrus, 1968. P. 228–243. (In Russian)

KASHEZHEVA L.N. *Tvorchestvo H. Teunova* [Creativity of Kh. Teunov]. IN: Essays on the history of Kabardian literature. Nalchik: Elbrus, 1968. P. 244–259. (In Russian)

Информация об авторе

А.Ч. Абазов – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы КБГУ.

Information about the author

A.Ch. Abazov – Candidate of Science (Philology), Associate Professor of Department of Kabardian-Circassian Language and Literature, KBSU.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-58-64

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются основные мотивы поэзии Инны Кашежевой, созвучной с поэзией современности. В ходе анализа отмечается, что в творчестве поэтессы красной линией проходит тема войны, отца-победителя и Кавказа. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные мотивы поэзии И. Кашежевой путем сравнительного анализа. Для достижения оставленной цели предполагается решение ряда задач: рассмотреть границы пересечения обозначенных тем в творчестве И. Кашежевой, определить доминирующие мотивы, изучить вопросы формирования художественной индивидуальности поэтессы. Автор приходит к выводу о том, что этноспецифика основных мотивов состоит в отражении темы войны и Кавказа, как малой родины И. Кашежевой. Чаще эти темы воплощены в образе отца – как отражение родины. С ними нерасторжимыми узами связаны образы гор. В конечном итоге исследователь делает заключение о том, что эпоха, в которой родилась поэтесса, те важные исторические, социальные и культурные события времени, повлияли на формирование ее мировоззрения, на развитие главных мотивов, которые стали определяющими темами в ее творчестве.

Ключевые слова: Инна Кашежева, поэзия, мотив, Кавказ, родина, поэтическое пространство, символ

Для цитирования: Алхасова С.М. Основные мотивы поэзии Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 58–64. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-58-64

Original article

MAIN MOTIVES OF INNA KASHEZHEVA'S POETRY

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2024

Abstract. The article examines the main motives of Inna Kashezheva's poetry, which is in tune with the poetry of our time. The analysis notes that the theme of war, the victorious father and the Caucasus runs through the poetess's work as a red line. The purpose of the study is to identify the main motives of I. Kashezheva's poetry through comparative analysis. To achieve the stated goal, it is expected to solve a number of problems: to consider the boundaries of intersection of the identified themes in the work of I. Kashezheva, to determine the dominant motives, to study the issues of forming the artistic individuality

of the poetess. The author comes to the conclusion that the ethnic specificity of the main motives lies in reflecting the theme of war and the Caucasus, as the small homeland of I. Kashezheva. More often, these themes are embodied in the image of the father – as a reflection of the homeland. The images of mountains are inextricably linked with them. Ultimately, the researcher concludes that the era in which the poetess was born, those important historical, social and cultural events of the time, influenced the formation of her worldview, the development of the main motives that became the defining themes in her work.

Keywords: Inna Kashezheva, poetry, motive, Caucasus, homeland, poetic space, symbol

For citation: Alkhasova S.M. Main motives of Inna Kashezheva's poetry. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 58–64. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-58-64

Война и связанный с нею образ отца стали одним из основных мотивов поэзии Инны Кашежевой. Основополагающая установка ценностей эпохи шестидесятых прошлого столетия была обусловлена идеологическими процессами времени. Перемены в системе страны, в идеологическом состоянии «оттепели» потребовали иных подходов в освещении различных тем, иных поэтических средств. Такая тенденция отразилась в поэзии Инны Кашежевой, представительницы поэзии «шестидесятников». В эпоху, когда раны войны еще были свежи, и когда происходили сдвиги в общественном сознании, тема войны вошла в собственную догматическую систему поэтессы.

Еще в 1968 году написано одно из лучших сочинений Кашежевой «В конце войны в краю неблизком...». В этом стихотворении главным героем является романтический герой – джигит на кабардинском скакуне. Автор создал романтический и одновременно трансцендентный образ джигита, воплотившего лучшие качества воина:

*В конце войны в краю неблизком
Скакал джигит вослед войне... [Кашежева 2014: 78].*

Кабардинский всадник, который, словно солнечный луч, стремится сквозь облака, – воплощение национального духа, исполненный в то же время общечеловеческим смыслом, понятным каждому. Это не просто дань горца традиционным мотивам, это вечное, и притом стремительное, как бег скакуна, движение, без которого ни сам поэт, ни его герои не мыслят жизни.

«В конце войны в краю неблизком...» – яркий, красочный, философский и музыкальный сплав исторических событий, которые разворачиваются на жизненном пути джигита, скачущего на «гневно, на лихом, на быстром кабардинском скакуне». Живо представляешь себе картины прошедшей войны и горца, скачущего, «не ведая страха».

*Последний раз сверкнули горы
В несуществующей дали,
И песня прозвучала горько
На языке его земли... [Кашежева 2014: 78].*

Поэзия была самым оперативным, самым популярным жанром, в котором отразилась тема войны. Она соединила высокие патриотические чувства с глубоко личными переживаниями лирического героя и выразила потребность людей в правде. В военной поэзии Инны Кашежевой концепция мира и человека неразделимы. И образ отца-воина и победителя слился с ними воедино. В сочинении «Стихи, написанные 9 мая» события войны и Победы Кашежева раскрыла через образ отца-офицера:

*Мы вспоминаем об отцах всегда.
И вот в лучах священной нашей веры
Стоят они, лихие офицеры...
О, как же наша память молода!
И на висках у них нет седины,
И на лице – ни складочки, ни шрама...
И слушает растерянная мама,
Каким отец пришел тогда с войны [Кашежева 2014: 125].*

Образ героя-победителя, военного летчика, проходит красной нитью через все стихотворение, разделенное на две части. Инна Кашежева рассказала здесь о войне и о себе все: война, и Победа, и отец-победитель сформировали ее как человека, как личность, как поэтессу. Минувшая война, Победа в образе отца-победителя и офицера летного комэскадрона – нравственные ориентиры, взрастившие ее, Инну Кашежеву:

*Почему, я не знаю,
сквозь забвения дым,
Я отца вспоминаю молодым-молодым.
В том заснеженном мире,
Справил тридцать четыре
Мой отец-командир [Кашежева 2014: 125].*

Горькая правда о войне, нравственный выбор, героизм, локальность событий, память о войне – вот составляющие матрицы военных стихов Кашежевой. Инна называет себя здесь птенцом, которому определила именно Победа в войне «быть крылатым птенцом». Эта парадигма работает и во второй части стихотворения «Стихи, написанные 9 мая»:

*Зачитала до блеска
Эти письма к отцу:
«...С пополнением, комэска!»
«Быть крылатым птенцу!» [Кашежева 2014: 125].*

Художественное своеобразие данного стихотворения – в особом стиле, в нем отражена личность поэтессы. Здесь жанр стиха – «стихотворение-рассуждение», и в то же время это аналитическое стихотворение о войне:

*Сверкающие молнии погон,
Суконный полигон его шинели...
Он это, он. Но, господи! Но мне ли
Писать его на полотне времен?
Что может знать трехмесячный птенец
О том великом, и о том громадном
В салютном блеске, в грохоте парадном... [Кашежева 2014: 125].*

Стихотворение наполняют образы Родины, дома, мужества, чести. Память о войне не стирается, не тускнеет с годами. Потому, наверное, это не только память отдельных людей или одного поколения. Это память народа, вписанная в его историю, в его национальное самосознание:

Здесь поэтический язык Кашежевой реализует эстетическую функцию, акцентируя внимание на самих ярких представлениях о войне, и делая их самоценными средствами выражения. Летный шлем отца и его кабардинская папаха для нее неразделимы. Также неразделимы с образом отца война и Победа:

*Но он пришел, на палку опираясь,
Еще в дыму боев, в огне атак.
И бросился, конечно, не ко мне,
А сразу от порога прямо к маме...
И было это в незабвенном мае:
Вошел отец – пришел конец войне [Кашежева 2014: 125].*

Художественный мир военных стихов Инны Кашежевой воспринимается как культурно-исторический феномен в тесной связи с контекстом всего творчества поэтессы.

С темой войны и образа отца-победителя тесно связана тема малой родины поэтессы – Кавказа. В изображении Кавказа поэтесса остается верна тому основному мотиву, без которой не может существовать ее поэзия – безграничная преданность и любовь к горам. Как заметила Н.А. Смирнова: «Девушка-полукровка, житель мегаполиса, остро чувствовала глубокое, коренное родство с Кавказом, Кабардой, горами. Инна ощущала его домом – и не вторым, а самым настоящим. Таким, где любят, ждут, согреют, пожалеют, ободрят, который невозможно оторвать от души» [Смирнова 2016]. Коренное родство с Кавказом как нельзя лучше проявляется в стихотворении «Отец мой суровый горец...». Поэтесса никогда не забывала родовые и этнические корни, всегда возвращаясь к любимому Кавказу. Кавказ оставался в ее сердце даже в самые сложные, последние годы ее жизни, давая ей силу и веру в будущее. И все стихи пронизаны любовью и Кавказом. И любовью к Кавказу. Эти стихи очень близки к народным песням.

Родина для поэтессы это та матрица, тот фундамент, на котором строится все: ее жизнь, творчество, взаимоотношения с друзьями и близкими... Возвышенность тона поэзии у Кашежевой была задана с первых стихов первой книги: «Надо высоко парить», чтобы соприкоснуться с горами. А горы – это ее родина.

*Горы! Горы! Вас надо любить,
Как материнские любят морщины [Кашежева 2014: 17].*

На протяжении всей своей жизни, Инна Кашежева, живя в Москве, любила и скучала по горам, по Кавказу, так как была привязана к ним. Не всегда ей удавалось вырваться из московской суеты, оставить издательские обязанности, работу, друзей, и вырваться на Кавказ. Вот как она об этом писала:

*А прошел всего лишь год.
Целый год без этих гор!
Как же это? До сих пор...
Жить без них, любить без них...
Но без них и мир – безлик.
А прошел всего лишь год.
Целый год моих невзгод,
Неудач, печалей, ссор,
Потому что все – без гор! [Кашежева 2014: 286].*

Фольклорные мотивы занимают немало места в поэтическом творчестве Инны Кашежевой. Стихи о «Стальных крыльях, устремленных вперед», или о «Джигите, скакавшем в краю неблизком», как и многие сочинения поэтессы, близки к народному искусству, к фольклору. Заур Налоев пишет: «Кабардинские народные поэты-сказители, творившие на стыке фольклора и литературы, осваивали поэтику русской литературы, ясно осознавая, что русская литература – носительница самых передовых эстетических, общественно-политических и философских идей

сравнительно со средневековой поэтикой восточного адаба. Это была та столбовая дорога, по которой пошло литературное развитие всех младописьменных народов нашей страны» [Налоев 2009: 95–97]. Инна Кашежева писала в одном из своих стихотворений:

*О нарты! Как вас было много
У этой любимой земли.
Сосруко и ты, Бадиноко,
Отважные предки мои!* [Кашежева 2014: 120].

В творчестве Инны Кашежевой раскрывается концепция матрицы: пересечение культуры России и малой родины – Кавказа. Кавказ с его древними сказаниями о нартах:

*О, Нарты!..
Без вас было б мне одиноко
В поэзии, в жизни, в любви,
Сосруко и ты, Бадиноко,
Отважные предки мои!
И сгинул народ наш давно бы,
Но рядом невидимо шли
Сосруко и ты, Бадиноко,
Отважные предки мои!* [1, с. 120].

Немало места уделяется нартскому эпосу, адыгскому фольклору, особенностям адыгских традиций и менталитета, которые органично вписались в ее строки. Традиции русской поэзии, фольклора и национальные поэтические традиции нашли свое воплощение в ее творчестве, так как поэтесса неустанно искала свой путь. Алим Кешоков писал: «Инна Кашежева – кабардинка, но пишет по-русски, в ее поэзии счастливо сочетается великолепное знание русского языка с национальными красками своего народа» [Кешоков 1962: 12].

Поэтическое новаторство Инны Кашежевой выросло из родной почвы, из фольклора в том числе, и опиралось на классические традиции русской и национальной поэзии. Она осознавала, что о ее творчестве в будущем будут неизбежно судить, с учетом эстетического опыта прошлого и настоящего. Это могло быть суждением, сравнением, при котором оба фактора должны были соизмеряться друг с другом. Приверженность традициям совсем не означала для нее полную преемственность и заимствование. Она полагала, что вновь созданное произведение не бывает по-настоящему новым, а потому и подлинным произведением искусства, если в нем нет новизны и самостоятельности. И. Кашежева считала, что величие и жизненную силу поэзии можно оценить не только через историю, но и через близость к народности, и способности к обновлению.

Творчество И. Кашежевой свидетельствует о глубоком освоении культурного наследия своего народа, осознании себя как личности в контексте исторического времени (когда она жила и творила), ориентации на историко-культурные и фольклорные корни. В поэзии отражается культурно-исторический процесс не только малой родины поэтессы, но и России.

В заключение следует резюмировать, что основное содержание и смысл мотивов поэзии И. Кашежевой – это их гражданственность. Ранняя поэзия всецело посвящена «шестидесятым», вере в светлое будущее и справедливость. Поздние стихи отражают разочарование от хаоса и безнравственности 90-х годов. Это горечь, сожаление об ушедшем прошлом:

*Мы были сумасброды,
Смешны, порою грубы,
Но распадались годы,
соединялись губы.*

.....
*...Остались только версты
К невстреченному счастью [Кашежева 2014: 272].*

И. Кашежевой все труднее было самоопределяться в новом, культурном, хаотичном пространстве. И почти в каждом стихотворении, написанном в эти годы, она сожалеет об ушедшем и о том, что чудо, которое они ждали в эпоху «оттепели», не случилось:

*Мне казалось: вот-вот начнется,
Шар земной под ногою качнется,
Тайный ангел-хранитель очнется
Всем злым демонам нашим назло ...
Мне казалось.
А что оказалось?
Все прошло,*

Все прошло,

Все прошло... [Кашежева 2014: 264].

В последние годы жизни И. Кашежева словно выпала из «обоймы», но не из художественного мира поэзии. Она выпала из культурного пространства среды, общества, и оказалась в полном одиночестве:

*Отгремели наши танго.
Жить без кожи век ли, год?
От любви осталась ранка...
Тоже скоро заживет.
Отшептали наши ночи...
Откипела, значит, кровь?
Просто стала жизнь короче
На еще одну любовь. [Кашежева 2014: 267].*

Таким образом, все творчество поэтессы проникнуто лирическим светлым чувством любви: любви к родине, к Кавказу, к родителям, друзьям, личному глубокому и философскому чувству любви. Это и есть главный и основной мотив поэзии Инны Кашежевой.

Список источников

Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное: Стихотворения / Составитель Дж.П. Кошубаев. Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.

Кешоков 1962 – *Кешоков А.П.* Знакомьтесь, Инна Кашежева // Литература и жизнь. 22 июля 1962 г.

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 542 с.

Смирнова 2016 – *Смирнова Н.А.* «Кавказ – надо мной...». Доминанты художественного мира Инны Кашежевой // 45-я параллель. № 15 (363) от 21 мая 2016 г. URL: https://45parallel.net/inna_kashezheva/index.html (дата обращения: 29.05.2024 г.).

References

KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe: Stihotvoreniya* [Selected: Poems] / Compiled by J.P. Koshubaev. Nalchik: Elbrus, 2014. 320 p. (In Russian)

KESHOKOV A.P. *Znakom 'tes', Inna Kashezheva* [Meet Inna Kashezheva]. IN: Literature and life. July 22, 1962. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Sketches on the history of Adyghe culture]. Nalchik: Elbrus, 2009. 542 p. (In Russian)

SMIRNOVA N.A. «Kavkaz – nado mnoj...». *Dominanty hudozhestvennogo mira Inny Kashezhevoj* [“The Caucasus is above me...” Dominants of the artistic world of Inna Kashezheva]. IN: 45th parallel. No. 15 (363) dated May 21, 2016. URL: https://45parallel.net/inna_kashezheva/index.html (access date: 29.05.2024). (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 821.512.142.0

DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-65-72

КЪУДАЙЛАНЫ МАШТАЙНЫ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫКЪ ХАЗНАСЫ (ТАРЫХ ЭМ ЖАШАУ ЖОЛУ БЛА БАЙЛАМЛЫГЪЫ)

Сарбашланы Мустафаны кызы Алена

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, alenasarb@mail.ru, [https:// orcid.org/ 0000-0002-7457-9823](https://orcid.org/0000-0002-7457-9823)

© Сарбашланы А.М., 2024

Къысха магъана. Илму иште Къудайланы Маштайны чыгъармачылыкъ хазнасы тинтиледиди. Баш борчха малкъар назмучуну поэзиясыны айныу жолуну энчилигин, аны миллет адабиятха къошумчулугъун ачыкълау белгиленеди. Жазуучуну поэзиясыны тарых болумла эм жашау жолу бла байламлыгъы тохташдырылады. Къудай улуну чыгъармачылыкъ ишини айырмалы шарты чертиледиди: назмучу кыргыз эм малкъар тилдеде жазганды. Аны сылтауу – кѣчгюнчюлюк жыллада Кыргызстанда жашагъаны, кыргыз жазуучула бла къаты байламлыкъ жюрютгени. Жазуучуну биринчи назму жыйымдыклары кыргыз тилде басмалангандыла. Туугъан жеринден кенгде болгъаны, анга термилую сѣз устаны чыгъармаларыны ниет ѳзегин кѳурагъандыла. Статьяда жазуучуну малкъар тилде басмаланган «Туугъан элим» (1968), «Тауланы кюзгюсю» (1980), «Ѵмюрле жолу» (1985) назму китаплары сюзоледиле, аланы бирикдирген темала – Ата жутха уллу сѳймеклик, туугъан жерини табийгъаты бла ѳхтемлениу – ачыкъланадыла. Къудайланы Маштайны чыгъармачылыгъыны ѳстетика даражасын кючлендирген суратлау амалла (*жан салыу, тенглейдириу*), белгилени борчун толтургъан сѳфатла (*терек, жел, тау*) баямланадыла.

Баш магъаналы сѣзле: Къудайланы Маштай, чыгъармачылыкъ хазна, тарых эм жашау жол, назмула, баш ниет

Цитата этерге: Сарбашланы А.М. Къудайланы Маштайны чыгъармачылыкъ хазнасы (тарых эм жашау жолу бла байламлыгъы) // Вестник КБИИ. 2024. № 1 (60). С. 65–72. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-65-72

Original article

CREATIVE HERITAGE OF KUDAEV MASHTAI: HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL ASPECT

Alena M. Sarbasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, [https://orcid.org/ 0000-0002-7457-9823](https://orcid.org/0000-0002-7457-9823)

© A.M. Sarbasheva, 2024

Abstract. The work examines the literary heritage of the Balkarian poet Kudaev Mashtai. The purpose of the article is to trace the stages of the writer's creativity, to determine his contribution to the development of national literature. A connection is

established between historical and biographical facts and the specifics of artistic comprehension of the life path of a word artist. During the years of deportation, Kudaev Mashtai lived in Kyrgyzstan, maintained close contacts with local authors, which determined his creative destiny: he wrote poetry in the Kyrgyz and Balkar languages. The poet's first collections were published in the Kyrgyz language. Separation from the homeland and nostalgia for it determined the leitmotif of the bilingual poet's work – love for his father's land. The books of poetry «Tuugan Elim» («Native Village», 1968), «Taulany Küzgyüsü» («Mirror of the Mountains», 1980), «Yomurle Zholu» («Paths of Life», 1985) are considered as the object of analysis. Among the artistic features of M. Kudaev's poetry, there are graphic means (personification, comparison), image-symbols (tree, wind, mountain), which enhance the aesthetic impact on the reader.

The main research methods are biographical, historical-literary, structural-descriptive methods, and the method of literary analysis

Keywords: Kudaev Mashtai, literary heritage, historical and biographical aspect, poetry, leitmotif

For citation: Sarbasheva A.M. Creative heritage of Kudaev Mashtai: historical and biographical aspect. Vestnik KBIGI = KVINR Bulletin. 2024; 1 (60): 65–72. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-65-72

Научная статья

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУДАЕВА МАШТАЯ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Алена Мустафаевна Сарбашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Сарбашева, 2024

Аннотация. В работе исследуется литературное наследие балкарского поэта Кудаява Маштая. Цель статьи – проследить этапы творчества писателя, определить его вклад в развитие национальной словесности. Устанавливается связь между историко-биографическими фактами и спецификой художественного осмысления жизненного пути художника слова. В годы депортации Кудаяв Маштай жил в Киргизии, поддерживал тесные контакты с местными авторами, что и определило его творческую судьбу: он писал стихи на киргизском и балкарском языках. Первые сборники поэта были изданы на киргизском языке. Отрыв от родины, ностальгия по ней обусловили лейтмотив творчества поэта-билингва – любовь к отчему краю. В качестве объекта анализа рассматриваются книги стихов «Тууган элим» («Родное село», 1968), «Таулары кюзгюсю» («Зеркало гор», 1980), «Ёмурле жолу» («Пути жизни», 1985). В ряду художественных особенностей поэзии Кудаява М. отмечаются изобразительные средства (олицетворение, сравнение), образы-символы (*дерево, ветер, гора*), усиливающие эстетическое воздействие на читателя.

Основными методами исследования являются биографический, историко-литературный, структурно-описательный методы, метод литературоведческого анализа

Ключевые слова: Кудаяв Маштай, литературное наследие, историко-биографический аспект, поэзия, лейтмотив

Для цитирования: Сарбашева А.М. Творческое наследие Кудаява Маштая: историко-биографический аспект // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 65–72. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-65-72

Жыйырманчы ёмурде чыгъармачылыкъ ишлерин бардыргъан малкъар жазычуланы тамата тёлсюню къадарлары бирча болгъандыла. Аланы бирикдирген кёчгюнчюлюкню азабы эди. Къудайланы Хамитни жашы Маштайны (18.05.1927 – 14.10.1988) жашауу эм чыгъармачылыгы да ол тарых болумлада айныгъандыла. Аны къадарыны, назмуларыны юслеринден алимле, жазычула,

журналистле, маданият къуллукъчула кеслерини ишлеринде жазгъандыла [Теппеев 1978; Урусбиева 1990; Сарбашева 2003; Базиева 2019; Беппаев 1982; Бабин 1966; Махиева 1988, 1991, 2007]. Биринчи Къудай ууну ниет хазнасын тийишдирген, аны библиографиясын жыйышдыргъан Къабарты-Малкъар Республиканы ара библиотекасыны къуллукъчусу Махийланы Азиза болгъанды. Ол Къыргъыз Республиканы Бишкекде библиотекасында ишлеп, Маштайны анда басмаланган назмуларыны, китапларыны тизмесин къурагъанды. Статьяны илму жангылыгы, магъаналыгы – назмучуну ниет хазнасыны суратын толу кёргозтю, аны суратлау энчиликлерин терен белгилеу, саулай да малкъар адабиятха къошумчулугъун ачыкълау.

Къудайлыны Маштай Къабарты-Малкъар автоном областны (бусагъатда Къабарты-Малкъар Республиканы) Чегем районуну Огъары Чегем элинде туугъанды. Орта школну сегиз классын бошагъандан сора Нальчикде педагогика училищеде окъугъанды. Аны биринчи устазы эм насийхатчысы белгили малкъар жазычу Этезланы Омар болгъанды. 1944 жылда халкъы бла бирге кёчгюнчюлюкню, аны бла да къалмай, ёксюзлюкню азаптарын сынагъанды. Къыргъыстанда онсегиз жыллындан башлап Кант районну «Заветы Ильича» деген колхозунда тамата къойчу болуп ишлегенди, уллу хурметге тийишли болгъанды. КПСС-ны члени (1957). Урунууда жетишимлери ючюн 1974 жылда Къыргъыз ССР-ны Баш советини Сыйлы Грамотасы бла саугъаланганды. Къыргъыз совет литератураны айныуна себеплик этгени ючюн «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» («Уллу Ата журт урушда 1941–1945 жж. жигер урунуу ючюн») деген майдалгъа тийишли болгъанды. СССР-ны жазычуларыны члени (1965). Туугъан жерине 1976 жылда къайтханды. 1982 жылгъа дери Биринчи Чегем элде (бусагъатда Чегем шахар) Ленин атлы колхозда ишлегенди.

Къудай улу биринчи назмуларын Къыргъызстанда жазып башлагъанды: мында суратлау сёзге хунери ачыкъланганды. Аны жазычулукъ ишине, «тамаша ёнюне» Чингиз Айтматов да бийик багъа бичгенди, Къыргъыстанда чыкъгъан китапларыны бир къауумуна «ал сёз» жазгъанды. Айтылгъаннга Беппайланы Муталипни «Жулдузлу жилтинле» деген статьясы шагъатлыкъ этеди: мында къыргъыз акъылманны сёзлери келтириледи: «Кавказ бешик жырлары бла кёп акъылманны ёсдюргенди... ..Бу сыйлы жерни ёсюп тебиреген гюлню юсюнде уя салгъан а – малкъар поэзия. Ол гюлню къанатларында жаратылгъанды Маштай да. Алай аны, чапыракъныча юзюп, туугъан тамырларындан жел алып кетеди, къара жел, къайгылы кенгликге. Алай не кюрешсе да, аны къара жел кёкге сууруп, жокъ эталмайды...

Кавказны бла Ала-Тоону къучакларында ёсген Маштай Кудав алайсыз да ёчюлмезлик от эди, алай бизни къыргъыз жазычула аны тамаша ёнюн эшите билиулери бла кеслерини кишиликлерин танытхандыла» [Беппаев 1982]. Жаш назмучуну фахмусун айнытыргъа къыргъыз жазычула Осмонкул Болобалаев, Байдылда Сарногоев, Совет Урмамбетов, Кубаныч Акаев, Камчи Джунусов, Жалил Садыков себеплик этгенди, малкъар тилде жазылгъан намуларын къыргъыз тилге кёчюргенди. Белгиленген жазычула бла таулу жаш къаты шуёхлкъну жюрютгенди.

Къудай улу чыгъармаларын малкъар эм къыргъыз тилдеде жазгъанды. Ол себепден сейир туюл эди аны биринчи назму жыйымдыклары къыргъыз тилде басмаланганлары: «Арноо» («Айтыу», 1963), «Жайлоодо» («Жайлыкъда», 1965). Къыргъызлы сёз устала Маштайны кеслерини жазычуларына санагъандыла: аны дагъыда эки назму китабы («Тоо гюлдер» («Тау гюлле», 1969), «Ак тоолар» («Акъ таула», 1987) къыргъыз тилде чыгъадыла. Малкъарлы жашны назмуларына макъамла тагъыладыла, ала къыргъыз халкъ жырлача айтыладыла. «М. Кудавны чыгъармачылыгында чегем жырчылыны төрелери бла къыргъыз акынланы суратлау амаллары бирикгенди», – деп жазгъанды Тёппеланы Алим [Теппеев 1978].

Къыргъыз жери Маштайны ёз баласыча кёргенди, сыйлагъанды, анга жандаурлукъ этгенди. «Къыргъыз адамлыкъны, къыргъыз намысны» себебинден Маштай аны экинчи туугъан журтуча суйгенди. «Минги таудан эсе да бийик ыразылыгъыны» сылтауу назму тизгинледе шарт ачыкъланады:

Чырагъымы жандыргъанла,
Суусабымы къандыргъанла,
Жюрегими жапсаргъанла,
Санларымы жылытханла.
(«Сау къалыгъыз») [Кудаев 1985: 94]

Маштайны назмулары шош отоуда жазылмагъандыла, ала табийгъатда, жайлыкълада малла кютген заманда, салкъын желчикни ургъаны бла, жаз кырдыкны ийиси бла, кюнню кыздыргъаны бла бирге туугъандыла:

Тауну хауасы – салкъын, тап таза,
Мен олтурама назмула жаза.
Чыран сууланы ёкюргенлери
Эжиу этедиле жырыма мени...
Къозула ойнай, бир бирин къууа,
Жаш жүрегимде назмула тууа...
(«Жюрегимден») [Кудаев 1968: 28]

Маштайны атын эки ангылам *къой кютюучю* бла *назмучу* бирден байламлы болуп къурайдыла. Аны къолунда къош таягъы эм къаламы бирча ойнай, малчылыкъ эм жазыу усталыгъына шагъатлыкъ этедиле. Аллай сейирли инсаннга ара прессаны журналистлери да эслерин бурадыла. «Эл жашау» (1966, 18 авг.) газетни келечиси Л. Бабинны ол къыйын мал кютюучюлюкню бла назмучулукъну бирден къалай бардыргъаныны юсюнден сорууна Маштайны жууабы къысха болгъанды: «Къойла кютген да, назму жазгъан да – чыгъармачылыкъды» [Бабин 1966].

Тюзлюк тохташып, малкъар халкъ Ата журтуна къайтханда, Къудайланы Маштай Къыргъыстанда ишин къоймагъанды: ол анда отузюч жыл жашагъанды. Жашауу тыш жерде тап къуралгъанлыкъгъа, анга туугъан жерине тансыкълыкъгъа, термилиую тынчылыкъ бермегендиле. Ол мудахлы сезимле назмучуну орус тилде басмаланган «Раздумья чабана» («Къойчуну сагъышлары», 1966) деген китабында ачыкъланадыла. Жыйымдыкъ эки кесекден къуралады: «Горы помнят многое» («Къаяла кёп затны эслеринде тутадыла») эм «Мелодии дружбы» («Шу ёхлукъну макъамлары»). Бу жыйымдыкъгъа жангы назмула, жомакъ («Тюлкю»), таурух («Оздор»), поэма («Сафар бла Ханафи») киредиле.

Орус тилде Маштайны эки китабы чыгъады: «Стихи разных лет» (Фрунзе, 1976), «Ущелье Чегема» (Нальчик, 1989). Назмуланы барын да Ата журтуна, аны адамларына суймеклиги бирикдиреди.

Къудайланы Маштайны чыгъармачылыкъыны баш темасы туугъан жерине суймеклиги, анга термилиую болгъандыла. Малкъар тилде басмаланган «Туугъан элим» (1968) деген биринчи китабы ата журтуна тансыкълыкъ сезиминден, аны бла бирге жашаууну, ёз жерини юсюнден эскериулеринден толудула («Жел бла сёлешиу», «Жашлыкъ жолунда», «Жауун жаугъан кече жашлыкъны эскердим», «Жерим тышюме киред»). «Жел бла сёлешиу» деген назмусунда назмучу жел бла хапарлаша, андан таулагъа салам иеди («Мен таулума, таулагъа къайтып менден салам бер,.../ ...Алагъа къууанчылыкъда турама назму жаза» [Кудаев 1968: 35–36]).

Къудайланы Маштай дагъыда ана тилинде басмаланган «Тауланы кюзгюсю» (1980), «Ёмюрле жолу» (1985) назму жыйымдыкълары бла малкъар адабиятны

байыкъландырады, миллет окъуучуда туугъан жери бла тюбешуу бла байламы жангыдан жарыкъ сезимлени къозгъайды. Ата журтундан тансыкълыгын алгъан жаш, къызыу кюнде суусаплыгын къандыргъанча, кесини чексиз къууанчын жашырмай айтады:

Тансыкъладым, бек къууандым,
Ташланы да къучакъладым.
Черекге кирип жууундум,
Дуниягъа жангыдан туудум.
(«Ёмюрле жолу») [Кудаев 1985: 9]

Назмучуну чыгъармаларыны ара сыфатлары туугъан жери Чегеми бла анасы бир соймеклик сезим бла байланып бериледиле (*Чегемим сабий бешигим, /Чегемим дуня эшигим, /Чегемим ана ёшюнюм, /Чегемим жашау кётюрюм* («Чегемим») [Кудаев 1980: 70]).

Къудай улуну чыгъармаларында энчи жерни табийгъатны сыфаты алады. Назмучу, жан салыу, тенгешдириу мадарла бла уста хайырлана, таулары суратларын жаза, ёлюмсюз батырланыча кёргюзтеди:

Тёпелери булутлагъа тирелип,
Тил тутханча, шум къатханлай сюелип,
Тюзле таба ёшюнлери керилип,
Къымылдаргъа тургъан кибик эринип.
Аркъаларын бир бирине кийирип,
Жортууулгъа чыкъгъан кибик тизилип.
Боран урса тёпелерин юйюрюп,
Эринлерин бир бирине чюйюрюп.
(«Таулагъа») [Кудаев 1980: 5]

Туугъан жерин эстетика оюмлауда *терекни* сыфаты баш магъананы туталды («Чинар», «Къарт терек», «Атым жазылгъан терек», «Элме терекге айтама», «Эмен терек»). Терек суратлау белгини борчун толтурады. Лирика жигит, керти негеринеча, элме терекге ич сёзюн ышанып айтады, жарыкъ эм мудах сагъышларын эштиреди:

Къыргъызны жерин къыдыра,
Къайтып келгенме ызыма.
Санга тансыкъ болгъаныма,
Бу назмум шагъатым бола.
(«Элме терекге айтдым») [Кудаев 1980: 9]

Назмучу къарт терекни тюбюнде жашауун эскере, озгъан кюнлени, сабийлигин кёз аллына келтиреди:

Тургъан кюнлерим тюшед эсима,
Эртде, бек эртде, гитчелигимде,
Бутумда – зыккыл, эски кёнчегим,
Кендир нохталы акъсыл эшегим.
(«Къарт терек») [Кудаев 1980: 12]

Эмен терек жашауда болгъан жарсыулары хорлагъан кюшча, суратланады, тёзюмлюкню, жигитликни белгисича бериледи:

Кючлю тамырлары эмен терекни,
Билелле сууукъ кыш жетерикни.
Ала сан этмейле боранны, желни,
Жюрегинден тутуп туралла жерни.
(«Эмен терек») [Кудаев 1985: 49]

«Чинар» деген назмусунда Къудай улу «жел аудургъан къарт терекни» сыйфатында халкъыны кыйын къадарын суратлай (*О, хатерсиз, бетсиз къадар, / Не этсин ол, анга да чыдар,*) аны, тюзелип, жангыдан жашнарыгына толу ийнаналды:

Такъыр ол гунч болуп къалмаз,
Тамыры жерден къурумаз,
Тамырындан зыгыт чыгъар,
Кесича жап-жашил чагъар.
[Кудаев 1980: 9–10]

Поэтни оюмлауунда, миллетни тамыры да чексиз терендеди: аны юзюп бир жанына атаргъа бир кючню да къолундан келмез.

Къудайланы Маштайны чыгъармачылыгын тинтип, Тёппеланы Алим аны айырмалы шартларын чертгенди: «Тюз ниетли, халал, къайгырыулу адам болууну, не тюрлю кезиуде да – кыйынлыкъда, тынчлыкъда да адам болгъанлай къалыуну дерслери Маштай Кудаевны баш илишанларыды. Аны лирика жигити – кыйчу, иш ахлусу адам – туугъан жер, уруш бла адамлыкъ, адежлик дегенча бек уллу адеп-къылыкъ магъанасы болгъан затланы юсюнден селешеди, аланы кеси жашауу бла бегейтгенин айтады» [Тепшеев 1978]. Кесаматчыны оюмуна Маштайны «Намыс сатылмаиды алтыннга», «Тюзлюкню тут», «Тилейме», «Айтчы», «Ашыкъма» деген лирика чыгъармалары толу шагъатлыкъ этедиле.

Юлгюге «Айтчы» деген назмусундан юзюк келтирейик:

Алтындан эсе
Акъылны сайла...
Барысындан да
Иги дуняда
Бет намысынгыды, –
Тас этмей сакъла.
[Кудаев 1985: 75–76]

Поэтни оюмлаууна кёре, жашауну баш жорукълары – адамлыкъ, намысха сакълыкъ, огъурлукъгъа къуллукъ этиу, тюзлюкге итинию. Кеси къадарында назмучу чыгъармаларында белгилеген ниетлерине кертичилей къалгъанды.

Илму ишни ахырында бир къауум оюмну чертирге тийишлиди. Къудайланы Маштайны чыгъармачылыгыны айныуу аны жашау жолу бла байламлы болгъанды: ол эки кезиуден къуралгъанды – кечгюнчюлюкде Къыргыстанда ётдюрюлген жыллары эм туугъан жери Малкъаргъа къайтып жашагъан жыллары. Къудай улуну назмуларыны энчилиги – ала кыргызы эм малкъар тилледе уста жазылгъандыла. Лирика чыгъармаланы ниет ёзегин Ага журтуна, аны табийгъатына сюймеклиги къурайды, адамны бла табийгъатны араларында байламлыкъ бийик эстетика даражада ачыкъланады. Сёзсюзю, «малкъар окъуучула Къудайланы Маштайны жашау сынамына бла поэзиясына тыяна» [Урусбиева 1990: 99], тагы суудан къарыу алгъанча, жашау кючлерин айныта, туугъан жерлерине сюймекликлерин, аны адетлерине, тёрелерине кертиликлерин сакъларыкъдыла.

Къудайланы Маштайны къадары кыйын болгъан эсе да, аны чыгъармачылыгы къууанч макъамладан, келир жашауну жарыкълыгына ийнаньудан толу эди.

Халкъны эсинде поэтни сыфаты урунууну эм жашауну жырчысыча къалгъанды, аны ниет хазнасы малкъар адабиятны аулагъында кесини тийишли жерин тапханды.

Хайырланылгъан ишлени тизмеси Список источников

- Бабин 1966 – *Бабин Л. О весне, о счастье он поет...* // Сельская жизнь 1966. 18 дек.
Базиева 2019 – *Базиева Г. Эстетика природного ландшафта в творчестве Маштая Кудаява* // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1 (30). С. 172–176.
Беппаев 1982 – *Беппаев М. Жулдузлу жилтинле (Звездные искры)* // Коммунизмге жол. 1982. 25 авг.
Кудаев 1968 – *Кудаев М. Туугъан элим (Родное село)*. Нальчик: Эльбрус, 1968. 76 б.
Кудаев 1980 – *Кудаев М. Таулары кюзгюсю (Зеркало гор)*. Нальчик: Эльбрус, 1980. 124 б.
Кудаев 1985 – *Кудаев М. Ёмюрле жолу (Пути жизни)*. Нальчик: Эльбрус, 1985. 168 б.
Махиева 1988 – *Махиева А. Къыргъыз шуёхум, мени кёкге кётюргенсе (Киргизский друг, ты вознес меня до небес)* // Коммунизмге жол. 1988. 23 янв.
Махиева 1991 – *Махиева А. Аны аты унутулмаз (Имя его не забыть)* // Заман. 1991. 7 дек.
Махиева 2007 – *Махиева А. Адамны адамлыгы шуёхундан танылады (Настоящего человека можно судить по его друзьям)* // Заман. 2007. 14 июля.
Сарбашева А. 2003 – *Сарбашева А. Кудаев Маштай* // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С. 240–242
Теппеев 1978 – *Теппеев А. М. Кудаевны чыгъармачылыгы (Творчество М. Кудаява)* // Коммунизмге жол. 1978. 7 марта;
Урусбиева 1990 – *Урусбиева Ф. Возвращение всадника* // Портреты и проблемы. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 96–99.

References

- BABIN L. *O vesne, o schast'e on poet...* [He sings about spring, about happiness...]. IN: Sel'skaya zhizn' [Rural life] 1966. 18 dek. (In Russian)
BAZIEVA G. *Ehstetika prirodnogo landshafta v tvorchestve Mashtaya Kudaeva* [Aesthetics of the natural landscape in the works of Mashtai Kudaev]. IN: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development]. 2019. № 1 (30). P. 172–176. (In Russian)
BEPPAEV M. *Zhulduzlu zhiltinle* [Star sparks]. IN: *Kommunizmge zhol* [The path to communism]. 1982. 25 avg. (In Balkarian)
KUDAEV M. *Tuug'an ehlim* [Native village]. Nal'chik: Ehl'brus, 1968.76 p. (In Balkarian)
KUDAEV M. *Taulany kyuzgyusy* [Mirror of the mountains]. Nal'chik: Ehl'brus, 1980. 124 p. (In Balkarian)
KUDAEV M. *Emyurle zholu* [Paths of life] Nal'chik: Ehl'brus, 1985. 168 p.
MAKHIEVA A. *K'yrg'yz shuekhum, meni kekge ketyurgense* [Kyrgyz friend, you lifted me to heaven] // *Kommunizmge zhol* [The path to communism]. 1988. 23 yanv. (In Balkarian)
MAKHIEVA A. *Any aty unutulmaz* [Don't forget his name] // *Zaman* [Time]. 1991. 7 dek. (In Balkarian)
MAKHIEVA A. *Adamny adamlyg'y shuekhundan tanylady* [You can judge a real man by his friends] // *Zaman* [Time]. 2007. 14 iyulya. (In Balkarian)
SARBASHEVA A. *Kudaev Mashtai* [Kudaev Mashtai]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii (KhIKh – konets 80-kh gg. KhKh v.) Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – the end of the 80s of the XX century.) Biobibliographic dictionary]. Nal'chik: El'-Fa, 2003. P. 240–242. (In Russian)
TEPPEEV A.M. *Kudaevny chyg'armachylyg'y* [Creativity of M. Kudaev]. IN: *Kommunizmge zhol* [The path to communism]. 1978. 7 marta. (In Balkarian)
URUSBIEVA F. *Vozvrashchenie vsadnika* [Return of the Horseman]. IN: *Portrety i problem* [Portraits and problems]. Nal'chik: Ehl'brus, 1990. P. 96–99. (In Russian)

Авторну юсюнден билдириу

Сарбашланы А.М. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият бёлюмню таматасы.

Информация об авторе

А.М. Сарбашева – доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья
УДК 930.85:792:82(470.64)
DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-73-79

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Зухра Нурматовна Торогельдиева

Северо-Кавказский государственный институт искусств, Нальчик, Россия,
argo82@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1554-8664>

© З.Н. Торогельдиева, 2024

Аннотация. Статья посвящена известной кабардинской русскоязычной поэтессе Инне Кашежевой (1944-2000), творчество которой отличалось многообразием жанров: лирические стихотворения, баллады, поэмы, басни, переводы, статьи-предисловия к изданиям поэтических сборников (Зубер Тхагазитов, Лиуан Губжоков, Борис Кагермазов, Анатолий Бицуев), послания, посвящения, литературные портреты (Кумиры моей молодости). Актуальность статьи заключается в том, что в статье рассматриваются философские аспекты стихов, посвященных родителям, как одному из важнейших фрагментов концептуальной картины художественного мира И. Кашежевой. В них затрагиваются проблемы специфики философской лирики, своеобразия жанровых поисков автора в освещении моральных, духовно-нравственных идей. Цель исследования – раскрыть художественное своеобразие философской лирики Инны Кашежевой. В данной работе рассматривается также проблема поэтического языка философских стихотворений поэтессы в аспектах выявления роли и функции поэтических образов, а также приемов риторических фигур, стилистики и синтаксиса как способа авторского выражения философских взглядов. Следует отметить, что поэтесса придерживалась опыта и традиций национальных и русских поэтов. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится изучение поэтики философской лирики И. Кашежевой. В результате: выделено основное идейное содержание философской лирики поэта; Стихи, посвященные родителям, являются понятным и действенным средством художественного воспроизведения философских понятий. Риторические обращения, вопросы, которые специфичны для философской лирики в целом, выступали основными приемами раскрытия темы философских произведений Инны Кашежевой, способствовали передаче личных рассуждений поэта, а также авторского замысла лирических произведений.

Ключевые слова: философская лирика, философские воззрения поэта, проблемы общечеловеческих ценностей, вечные вопросы, авторский замысел, стилистические приемы, риторические фигуры, традиционные поэтические образы, образы-символы

Для цитирования: Торогельдиева З.Н. Философское осмысление ценности человеческого бытия в поэзии Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 73–79. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-73-79

Original article

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE VALUE OF HUMAN EXISTENCE IN THE POETRY OF INNA KASHEZHEVA

Zukhra N. Torogeldieva

North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Russia, argo82@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1554-8664>

© Z.N. Torogeldieva, 2024

Abstract. The article is dedicated to the famous Kabardian Russian-speaking poetess Inna Kashezheva (1944–2000), whose work was distinguished by a variety of genres: lyrical poems, ballads, poems, fables, translations, articles-prefaces to editions of poetry collections (Zuber Tkhangazitov, Liuan Gubzhokov, Boris Kagermazov, Anatoly Bitsuev), messages, dedications, literary portraits (Idols of my youth). The relevance of the article lies in the fact that the article examines the philosophical aspects of poems dedicated to parents, as one of the most important fragments of the conceptual picture of the artistic world of I. Kashezheva. They touch upon the problems of the specificity of philosophical lyrics, the originality of the author's genre searches in the coverage of moral, spiritual and ethical ideas. The purpose of the study is to reveal the artistic originality of Inna Kashezheva's philosophical lyrics. This work also examines the problem of the poetic language of the poetess's philosophical poems in the aspects of identifying the role and function of poetic images, as well as the techniques of rhetorical figures, stylistics and syntax as a way of the author's expression of philosophical views. It should be noted that the poetess adhered to the experience and traditions of national and Russian poets. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the poetics of I. Kashezheva's philosophical lyrics is being studied. As a result: the main ideological content of the poet's philosophical lyrics is highlighted; Poems dedicated to parents are an understandable and effective means of artistic reproduction of philosophical concepts. Rhetorical appeals, questions that are specific to philosophical lyrics in general, were the main methods of revealing the theme of Inna Kashezheva's philosophical works, and contributed to the transmission of the poet's personal reasoning, as well as the author's intention of the lyrical works.

Keywords: philosophical lyrics, philosophical views of the poet, problems of universal human values, eternal questions, author's intention, stylistic devices, rhetorical figures, traditional poetic images, symbolic images

For citation: Torogeldieva Z.N. Philosophical understanding of the value of human existence in the poetry of Inna Kashezheva. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2024; 1 (60): 73–79. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-73-79

Талантливая кабардинская русскоязычная поэтесса Инна Кашежева широко известна в национальной и русской литературе. Ее талант был многообразен и отличался идейно-тематическим разнообразием.

Художественному и эстетическому мышлению Инны Кашежевой всегда были свойственны острое ощущение истории, а также быстротекущего и противоречивого времени, а это требовало поиска лучших, подчас новых лироэпических форм для выражения мыслей и чувств. Философские мотивы в поэзии И. Кашежевой выявляют основные черты ее поэтического мирозерцания: нравственные принципы, отношение к миру, к людям, к сути бытия. Поиски ею твердых нравственных критериев добра, правды, человечности всегда были связаны для нее с острой потребностью понять, что же такое время, в жестких пределах которого проходит жизнь человека. В стихах Инны Кашежевой видна ее художественная концепция времени и судьбы людей, чаще всего отдельного человека. И, хотя каждый человек неповторим, как и его судьба, все-таки все в мире повторяется: детство, юность, наступившая зрелость и даже самый итог жизни, горький в своей неизбежности – смерть.

Нравственное, этическое обаяние кашежевской лирики прослеживается с особой выразительностью в ее стихах, посвященных родителям. Когда уходят родители, всякий человек ощущает чувство сиротства и одиночества. Один из циклов своих стихотворений Инна Кашежева назвала «Пожилое детство». Это несколько необычное название пробуждает сложную цепь ассоциаций и чувств, раскрывая страничку личной жизни и одновременно сложный путь творчества самой поэтессы.

Анализ стихов Инны Кашежевой, посвященных родителям, обнажает, что эта тема является одним из важнейших аспектов концептуальной картины художественного мира поэтессы. Ее мысли и чувства окрашены в разные тона – от философских раздумий до горестных констатаций, что жизнь быстротечна и в ее недалеком конце приходит старость, болезнь, смерть. Смерть родителей во все времена является извечной драмой жизни. Лирика поэтессы поражает тонкостью

оттенков переживаний. Они имеют исповедальный характер. Инна Кашежева человек со своим уникальным миром, в котором много переживаний и тревог. Ее стихи сама реальность, обретшая голос и повествующая о самой себе. Каждое ее стихотворение – это личная история. Каждый момент истории становится стихотворением, который похож на просмотр воспоминаний. Истории ее стихов, это самобытная передача состояния души. Слово приобретает у нее особую выразительность – раскрывает глубину своего смысла и неразрывно связано с мыслью. Ее исповедание личной жизни и судьбы преображено мудростью. Она направлена на всю полноту и целостность бытия и жизни. Стихи, посвященные родителям, горько и колко обнажают грусть и отчаяние одиночества. Они содержат боль, переживания и признания, а история написания началась с одиночества и бессонных ночей. Для Инны Кашежевой такое выражение эмоций – это момент когда она становится все ближе и ближе к себе.

Каждое стихотворение – это поистине «заметы сердца». Поэтесса вводит читателя во внутренний мир лирической героини и открывает ее душевные движения, опираясь на средства образной выразительности языка. Точный подбор речевых средств, в особенности эпитетов и сравнений, богатство поэтической фразеологии, сила и выразительность стиха – все это служило общей задаче: передать душевное состояние и тончайшие нюансы мировосприятия лирической героини. Стихотворение «Не знала я многого и не ценила(1971)», в основу которого легли автобиографические обстоятельства — заболел ее отец — начиналось просто:

*Не знала я многого
и не ценила,
но улица Ногмова
меня исцелила
от легкомыслия
при оптимизме –
навеяла мысли
о смерти и жизни [Кашежева 1982: 25].*

Все повествование идет от имени лирической героини. Далее в стихотворении раскрывается причина грусти: «*Печальна причина: столкнуться с болезнью и ощутить вдруг впервые беспомощность*» [Там же].

Обыкновенная улица Ногмова, по которой ходят люди, ничем не примечательна. И вдруг она становится как бы центром Вселенной, к которому с волнением приближается героиня. Больница, расположенная в конце улицы Ногмова, стала для нее главной, потому что здесь находится ее отец. «*О, это по улице Ногмова! В обратном порядке листаю страницы: по солнцу иду до знакомой больницы*» [Там же].

Сила художественной убедительности этих строк не только в драматических переживаниях лирической героини, но и в простом, пережитом умом и сердцем поэтессы: «*Была незнакомой еще мне вчера. Теперь здесь, как дома, родня – доктор*» [Там же]. Драматический аспект стихотворения связан с верой: врачи помогут и спасут больного отца: «*Отчаянья шепот, о помощи крик.... К наушникам доктор Тлашюков приток. Он слушает космос в отцовском мозгу...*» [Там же]. И уже сама поэтесса делится выстраданными мыслями: «*Забывать этот корпус вовек не смогу. Больничный, обычный, конец этажа...*» [Там же].

Эти поэтические строки Инны Кашежевой отразили целую систему ее воззрений на жизнь и смерть: «*А выше? А выше, наверно, – душа. Не надо! Мне очень не хочется ввысь*» [Там же]. Здесь нет сверхъестественных, эзотерических мотивов. Все естественно: отец поэтессы болен, а ее единственное желание, чтобы он был здоров. И в данный момент для нее единственным богом является врач: «*Врач Урусмамбетов – единственный бог. Спокоен он, значит, выигран бой*» [Там же].

Повышенная эмоциональность и психологизм – отличительные особенности этого стихотворения. Его ритм, основанный на двустопном амфибрахиях, но сбивающийся, превосходно передает сбивчивое дыхание запыхавшейся женщины. Печальная нота только усиливала жажду жить и сопереживать страданиям других. Это почти то, о чем когда-то писал А.Т. Твардовский: «так со своей управиться судьбой, / чтоб в ней себя нашла судьба любая / и чью-то душу отпустила боль».

К произведениям о трагическом можно отнести и стихотворения «Отец уходит первым» (1982) и «Солнце плавает в луже крови...» (1994).

Обратимся к содержанию стихотворения «Отец уходит первым»:

*Отец уходит первым –
в свой день, в свой час,
в свой срок...
У изголовья встань же,
его корней росток!* [Кашежева 2001: 197]

У Кашежевой была своя поэтическая концепция жизни и смерти: даже говоря о смерти, она все равно благословляла жизнь и призывала к терпению и мужеству. Конечно, для нее нет ничего горестнее небытия, и это видно в стихотворении «Отец уходит первым», горьком по своей сути. Но все равно в нем торжествует не смерть, а жизнь, умение преодолевать беду: «Покрепче зубы стисни, / нутро в кулак сожми / и груз отцовской жизни – / весь на себя прими» [Там же]. Человек ушел в небытие, утверждает поэтесса, но останется жизнь его детей и память о нем: «Отец уходит первым – чтоб оставаться в нас» [Там же].

Большим языковым и художественным совершенством обладает стихотворение «Солнце плавает в луже крови» (1994), которое Кашежева посвятила своей матери. В нем идет речь о реальном психологическом состоянии лирической героини. Переживание ее передано через емкие метафоры: «Солнце плавает в луже крови, / боль чудовищна и проста. / Прямо в мозг вгрызаются брови, / словно гвозди в длани Христа» [Кашежева 1994: 41].

Интонация стихотворения основана на трехстопном прерывающемся анапесте (впрочем, можно утверждать, что перед нами трехсложный дольник – все зависит от манеры декламации), а этот стихотворный метр использовался многими поэтами и представляется вполне традиционным. Но главное – в смысловой нагрузке стиха, в контрасте между кажущейся простотой и сложностью переплетения ассоциаций. Афористичность, заостренность мысли сразу вводят в мир трагического:

*Как птенец, колочусь о рамы,
и глаза солоней морей.
Нету больше на свете мамы,
Нету больше мамы моей* [Там же].

Повтор строки «Нету больше на свете мамы» усиливает боль и отчаяние поэтессы.

Душевная и неожиданная глубина чувств открывается в другом стихотворении «Мама! И льются слезы...» (1994):

*Мама! И льются слезы,
Мама... И сердце вниз.
Согреет в любые морозы,
исполнит любой каприз* [Там же: 40].

Разговорная раскованность языка стихотворения соединяется с четкостью метрики. Поэтесса вносит в содержание стиха строго организованную интонационную

систему, элементы сбивчивой речи, в которой перемешались вопросы и восклицательные интонации. В содержании стихотворения ощутимы и моменты грусти, уход вглубь душевной сосредоточенности лирической героини: «*А я? Десятками сабель надолго / открытый город беру / и, как на катушку кабель, / наматываю беду*» [Там же].

Это стихотворение о самой поэтессе и о ее судьбе. Произведение искренне: оно и о том, что пережила в свое время Кашежева, что вошло, перелилось в ее внутренний мир и обрело свое лирическое «Я»: «*Не так уж в сознание затхло, / но я, метронома точней, / себе говорю: вот завтра.... / А завтра еще сволочней*» [Там же].

Национальное своеобразие привнесла Кашежева и в истолкование образа матери. Образ матери, сидящей одиноко у окна, приобретает в ее лирике общечеловеческое значение. Мать, дарующая жизнь человеку, верна всю жизнь своему ребенку, его благородному назначению:

*Мое превозносит дело,
которому жизнь отдана.
Сидит у окна... Сидела –
и, как всегда, одна* [Там же].

Эти строки свидетельствуют о том, что часто бывает в жизни каждого: о матерях, которых порой часто забывают, и только с потерей близкого человека приходит позднее раскаяние, но уже ничего нельзя изменить: «*Так поздно себя мы судим / соленым бездоньем глаз.... / Как в детстве твердим: не будем! / Да кто же услышит нас?*» [Там же] Лирическая героиня поняла, как много упущено в этой жизни, во взаимоотношениях с матерью, и с горечью осознала, что время необратимо. Родную мать она уже никогда не увидит.

Выделяя отбивкой финальные призывы «любите при жизни маму! Потом любите все...», Кашежева утверждала, что любовь, уважение, внимание к родителям – это непреходящие духовные ценности: «*Молю с лицом, как в росе: любите при жизни маму! Потом полюбите все...*». [Там же].

Къайсын Кулиев писал: «Трагическое в поэзии действует на нас своей неподдельностью и суровой правдивостью, открывая нам глаза на многие нешуточные стороны жизни, возвышая, закаляя нас и наши чувства, придавая зрелость нашим взглядам на жизнь. Оно учит мужественно смотреть в лицо горестей и потрясений.... В оптимизме трагедии заключена великая сила» [Кулиев 1986: 75].

Инна Кашежева понимала, что во все времена и эпохи трагедия пребывает рядом с человеком и внутри него, ибо это часть его жизни. Она неотделима от бытия, так же как счастье, мечты, труд, созидание. Смерть, старость, болезни не могут не волновать людей. Время уходит безвозвратно. Боль, связанная с потерей родных и близких, может со временем утихнуть, ослабнуть, но не исчезнуть. Она остается в памяти человека. Обо всем этом художественно рассказала Кашежева в перечисленных выше произведениях.

Анализируя стихотворения, посвященные родителям, мы полагаем, что ее стихи не имеют ничего общего с пессимистическим отношением к жизни. Об этом свидетельствуют строки стихотворения «Помню: всю ночь подряд»:

*Но у всего есть предел:
волос тьмы поредел.
Плеснуло жизнью в меня
новое небо дня* [Кашежева 2001: 44].

Прав был Кайсын Кулиев, когда писал: «Заблуждаются те, которые полагают, будто трагическая поэзия не является поддержкой и опорой человеку в его чаще

всего трудной жизни... Я веду разговор не об унылых жалобах, а о высокой трагедии, и ее правдивой мощи, когда человек видит себя человеком в наиболее полном значении слова. Истинная поэзия в любых случаях остается явлением праздничным, ибо она – выражение всего прекрасного, живой голос самой жизни. Она остается необыкновенной, если даже говорит самыми обыкновенными словами о самых обыкновенных вещах. Без трагических поворотов, без горя, без смерти и гибели героев жизни и победы не бывает. Такова жизнь. Поэтому поэзия не вправе отказаться от трагического и, думаю, что не откажется никогда» [Кулиев 1986: 75].

В своей основе все стихи Кашежевой, посвященные родителям, созданы в трагическом ключе. Они и не могут быть иными, если в каждом из них говорится о потере самых близких людей. Трагизм в произведениях истинного поэта таит в себе и оптимистические ноты. Главное нравственное чувство, которое двигало Кашежевой при написании многих стихов, – это достоинство женщины-горянки, много пережившей, вынесшей немало утрат и умевшей стойко встречать беду.

После ухода близкого человека остается память, которая больно ранит и в то же время безмерно обогащает сердце. Ведь все дорогое, что уносит время, остается жить в памяти человека. Поэтому Кашежева призывает к тому, чтобы человек не бежал от страданий, но, испытав их, не попытавшись с достоинством и мужеством преодолеть все, что уготовила ему судьба. Не обманывать себя иллюзиями, а выдержать жестокий поединок – к такому выводу приходит поэтесса:

*В предьявленных мне счетах
стоит одно: «Живи
в страдательном залоге,
неистово дыша,
чтобы познать в итоге,
так что же есть – душа» [Кашежева 2001: 44].*

В этом стихотворении Инна Кашежева утверждала своим поэтическим словом духовные возможности человека, его ответственность перед обществом и временем. И даже то, что она писала, эти стихи в потоке сложных и порой удушающих эмоций, не угнетает ее личность, поскольку она сама заявляла, что у нее достаточно энергии идти дальше и сильная воля к жизни. Все это она хотела художественно осмыслить, чтобы понять мир, понять саму себя и быть понятой другими. В этом и заключается смысл и сила творчества талантливого поэта Инны Кашежевой.

Список источников

- Кашежева 1982 – *Кашежева И.И.* Кебляга. Нальчик: Эльбрус, 1982. 189 с.
Кашежева 2001 – *Кашежева И.И.* Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2001. 272 с.
Кашежева 1994 – *Кашежева И.И.* Старинное дело. Нальчик: Эльбрус, 1994. 222 с.
Кулиев 1986 – *Кулиев К.Ш.* Поэт всегда с людьми. М.: Советский писатель, 1986. 335 с.

References

- KASHEZHEVA I.I. *Keblyaga* [Keblyaga]. Nalchik: Elbrus, 1982. 189 p. (In Russian)
KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe* [Favorites]. Nalchik: Elbrus, 2001. 272 p. (In Russian)
KASHEZHEVA I.I. *Starinnoe delo* [An old thing]. Nalchik: Elbrus, 1994. 222 p. (In Russian)
KULIEV K.Sh. *Uroki Tyutcheva* [Lessons from Tyutchev]. IN: Kuliev K. The poet is always with people. M.: Soviet writer, 1986. 335 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.Н. Торогельдиева – кандидат филологических наук, профессор кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин СКГИИ.

Information about the author

Z.N. Torogeldievaeva – Candidate of Science (Philology), Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the North Caucasus State Institute of Humanities.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-80-90

МИФО-ФОЛЬКЛОРНАЯ, ЭПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОМАНА М. ЭЛЬБЕРДА « СТРАШЕН ПУТЬ НА ОШХАМАХО»

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию мифо-фольклорных, эпических мотивов, образов, реминисценций в романе М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо». Целью исследования стали особенности художественного нарратива, в который включены фольклорные герои, жившие в разное время. При этом делается акцент на фольклорных, мифологических мотивах, которые присутствуют в романе на всех уровнях, но чаще проявляются во внутренних монологах и диалогах. В структуре романа М. Эльберда соотнесены адыгские обычаи, этикет, предания, увиденные с позиции Созерцателя; через этого протагониста автор пытается осмыслить исторический путь своего народа посредством метафоры его драматического восхождения на гору счастья Ошхамахо. Подобный подход определяет актуальность исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В ходе исследования делаются выводы о том, что главный литературный персонаж наделен типичными характеристиками мифо-фольклорного героя: таинственным происхождением, ранним развитием, проявлением незаурядной силы и других чудесных качеств; эпизодами успешного единоборства с противником. Автор использует типичные мифо-фольклорные мотивы путешествия, «добывания невесты», трансформированного мотива инициации (с помощью воды). Таким образом, главный герой романа может рассматриваться как литературное воплощение типичного мифо-фольклорного героя и литературного архетипа Нарта. На примере романа Эльберда просматривается реализация художественного замысла в русле трансформации древнейшей фольклорной традиции, преломления ее в той или иной форме на пути формирования новых литературных традиций. Вводя мифологические персонажи нартского эпоса, автор творит с их участием концепцию нового индивидуального мифа – литературного. Полученные результаты могут найти применение при изучении истории национальной литературы, написании методических и учебных пособий для студентов филологических вузов, подготовке к циклу лекций и практических семинаров по истории кабардинской литературы.

Ключевые слова: литературная традиция, жанр, литературные архетипы, мифо-фольклорные заимствования, символизм, мифологические и фольклорные мотивы, эпос

Для цитирования: Хакуашева М.А. Мифо-фольклорная, эпическая структура романа М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 80–90. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-80-90

Original article

MYTHO-FOLKLORE, EPIC STRUCTURE OF M. ELBERD'S NOVEL «THE PATH TO OSHKHAMAKHO IS TERRIBLE»

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of mytho-folklore, epic motifs, images, and reminiscence in M. Elberd's novel «The path to Oshkhamakho is terrible». The purpose of the study was the features of the artistic narrative, which includes folklore characters who lived at different times. At the same time, emphasis is placed on folklore and mythological motifs that are present in the novel at all levels, but are more often manifested in internal monologues and dialogues. In the structure of M. Elberd's novel, Adyghe customs, etiquette, and traditions are correlated, seen from the position of a Contemplator; through this protagonist, the author tries to comprehend the historical path of his people through the metaphor of his dramatic ascent to the mountain of happiness Oshkhamakho. This approach determines the relevance of the study. The article uses methods of comparative historical, structural, artistic literary analysis. The study concludes that the main literary character is endowed with typical characteristics of mythos folklore hero: mysterious origin, early development, manifestation of extraordinary strength and other wonderful qualities; episodes of successful single combat with the enemy. The author uses typical mytho-folklore motifs of travel, “getting a bride”, and the transformed motif of initiation (with the help of water). Thus, the main character of the novel can be considered as a literary embodiment of a typical mytho-folklore hero and the literary archetype of the Nart. Using the example of Elberd's novel, one can see the realization of an artistic idea in line with the transformation of the oldest folklore tradition, its refraction in one form or another on the way to the formation of new literary traditions. Introducing the mythological characters of the Nart epic, the author creates with their participation the concept of a new individual myth – a literary one. The results obtained can be used in the study of the history of national literature, writing methodological and teaching aids for students of philological universities, preparing for the cycle

Keywords: literary tradition, genre, literary archetypes, mytho-folklore borrowings, symbolism, mythological and folklore motifs, epic

For citation: Hakuasheva M.A. Mytho-folklore, epic structure of M. Elberd's novel «The Path to Oshkhamakho is Terrible». Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 80–90. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-80-90

Спустя сорок пять лет после публикации роман М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» все еще остается ярким и самобытным звеном в общем русле развития национального литературного процесса. Анализируя предпосылки возникновения романа, Ю.М. Тхагазитов пишет: «Обращением на новом этапе к героическому эпосу, как к первооснове, объясняются не только успехи первых адыгских романистов, но также и их излишний этнографизм, и «абсолютная эпическая дистанция», от притяжения которой литература еще полностью не освободилась» [Тхагазитов 1987: 93].

Кроме редкого читательского успеха, произведение М. Эльберда явилось одним из первых русскоязычных кабардинских романов. Вместе с тем, это был первый приключенческий, а именно, историко-авантюрный роман.

Роман «Страшен путь на Ошхамахо» построен на внутренней полемике с привычным уже в адыгских литературах историческим жанром, где авторы (чаще бессознательно) тяготеют к этнографизму, к идеализации изображаемой действительности. Они находятся в плену «абсолютного прошлого», как сказал бы М. Бахтин. И в этом нет ничего удивительного. Такова закономерность развития прозы, основой которой является фольклор, а именно героический эпос.

М. Эльберду удалось нарушить эту пока еще труднопреодолимую хронологическую и аксиологическую дистанцию, – она формирует романную ситуацию весьма своеобразно. В романный хронотоп писателем органично включены фольклорные герои, жившие в разное время. Нельзя отказать такой задаче в смелости. Ведь тем самым преодолевается фольклорное клише, когда типизация шла на уровне, предполагающем трактовки фольклорного идеала как вечной данности. Идеал наполняется конкретно-историческим содержанием. В этом смысле роман М. Эльберда обозначает собой следующий этап в расширении «завора» между точкой зрения персонажей и позицией автора. Он «прорывает» естественный путь обращения адыгского романа не только к фольклору, к преданиям, но и к мифу.

Одна из причин этого заключается в том, что история кавказских народов известна в том числе по историческим преданиям, хранимым народом в течение многих веков. В них отражена судьба народа, его разум, национальный характер. И именно с этой позиции, с точки зрения народа, ведет свое повествование в романе «Страшен путь на Ошхамахо» Созерцатель.

В структуре романа М. Эльберда соотнесены адыгские обычаи, этикет, предания. Национальный мир показан глазами самих адыгов, реже – через их внутренний мир (исповедь Мысроко, внутренние монологи Канболета, Казаноко и т.д.), с точки зрения русского и европейских народов на национальный мир адыгов, наконец, с высоты современности – с позиции Созерцателя. В этом образе протагониста, в его «словах» выражено трагическое самосознание человека XX века, осмысливающего преисполненный трудностей *путь* своего народа как восхождение на неприступную гору, Ошхамахо. Это голос человека XX века, сохраняющего память своего народа, рассматривающего его историю в свете сегодняшнего дня. Созерцатель – это и всеведущий автор. Такая частая смена точек зрения позволяет добиться «стереоскопического» изображения художественного предмета, образа и, в совокупности, основной художественной идеи. Подобный игровой композиционный прием позволяет дистанцироваться от изображаемого, допуская юмористическое или ироническое отстранение.

Эволюция художественного мастерства адыгских поэтов и прозаиков осуществляется, в первую очередь, в русле трансформации древнейшей фольклорной традиции, преломления ее в той или иной форме на пути формирования новых литературных традиций. В настоящей статье мы коснемся именно этого аспекта романа «Страшен путь на Ошхамахо».

В произведении широко используется фольклорный и этнографический материал, который органически ассимилирован художественным текстом, удачно «вписан» в него, поэтому богатая этнографическая и фольклорная основа прорисовывается как бы исподволь.

Автор довольно часто апеллирует к адыгским фольклорным и мифологическим персонажам. Чаще всего они упоминаются в монологах героев, реже используются как литературные прототипы. Величественная фигура *бога-кузнеца Тлепша* становится одной из самых распространенных в адыгской прозе. Это не случайно, так как Тлепш – излюбленный мифологический образ, который отвечал за важнейшую функцию адыгского воина – вооружение. Очевидно, именно поэтому его чаще всего упоминают персонажи романа, представляющие адыгское воинство. Обращение к Тлепшу используется в монологе одного из второстепенных персонажей – Биты [Эльберд 1987: 69].

Упоминание о Тлепше вводится также в песне безымянного джегуако, голос которого слышится из хачеша [Эльберд 1987: 293–294].

Структура авторских комментариев всех восемнадцати хабаров (то есть глав), совпадающих с точкой зрения всеведущего автора, определенно носит игровой характер, позволяющий отойти от привычной идеализации прошлого и привнести современный элемент самоиронии.

Центральным символом романа становится панцирь, который герои романа находят в самых неожиданных местах, первый раз – «на седьмом дне земли». Характерно, что сам рассказчик устремился вслед за змеей, которая и привела его к «седьмому дну», где был спрятан панцирь (проявление сказочного сюжета змея-охранителя, как хтонического существа, косвенные контаминации мотива инициации). Выковал его, по предположению счастливого, но временного обладателя, сам Тлепш.

Железными ногами Тлепша клянутся адыгские воины, например, бывалый вояка из группы всадников, выжидавших в засаде крымское войско [Эльберд 1987: 324], и еще раз во время сражения, когда его молодой родственник помог юному Кубати отразить удар неприятеля: «Молодец, мальчишка, клянусь железными ногами Тлепша! – орал старый вояка» [Эльберд 1987: 344].

Кузнец Емуз клянется наковальней Тлепша [Эльберд 1987: 145].

Другой раз автор обращается к мотиву мифа о Тлепше, касающегося развития кузнечного ремесла: идея изобретения молота и наковальни принадлежала Сатаней, щипцов – старухе Уорсар [Эльберд 1987: 328].

Параллельно с упоминанием мифологического Тлепша, автор развивает тему литературных образов кузнецов. В первую очередь, это – Емуз, в дом которого попадает княжеский сын Кубати Хатажуков.

Характерно, что почти все главные мужские персонажи и настоящие герои, отличившиеся в борьбе с крымскими захватчиками, рано или поздно становятся кузнецами. Помощником Емуза в кузнице является юноша Куанч, – крепостной, бежавший от своего таубия. Дерзкий, отважный воин, в дальнейшем он становится верным другом молодого Кубати Хатажукова. Кузнецом становится и Жарыча, казак, бежавший с галер вместе с Кубати. При этом он получает ранение в ногу, которое уродует конечность [Эльберд 1987: 368]. По ассоциации это увечье напоминает «безноготь» бога-кузнеца Тлепша (можно рассматривать как реминисценцию мотива), как и типичную хромоту бога-кузнеца в мировой мифологии.

Представляется весьма любопытным тот факт, что «безноготь» роднит с богом Тлепшем и его мифологического канна – Сосруко, (как известно, последний в сказании о гибели лишается конечностей в результате вероломства Нартов, знающих его уязвимое место, и на состязаниях ему отрезает ноги колесо Жан-Шерх). Безноготь, по мнению З.М. Кудяевой, является проявлением хтонической природы Сосруко, которая, очевидно, является таковой и у его воспитателя, Тлепша. Хромота и хтоническая природа – характерная черта кузнеца в мировом фольклоре; неслучайно, что в эпосе Тлепш иногда имеет привычку являться в образе змеи. Вероятно, у обоих мифологических героев – общее сакральное происхождение [Кудяева 2005: 44]. Таким образом, природа мифологического Сосруко амбивалентна, – она включает солярное и хтоническое начала. Хтонический безногий бог Сосруко (аналогия со змеем, превращение в змея) возвращается живым под землю (по сюжету мифа – закапывается живьем врагами). С хтонической природой тесно связана инициация, – она совершается в воде, в подземелье, во мраке.

После войны с крымцами Кубати поселился в доме погибшего Емуза и стал кузнецом, успевая перенять его мастерство (указание на аналогию с мифологической парой – Тлепш и Хбудымышь или Дэбэч). При этом автор почти незаметно проводит художественную параллель между героизмом воина и кузнечным делом. Не случайно старший Хатажуков называет сына «бесстрашно смотрящий железу в глаза!» [Эльберд 1987: 357], очевидно, имея в виду кузнечное мастерство сына, а может быть, и его ратные подвиги. Одновременно, отцовское определение отдаленно напоминает эпитет, часто упоминаемый в эпосе и фольклоре по отношению к Сосруко: «нарт смуглый, железноглазый». Поэтому за литературным протагонистом просматриваются контуры другой мифологической матрицы – Сосруко.

Автор через предисловие дает прямую подсказку: судьба Кубати напоминает судьбу Тлепша. В семнадцатом хабаре становится известна тайна происхождения княжеского сына Кубати Хатажукова: он оказывается не родным, а приемным сыном князя. Мальчик родился в семье унаутов, его мать умерла сразу после рождения ребенка, отец погиб до его появления на свет. Очевидно, что эпиграф относится к происхождению Тлепша и самого Кубати, который повторяет линию судьбы бога-кузнеца, включая обстоятельства рождения (не знал настоящих отца и матери). Характерна и его метаморфоза: из доблестного сильного воина он превращается в хорошего кузнеца. *Кубати связан с мифологическим Тлепшем. С другой стороны, указание на мать, не знавшей материнства, отца, который никогда не знал отцовства, отдаленно связывает его и с образом Сосруко, который тоже является его мифологической матрицей. Таким образом, в образе Кубати совмещены два мифологических прототипа – Тлепш и Сосруко.*

Кузнечным делом занимается также русский царь Петр I. В хабаре четырнадцатом об этом сказано в «слове созерцателя»: «Высоченный и худющий тридцатидесятилетний государь стремительно носился по острову, выкрикивал хриплым голосом команды, хохотал, свирепел, бешено сверкая выпуклыми глазами, хватался то за кузнечный молот (курсив мой – М.Х.), то за топор, а то молча вышагивал взад-вперед по берегу возле закладываемой судоверфи...» [Эльберд 1987: 30].

Автором широко используются фольклорные и мифологические мотивы, в частности, из героического эпоса «Нарты». Эпические испы фигурируют как главные действующие лица в фантазмагории бредовых видений раненого Канболета Тузарова [Эльберд 1987: 229]. Вводя мифологических персонажей нартского эпоса, автор творит с их участием фрагменты нового индивидуального мифа, – литературного.

Литературные аллюзии с мифологическими и фольклорными адыгскими образами, эпизодами, сюжетами встречаются в тексте от экспозиции до финала. Характерно, например, шутивное обращение к своему товарищу Тутуку со стороны Шота во время сцены походного ужина [Эльберд 1987: 306]. При этом героическая тема нартского эпоса по добыванию огня определенно «низводится» до бытовой, ее использование оказывается в плоскости смеховой стихии: шутки, насмешки.

В другом случае князь Хатажуков кричит вдогонку отъезжающему на коне сыну: «Не забывай, что конь твой – не Альп, и не гони его так, чтоб он летел, словно на крыльях» [Эльберд 1987: 311].

«Нартом лучезарным» называет аталык Канболет Тузаров своего воспитанника Кубати.

Фольклорные, мифологические мотивы присутствуют в романе на всех структурных уровнях, но эксплицитно чаще проявляются во внутренних монологах и диалогах героев романа. Таковы, например, размышления Алигоко в ясный солнечный день, которые являются оригинальной литературной авторской интерпретацией распространенного мотива приглашения Сосруко на пир богов и обретение людьми божественного напитка сано. В литературной трактовке – ностальгические интонации по утраченному Золотому веку [Эльберд 1987: 35]. Такой композиционный прием имеет основания и с точки зрения исторической логики, учитывая, что в описываемые средние века преобладало мифологическое сознание, и тесная связь с фольклором была вполне естественной. Он включает и описательные фрагменты текста, в частности, пейзажи [Эльберд 1987: 325].

Панцирь, (как инверсия образа кинжала или меча). Кинжал – (меч), – образ, весьма распространенный в адыгской литературе, в ряде художественных произведений (особенно новейшей литературы) он достигает высокого уровня художественного обобщения и превращается в символ и архетип; в романе М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» такой трансформации подвергается *панцирь*. История о нем появляется на первых же страницах и служит своего рода завязкой

основных действий. Чтобы выгравировать на панцире слова – благословения из Корана, в Мекку была направлена специальная экспедиция, где верховный кадий за огромную плату, разорившую адыгскую миссию, сделал священную надпись на панцире. Знаменитый доспех появляется и исчезает, повторяя драматическую, длинную и ветвистую историю адыгов в борьбе за независимость; на протяжении всего повествования в него облачаются главные герои романа, но доспех неизменно исчезает, – его похищают, за него ведется неутихающая борьба и проливается кровь. Надпись, которая должна была содержать слова благословения из Корана, оберегать обладателя панциря, удалось прочесть только в конце повествования одному знатоку арабского языка. Вместо благословения она содержала примитивное проклятие [Эльберд 1987: 362]. Панцирь превращается в своеобразное «яблоко раздора»: при его появлении вспыхивает вражда и разгорается война. Панцирь, таким образом, превращается в метафору, а затем и символ войны. Он попадает то в добрые руки (например, к последнему адыгскому шогену Иуану или к молодой мужественной женщине Нальжан), то алчному глупому князю Алигоко Вшиголовому. В зависимости от ситуации маятник истории романного дискурса отклоняется то в одну, то в другую сторону. Панцирь превращается в символ бессмысленной жестокости всего человечества, на любых этапах истории ведущего нескончаемую войну «всех против всех».

Показательной представляется игровая поэтика «игры означаемых», связанная с панцирем: настойчивая жажда обретения его как символа защиты и благословения оборачивается своей противоположностью: панцирь оказывается предметом, провоцирующим ненависть, войну и кровопролитие. Таким образом, символ сочетает противоположные семантические функции.

Композиция романа построена по типичной модели приключенческого жанра и, соответственно, одним из главных мотивов композиционной структуры заключает в себе *мотив путешествия*.

Закономерно возросший интерес к истории своего народа у адыгских авторов конца XX века был связан со многими объективными и субъективными причинами, в частности, становлением национального самосознания. Усилился интерес к истории средних веков, в частности, к длительному периоду господства адыгских мамлюков в Египте. М. Эльберд одним из первых вовлек в художественный дискурс своеобразный и весьма драматичный отрезок истории адыгов, тесно связанный с историей средневекового Востока. Мотив путешествия обретает форму паломничества в Мекку к священному камню Каабе. Мотив паломничества – один из древнейших излюбленных мотивов мировой литературы, начиная с «Кентерберийских рассказов» Д. Чосера.

Экзотические, весьма экспрессивные описания особенностей восточного пейзажа, уклада жизни и психологии создают увлекательную насыщенную колоритом атмосферу художественного повествования. Путешествие в священный город мусульман совершается отнюдь не для паломничества, а исключительно для того, чтобы выгравировать на знаменитом панцире сокровенные слова из Корана, которые служили бы оберегом. Это можно расценивать как художественную историческую метафору: изгнания и возвращения целого народа к себе на родину (реминисценции с сорокалетним библейским скитанием Моисея с народом Израиля по пустыне), которая воспринимается настоящей землей обетованной, вновь обретенной в результате долгих мучительных испытаний.

Тема путешествия воспринимается и на другом, философском уровне, как тема «вечного возвращения» к себе, к своим истокам через метафорическое путешествие к святыне, через призму «нанизывания» на невидимый исторический остов бесконечных кругов, на которые каждый раз народ-изгнанник возвращается для нового, более глубинного постижения самого себя.

Мотив путешествия является центральным в композиционной структуре романа; путешествуют все главные герои в поисках неизменно ускользающего

драгоценного панциря. Значимой оказывается заключительная фраза в рассказе Канболета Тузарова, повествующего о своих злоключениях и возвращении на родину: «Шесть дней, которые мы потратили на дорогу от Тамани до твоего дома, Шогенуко, прошли совсем незаметно. И это были самые приятные дни на всем нашем пути из Каира в Мекку, из Мекки – к подножию Ошхамахо» [Эльберд 1987: 45]. Это не только воплощение темы «вечного возвращения», но и ориентация на вершину горы счастья – Ошхамахо. «...путь на Ошхамахо» вынесен в название романа, как сокровенная цель движения главных героев, за которыми – судьба целого народа. Круги «вечного возвращения» истории народа замыкаются на вершине горы счастья, как бы венчая бесконечные поиски панциря, напоминающего поиски святого Грааля. Они же, на другом, онтологическом уровне текста, означают вечные скитания духа в поисках смысла или просто выхода из замкнутого круга жестокости и насилия. Но только «посвященные», духовные «неофиты», такие как Кубати Хатажуков, находят этот выход.

Другое по сути своей путешествие, бегство, совершает Касбулат Тузаров со своим воспитанником Кубати Хатажуковым в Крым, в Бахчисарай. Спустя время он появляется на родине вместе со своим возмужавшим каном, который с помощью аталыка достигает морального и физического совершенства.

Сюжетная линия протагониста тесно связана с водой. В начале повествования Кубати и его дядя, князь Хатажуков, падают в бурлящую горную реку. Инициаторы покушения были уверены, что князь с племянником погибли, но впоследствии оказалось, что мальчик чудом остался жив.

Кубати Хатажуков – литературный вариант мифоэпического героя Тлепша. Так же, как в отношении любого героического мифологического нарта или полубога, его происхождение покрыто тайной и, по традиционным законам приключенческого жанра, раскрывается только в конце повествования. Так же, как фольклорные герои, он опережает свое развитие (универсальный мотив быстрого роста), и воинская доблесть, – главная добродетель эпического героя, – становится очевидна уже в раннем возрасте. Подобно героям адыгского фольклора, Кубати с Канболетом участвуют в *состязаниях*, при этом неизменным победителем состязаний оказывается Кубати. Аталык и кан одерживают победы над крымскими оккупантами. Успешные состязания и победы над врагами – обязательный компонент онтогенеза любого мифоэпического героя. Ту же самую схему повторяет главный герой романа «Страшен путь на Ошхамахо».

Еще один этап жизни литературного героя Кубати Хатажукова типичен для большинства персонажей мирового фольклора: *он поглощен и вынесен рекой*. Но поглощение и извержение из воды, (пасти дракона-поглотителя, его заменителей – кита, бочки, корзины, лодки, корабля, и т.д.) – ни что другое как *обряд посвящения, инициации* [Пропп 2002: 210]. Кубати со своим аталыком *путешествует по морю на корабле*, когда они бегут в Бахчисарай, Кубати попадает на галеры (лодка, как известный аналог змея-поглотителя), откуда бежит с группой таких же невольников. Динамичный жанр приключения позволил использовать *три варианта посвящения с помощью воды*: герой оказывается трижды поглощенным и извергнутым водной стихией. В связи с этим можно говорить о *функции воды в романе как стихии посвящения*, которая способствует переходу главного героя в другой статус, в онтологической плоскости – на новые, все более высокие уровни духовного становления. Возможно, подобные художественные методы и есть обозначение метафорических этапов духовной «инициации», в них и заключается экзистенциальное призвание героя, его собственный «путь на Ошхамахо».

Повествование завершается впечатляющим похищением девушки Саны, возлюбленной Кубати Хатажукова, во время которого сам герой становится невольным участником хитроумного плана мудреца Жабаги Казаноко. Эта сцена из эпилога дублирует фольклорный и мифологический мотив *добывания невесты*. Мы

упоминали выше, что одним из воплощений трансценденции в адыгском мифе и фольклоре является образ прекрасной женщины. Ее достижение реализуется чаще всего через мотив добывания невесты. Говоря о различных вариантах фольклорных образов женщин, М.Ф. Бухуров упоминает невесту «типа Елены из «Илиады»: она не является выраженным носителем определенной положительной или отрицательной функции, а *представлена лишь как цель, которой должен достичь герой*» (курсив мой – М.Х.) [Бухуров 2002: 12–13].

По существу, достижение трансцендентной цели для литературного героя осуществляется по тому же фольклорному сюжету, но по другим законам, – литературным. Художественный дискурс связан в первую очередь с отчетливой индивидуальной характеристикой персонажей, которая отсутствует в мифе и фольклоре.

Любовная тема представлена в романе достаточно экспрессивно. Первое глубокое чувство Кубати в определенном смысле можно рассматривать как фактор, способствующий переходу на новый уровень восприятия и сознания. Авторское описание личных переживаний героя и описание горного пейзажа образуют семантический параллелизм. Описания весенней пробуждающейся природы ассоциируют с образом прекрасной девушки Саны [Эльберд 1987: 172–173]. Автор не углубляется в лабиринты тонкого психологизма (этого, собственно, и не предусматривает жанр приключенческого романа), при этом используется чисто романтический прием: художественная идентификация пейзажа и внутреннего состояния главного персонажа. Любовь позволяет выйти Кубати за пределы собственного я, почувствовать мир как самого себя, впервые ощутив его гармонию с собственной личностью. Но выход за пределы себя, экстатическое ощущение мира и обнаружение гармонии в мире, себе, идентификация мира и себя, – это, собственно, и есть трансцендентное состояние.

Таким образом, в репрезентации литературного персонажа Кубати Хатажукова используется по существу основная структура фольклорного и мифологического образостроения:

1. Таинственное происхождение;
2. Раннее развитие, проявление незаурядной силы и других чудесных качеств героя;
3. Игра (форма: игра-состяжание)
4. Успешное единоборство с противником, (которое тоже может быть причислено к игре-состяжанию);
5. Использование фольклорного и мифологического мотива «добывания невесты».
6. Использование трансформированного мотива инициации (с помощью воды).

В результате нашего анализа можно утверждать, что главный герой романа Кубати Хатажуков является литературным воплощением *типичного фольклорного героя и литературным архетипом Нарта*. Это подтверждают и отдельные обращения из прямой речи персонажей, например, попавшего в плен Канболета, которого отыскал его воспитанник:

Одним из самых распространенных образов адыгской литературы является *камень*. Он несколько раз встречается в романе М. Эльберда: в начале повествования это священный черный камень Каабы в Мекке, к которому направляются паломники, чтобы освятить чудесный панцирь. Священный камень арабской земли мусульман в середине повествования сменяется священным адыгским языческим камнем, на котором оставляли подношения: «Он подошел вплотную к похожему на собаку камню и вдруг увидел то, что не заметил раньше. Под самой «мордой» лежала на дощечке вареная курица, кусок сыра и просяной пасты» [Эльберд 1987: 173]. Это подношение принял старик шоген, живущий в пещере. Затем явилась старуха, чтобы убедиться, что подношения исчезли. Для объяснения распространенного до недавних пор старого языческого обряда автор сам пускается в краткий

этнографический экскурс: «Кубати теперь понял, в чем дело, и чуть не расхохотался. Ну конечно, еще в далеком детстве он слышал о «священном сукообразном камне», о Дигулипх, особо почитаемом женщинами. Отголосок еще тех времен, когда собакам чуть ли не поклонялись, считая их, как и волков, божественными животными» [Эльберд 1987: 174]. Характерно, что в сцене с образом языческого камня связаны:

1. старик-шоген, живущий в пещере;
2. появившаяся старуха, которая принесла жертвоприношение к камню;
3. первая жертва Кубати, который убил дикого кабана;
4. раздел жертвы и жертвоприношение шогену, которую инициирует старуха Хадыжа.

Непосредственная связь Кубати (прототипом, которого, как упоминалось выше, является Сосуко) с камнем нам кажется закономерной. Подобные аналогии протагониста, имеющего мифологическую матрицу, с камнем, уже известны в некоторых литературных произведениях северокавказских авторов. Так, анализируя фольклорную основу романа И. Базоркина «Из тьмы веков», У.Б. Далгат отмечает, что литературный герой Калой имеет прототипом «легендарного Калой Канта, воспетого в героических сказаниях ингушей, автор постоянно ищет сходство своего и эпического героев. Он не раз подчеркивает, что мальчик «родился за одним из камней, которые бросали друг в друга наш богатырь Калой и его враг». Этим гордится и сам мальчик, говоря, что он родился за тем камнем, который бросил Калой Кант: «потому и дал мне отец его имя» [Далгат 1972: 150].

Известны магические свойства священного камня (который инициирует магические свойства сына камня). Интерес к особым оселкам – подвескам усиливается тем, что их запечатлел древний эпос «Нарты» меото-зихо-адыгов [Нарты 1974: 134].

«С помощью камня-оселка человек оживляет мертвого Ашэмэза» [Гамзатов 1996: 151]. О магической помощи камня, который влиял на справедливый народный суд, пишет В.А. Цагараев: «В Осетии «нартовский» ныхас – место общественных собраний. Каждый камень этого ныхаса имеет свое название» [Цагараев 2000: 98].

Подобные мотивы или их реминисценции тесно связаны с инициацией. Известно, что обрядом посвящения руководил пожилой мужчина или пожилая женщина. Некоторое время неофит (неофиты) со своим руководителем жили в недоступном месте, чаще в лесу, могли скрываться в пещере, если не было большого (мужского) дома. Довольно часто посвящение совершалось в период, когда юноша начинал самостоятельно охотиться, то есть становился полноправным членом племени и начинал брать на себя ответственные функции. Вполне вероятно, что свою первую жертву неофит посвящал руководителю обряда посвящения. В данном случае налицо почти все составляющие инициации, преломленные и воплощенные литературным дискурсом. Маловероятно, что автор допустил сознательную художественную интерпретацию обряда инициации, – вероятнее всего, она связана с бессознательным архетипическим образом художественного мышления, как ассоциативная связь с фольклорным элементом.

Роман М. Эльберда имеет непосредственную связь с жанром мифа и притчи. М. Эльберд усваивает и развивает эту традицию от А. Кешокова, и в этом смысле можно говорить о художественной преемственности адыгских писателей. «Позднее (после А.П. Кешокова – М.Х.) притча проникает в историко-философский роман, причем не только из фольклора, но и из литератур – как восточных, так и западноевропейских. Роль притчи в романе М. Эльберда определяется не только углублением в миф, не только использованием традиции самой притчи, но и традициями просветительства (национального, русского, европейского)» [Тхагазитов 1987: 95].

Литературные художественные методы, использованные автором романа «Страшен путь на Ошхамахо», имеют самую тесную связь с фольклором и

мифологией; они проявляются в разных формах и практически на всех уровнях текста. Центральными архетипическими образами становятся *архетип Кузнеца*, *архетип Нарта*, предметным архетипическим образом выступает *панцирь* (как субститут образа меча или кинжала). Автор использует наиболее распространенные мифологические мотивы – *путешествия*, *добывания невесты* (как трансцендентной цели). *Стихия воды* активно используется в разных вариантах, как средство для *инициации* литературного героя, точнее, литературной инверсии этого мотива. Художественно репрезентируется мифологическая форма *игры-соревнования*. Адыгские фольклорные и мифологические мотивы используются для сюжето- и образостроения, нового литературного мифотворчества и песнетворчества, приобретают своеобразную форму мифо-литературной «гибридизации» и литературной стилизации. Автор применяет метод *игровой поэтики*, «смешивая» миф и реальность, зачастую меняет их местами, метод частой смены (или совмещения) ракурсов (точек зрения) на один и тот же художественный объект. Например, автор «мифологизирует» историческую личность адыгского мыслителя и политического деятеля Казаноко Жабаги. Мифологические персонажи становятся матрицами литературных, трансформируясь в ряде случаев в литературные архетипы. Фольклорные и мифологические реминисценции проявляются в разных формах на протяжении всего повествования.

Список источников

- Бухуров 2002 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2002. 19 с.
Гамзатов 1996 – *Гамзатов Г.Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. 651 с.
Далгат 1972 – *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследования и тексты. М., 1972. 467 с.
Кудаева 2005 – *Кудаева З.М.* Нижний мир и символика «отсечения» ног в адыгской мифологической традиции // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2005. № 3.
Нарты 1974 – *Нарты.* Адыгский героический эпос. М., 1974. 235 с.
Пропп 2002 – *Пропп В.Я.* Фольклор. Литература. История. М., 2002. 463 с.
Тхагазитов 1987 – *Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман. Нальчик, 1987. 110 с.
Цагараев 2000 – *Цагараев В.А.* Золотая яблоня Нартов. Владикавказ, 2000. 299 с.
Эльберд 1987 – *Эльберд М.* Страшен путь на Ошхамахо. М., 1987. 384 с.

References

- BUKHUROV 2002 – *Bukhurov M.F.* The Adyghe heroic tale: An abstract of the dissertation. ... candidate of Philological Sciences. Nalchik, 2002. 19 p. (In Russian)
GAMZATOV 1996 – *Gamzatov G.G.* National art culture in the kaleidoscope of memory. M., 1996. 651 p. (In Russian)
DALGAT 1972 – *Dalgat U.B.* The heroic epic of Chechens and Ingush. Studies and texts. M., 1972. 467 p. (In Russian)
KUDAIEVA 2005 – *Kudaeva Z.M.* The Lower world and the symbolism of “cutting off” legs in the Adyghe mythological tradition // Cultural life of the South of Russia. Krasnodar, 2005. No. 3. (In Russian)
NARTS 1974 – *Narts.* The Adyghe heroic epic. M., 1974. 235 p. (In Russian and Kabardino-Circassian)
PROPP 2002 – *Propp V.Ya.* Folklore. Literature. History. M., 2002. 463 p. (In Russian)
THAGAZITOV 1987 – *Thagazitov Y.M.* Adyghe novel. Nalchik, 1987. 110 p.
TSAGARAEV 2000 – *Tsagaraev V.A.* Golden apple tree of Narts. Vladikavkaz, 2000. 299 p. (In Russian)
ELBERD 1987 – *Elberd M.* The path to Oshkhamakho is terrible. M., 1987. 384 p. (In Russian)

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 17.02.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Научная статья

УДК 398.8

DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-91-102

ПАРЕМИИ В ПЕСЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Адам Мухамедович Гутов¹, Ляна Адамовна Гугова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

² Liana240281@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Гутов, Л.А. Гугова, 2024

Аннотация. В статье исследуются особенности функционирования народных афористических выражений и устойчивых словесных сочетаний в контексте историко-героической песни. Предлагаются варианты решения проблем установления роли клишированных блоков в художественной системе песен, характера их употребления, места в композиционной структуре поэтического текста, типологических особенностей и наиболее вероятных истоков возникновения и эволюции. Устанавливается, что вне зависимости от места, в котором фигурирует устойчивое сочетание, оно неизменно играет важную роль в песенном тексте; так как выражает наиболее концентрированно, в ярких образах, идейный замысел автора, изобразительный потенциал языка, а также содержит наиболее лаконично сформулированные оценки и выводы. В случае, когда паремия выступает в качестве зачина, она может определять основной тематический вектор всего произведения и при этом в медиальной части подчиняет все другие устойчивые сочетания, главной задаче, то есть созданию единого в идейном плане художественного текста. Также ставится вопрос о генезисе паремий, встречающихся в песне. Предполагается два альтернативных варианта. Первый – исходить из того, что устойчивое сочетание зародилось в процессе продуктивного периода, и тогда функционирование той или иной паремии берет начало в песне. В противном случае, как надо полагать, при сложении песни в ее текст было аккумуляровано самостоятельно бытующее речевое клише, уместное по смыслу и поэтической фактуре.

Ключевые слова: паремия, формула, клише, пословица, поговорка, контекст

Для цитирования: Гутов А.М., Гугова Л.А. Паремии в песенном контексте // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 91–102. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-91-102

Original article

PAREMIAS IN A SONG CONTEXT

Adam M. Gutov¹, Lyana A. Gutova²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

² Liana240281@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, L.A. Gutova, 2024

Abstract. The article examines the peculiarities of the functioning of folk aphoristic expressions and stable verbal combinations in the context of a historical and heroic song. The authors propose solutions to the problems of the function of cliched blocks in the artistic system of songs, the nature of their use, their place in the compositional structure of the poetic text, typological features and the most likely origins of the emergence and evolution of paremias. It is established that regardless of the place in which a stable combination appears, it invariably plays an important role in the song text; since it expresses the author's ideological intention in the most concentrated way, in vivid images, the expressive possibilities of the language, and also contains the most concisely formulated assessments and conclusions. In the case when the paremia acts as the beginning, it can determine the main thematic vector of the entire work and at the same time, in the medial part, subordinates all other stable combinations to the main task, the creation of an ideologically unified literary text. The question is also raised about the genesis of the parodies found in the song. Two alternative options are assumed: either a stable combination originated in the process of the productive existence of the song (including the moment of its composition by the singer) and then its functioning as a parody originates from the song, or, on the contrary, when the song was added to its text, an independently existing cliché was accumulated, appropriate in meaning and poetic texture.

Keywords: paremia, formula, cliché, proverb, saying, context

For citation: Gutov A.M., Gutova L.A. Paremias in a Song Context. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 91–102. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-91-102

Общетеоретические основы явления

Общим свойством всех разновидностей вербальных миниатюр, обозначаемых термином «паремия», является то, что они представляют собой концентрированное и устойчиво сохраняющееся в основных компонентах выражение, в котором изложено умозаключение или же обобщающая оценка, меткая формулировка образных ассоциаций, суждений, размышлений, наблюдений относительно тех или иных предметов или явлений. Многократное употребление их в бытовой речи в коммуникативной сфере, в рассказах о каких-либо событиях, в художественных произведениях устной и письменной культуры способствует их своего рода гравировке и огранке, клишированию, вернее – созданию относительно устойчивых афористических единиц. Это ввело в научный обиход фольклористики особые научные термины, как то: *общие места (loci communes)*, *формула*, *устойчивое словосочетание*, *клише*. Один из крупнейших отечественных специалистов в данной области, Г.Л. Пермяков, ввел понятие *общая теория клише* и убедительно обосновал его содержание [Пермяков 1970].

Еще одна особенность данного явления это, по единодушному мнению ученых, обязательность ситуативного контекста как условия его естественного функционирования. В обиходной речи устойчивое сочетание слов бывает употребительно как краткое умозаключение на определенную тему, как императив, как метафорический оборот или лаконично меткая оценка явления. Поэтому естественной формой бытования паремии может быть и умозаключение как оценка событийной ситуации, и обыденная диалогическая или же монологическая речь, и практически любой род или жанр словесного искусства. Кроме того, как считают специалисты в области народной афористики, весьма характерно, чтобы, например, слова, их сочетания, которыми сформулирован вывод, сделанный говорящим в виде суждения по конкретному поводу, или же удачное замечание, характеристика лица или явления оказывались каузальной основой возникновения новой паремиологической единицы.

Когда речь идет о фольклорном тексте, важно все-таки иметь в виду, что само понятие «клише» применимо к нему с долей условности, поскольку всякое явление, подчиняющееся общефольклорным закономерностям, также может иметь варианты. В отличие от подлинного клише в его автологическом значении (т.е. своего

рода готовая и застывшая конструкция, шаблон, механически воспроизводимый неизменяемый стереотип, трафарет, монолит), у паремии в речевом или поэтическом контексте степень устойчивости не абсолютна, и нюансы ее употребления обусловлены ситуативно. Пословица, поговорка или иное явление, относящееся к интересующему нас феномену, не просто потенциально имеет способность варьироваться, но это свойство является одним из условий естественного бытования паремии. Поскольку природа данного явления заключена в контексте, он и диктует в каждом отдельном случае конкретную форму ее употребления. Однако, хотя речевые клише имеют свойство варьироваться в определенных пределах (хотя бы интонационно), все же они сохраняют единство смысла и типологические характеристики основных образов, что происходит порою независимо от среды бытования, ситуации и даже языка. Например, в разноязычных версиях одного и того же мотива-универсалии о пустом обещании или безосновательной уверенности в будущем успехе нередко фигурирует на разных языках один и тот же ключевой образ – шкура неубитого медведя [Гутова 2011: 32–35]. Примеры подобного рода не единичны. Но более часты смысловые сходства при различных ключевых образах, например: адыгское *мэлищэ цлакьуэнишэ хьуркьым* (Сотня овец не без <одной> хромой) и его русскоязычный адекват *В семье не без урода*. Очевидно, что при различных опорных образах (*сотня овец* и *хромая овца* – *семья* и *урод*) приведенные сопоставительные пары изречений идентичны по смыслу и функции.

На особенности и функции формул и на их варианты в фольклорных текстах обращали внимание в разное время многие исследователи, в их числе авторы специальных научных трудов по данной проблеме, фольклористы, исследующие эпос [Ухов 1969], и языковеды, специализирующиеся в области фразеологии и афористики [Саввина 1984]. Примечательно, что вариативность связана не только с локальными традициями, как, например, с различиями в употреблении устойчивых формул в эпических текстах у представителей разных исполнительских традиций. Очевидно, что часто устойчивое сочетание слов включается в конкретный языковой контекст с воображаемого, не зафиксированного инварианта, как бы в виде активно функционирующего в языке своего рода монолитного «стройматериала» в структуре устной речи или письменного текста. Но важно учитывать, что блок подобного рода не всегда вписывается в контекст без каких бы то ни было трансформаций. Поэтому для того, чтобы он органически вошел в контекст, порою приходится вносить некоторые коррективы в тот шаблон, который отложился в сознании певца в качестве инварианта. Но делается это в большинстве случаев с обязательным сохранением образной системы. Также не исключается вероятность перехода таких фрагментов текста в разряд устойчивых формул, которые по сути своей являются не следствием коллективного творческого процесса, а продуктом словесной деятельности субъекта, от которого меткое изречение и аккумулируется воспринимающей средой. Это – момент возникновения новой афористической единицы, авторство которой в стадии возникновения настолько очевидно, что не требует доказательства, или же оно легко может быть установлено. В литературе это обозначается термином *крылатое выражение*. Письменная фиксация с атрибуцией к конкретной личности и оказывается тем главным идентифицирующим фактором, который и отличает продукт коллективного творчества от авторского.

В некоторых случаях даже формальные различия между двумя типами явления могут быть условными – например, в случаях, когда формула имеет своим истоком текст песни, сложение которой традиция устойчиво закрепляет за тем или иным конкретным лицом. С одной стороны, в подобном случае авторство можно признать установленным хотя бы условно, с другой – эта единица вошла в языковой обиход и функционирует в соответствии с законами бытования фольклорного феномена. Таким образом, налицо сочетание фактически достоверно или хотя бы гипотетически устанавливаемого авторства с народной устной традицией.

Заметим, что для многих адыгских историко-героических песен характерна тенденция называть имя песнетворца. Даже ничем иным не подтвержденная, она уже есть показатель качественного сдвига в традиционном сознании и предвосхищает выход на историческую арену автора как принципиально нового явления. Чтобы назвать произведение литературоведческим термином *крылатое выражение*, теперь недостает всего лишь «патента» в виде графической фиксации, как это свойственно литературе.

Чаще всего в акте конкретной языковой объективации сообщения, умозаключения, суждения или оценки относительная устойчивость паремии поддерживается как бы комплексно – в единстве опорных образов со звуковой организацией, структурой и единством смысла высказывания. Однако даже самый, казалось бы, устойчивый словесный блок должен вписываться в общий контекст – ситуативно, логически, стилистически. Это же не всегда оказывается возможным без хотя бы номинальной «подгонки». Поэтому порою требуется адаптировать инвариантный феномен к контексту, причем делается это с учетом конкретной ситуации.

Помимо того, в разных жанрах степень востребованности паремий может варьироваться в зависимости от формы бытования контекстного феномена, его изначальной функции и стиля изложения, цели обращения к данному клише. Так, в жанре притчи, а также в басне пословица или поговорка часто оказывается стержневым элементом формирования всего произведения, и повествование всецело подчинено раскрытию ее сути. В нарративе бывает заложена ключевая идейная основа повествования, и соответственно своей функции, она проявляется в органическом сочетании определенного смысла – в плане содержания, а с ним и внешних атрибутов – с художественно организованной формой изложения.

В мировом фольклорном арсенале нередко также легенды и сказки, чаще всего бытовые, нравоучительный пафос которых тоже формулируется в виде паремии, хотя, в отличие от притчи, в легенде и сказке на первом плане обычно стоит не мораль, а занимательность. То же можно сказать и о жанре преданий, где на первом плане информативность или занимательность, в то время как философские обобщения, нравоучение, этические императивы, как бы они ни были актуальны, остаются в них на втором плане. Практика использования паремий фольклорного происхождения нередко переходит в литературу и охотно аккумулируется писателями в индивидуальном творчестве, примеры чего многочисленны.

В народном героическом эпосе, где во главе угла не описательность, рассуждения или назидания, а повествование и действие, потребность в афористически метким образным формулам оказывается несколько ниже, чем, например, в притче, басне или бытовой сказке. Однако содержательные умозаключения, лаконично меткие оценочные суждения или императивы по сути своей универсальны в плане их употребления и могут быть уместны в произведениях любого жанра словесного творчества, в том числе и героико-эпического.

Но, как очевидно, каждая этноязыковая культура создает собственное представление о достаточности или избыточности использования специальных художественных приемов, в том числе и паремий. Есть основания признать, что по данной причине характер бытования произведения в немалой мере соотносится с уже сложившимися общими эстетическими принципами, принятыми конкретной средой. В частности, особенности употребления паремий в циклах историко-героического эпоса адыгов обусловлены традиционным тематическим единством песни и сказания. Так, исполнитель не заучивает наизусть текста предания, а опирается на сюжет, заучиваются же в основном отдельные формулы, имена, последовательность событий. Поэтому проза, как правило, предоставляет исполнителю больше свободы в выборе слов и их сочетаний. Здесь вариативность текста, как известно, не ограничена ни мелодией, ни фоникой, ни системой версификации. По сути, художественная форма зависит в большей мере от индивидуального

мастерства, красноречия исполнителя, а также от таких обстоятельств как эмоциональное состояние, настрой, конкретная ситуация, состав аудитории, ее готовность к восприятию.

В поэтическом, песенном компоненте цикла, как правило, сознательная импровизация не позволительна. Варианты возникают подспудно, так как текст песни заучивается, а не усваивается по опорным фрагментам и по общей сюжетной линии. Акт исполнения предполагает, прежде всего, не адаптацию исполнителя к ситуации, как это характерно для прозы. Песня сама тяготеет к тому, чтобы подчинить себе конкретную ситуацию, мобилизовать аудиторию, но не приспособиться под ее настроение. Как известно, песню нельзя спеть ни длиннее, ни короче, нельзя изложить своими словами, не разрушая ритма и мелодии. Она поется на базе того текста, который певец однажды заучил, переняв у своего учителя, или же с теми текстовыми коррективами, которые были санкционированы как аутентичные. Текст песни историко-героического характера – матрица, не подлежащая вольным интерпретациям. Сознательное варьирование ее на уровне лексики и фразеологии фактически недопустимо, изменения могут быть связаны только с субъективными факторами (например, тем, что текст плохо усвоен), особенностями памяти исполнителя или, напротив, выраженным у него творческим началом, а порою и с травести.

Это – особенность песни данного жанра, отличающая ее от ряда других. Так, например, шуточная песня или песни ритуально-приуроченного характера допускают порою долю сознательной импровизации, что при исполнении героической песни практически исключено: здесь все акценты строго расставлены изначально, и это относится как к образной системе, так и к лексике, композиции, к собственным именам и их характеристикам. Для обеспечения наибольшей сохранности исходного текста даже был выработан внушительный перечень специальных мер – от своеобразного состязания певцов-джегуако, на котором, порою не без горячих дискуссий, устранялись неминуемо проявляющиеся разночтения, до мнемотехнических средств, призванных сохранить неприкосновенность текста [Налоев 2011: 143–144]. Очевидно, что при отсутствии выверенного письменного канонического ориентира никакие приемы не могут полностью исключить появление вариантов. Но все же меры, направленные на сохранение текста, обеспечивали относительно высокую степень устойчивости начального или гипотетически исходного варианта. Кроме того, вербальный компонент, скрепленный ритмической системой, сложной звуковой организацией, мелодией, естественно, оказывается в поэтическом тексте песни, значительно более закрытым для вольного обращения с ним. Это довольно серьезный барьер, призванный воспрепятствовать как сознательному пропуску изначально входящих в него компонентов, так и привнесению в него новых слов и сочетаний. Поэтому известное выражение «Из песни слова не выкинешь» было бы уместно дополнить: «...и другого слова в нее не вставишь». Разумеется, названная закономерность не абсолютна, варианты неизбежны, но как общая тенденция она очевидна. Значительно более высокая степень устойчивости поэтического текста определяет и функцию паремии в его эстетической системе.

Судя по наблюдениям и выводам исследователей фольклора, адыгская песенно-эпическая традиция придерживается, если можно так сказать, принципа разумной экономии. Утверждая так, мы никоим образом не намерены принижать эстетическую сторону в парадигматике функций народной песни. Напротив, мы пытаемся определить ту линию, по которой прочно скрепляются воедино исходное практическое назначение песни и ее эстетическая значимость. В связи с этим считаем должным обратить внимание на одно родовое свойство народной культуры адыгов (черкесов), проявляющееся не только в словесном творчестве, но и в музыке, прикладном искусстве, одежде, даже в поведенческих императивах.

Это – установка на то, чтобы в плане выражения избегать какой бы то ни было излишней пестроты, витиеватости и вычурности, а напротив – рельефно и со всей строгостью выделять основную тему, образ, лейтмотив, не заштриховывая их обилием второстепенных деталей. Но это делается никак не в ущерб художественной выразительности и представлению о прекрасном, без отступления от законов эстетики [Гутов 1993]. Реализации данной установки способствует и то, что в адыгском фольклоре в подавляющем большинстве случаев героическая или героико-лирическая песня сочинялась специально, по горячим следам того или иного события, нередко – вследствие своего рода социального заказа самого общества. Этим она становилась по функции субститутотом письменного документа и порою не без успеха замещала его. Ее каузальной основой бывает, за редким исключением, конкретное событие (сражение, нашествие, примечательный факт из жизни всего общества или героя как социально значимой фигуры). Многими авторами отмечено почти обязательное участие песнетворцев-джегуако в воинских предприятиях. Это способствовало моментальному появлению песни, сочиненной порою не только по рассказам третьих лиц, но и по свидетельствам народных певцов (*дружинных джегуако*), которые сами бывали очевидцами происходящего [Ногмов 1861: 37–38; Налоев 2011: 129–148]. Во время сражения они специально выбирали себе удобное место для наблюдения, чтобы впоследствии со всей возможной достоверностью описать его в деталях и лицах. Таким образом, рельефно проявляется исходная практическая функция песни – запечатлеть явление. По сути, это было одним из ключевых факторов, которыми мотивировано участие в воинских предприятиях певцов-джегуако, людей не военных. Для участников событий и вообще современников авторство песни было чем-то само собой разумеющимся, хотя джегуако творили формально в русле установившейся народной устной традиции, а сложенные ими песни уходили в устный обиход и становились общим достоянием массы. Смеем полагать, что та же строгая традиция все же позволяла сочинителю проявить не только приверженность канонам, но и свободу самовыражения. Поэтому, несмотря на то, что в фольклорной памяти далеко не всегда сохраняется подлинное имя автора или авторов той или иной песни, ее поэтика значительно приближается к поэтике авторского произведения. Оттуда, в частности, высокая степень оригинальности образной системы в поэтическом тексте – метафоры, сравнения, эпитеты, иносказания, не встречающиеся в песнях, сложенных другими джегуако. Последнее, однако, отнюдь не исключает полностью случаев, когда тот или иной создатель песни порою прибегает к использованию существующих в обиходе клише, стандартных формул. Но в известной мере оно лимитирует их употребление. Общеизвестно, что без включения тех или иных фразеологизмов, речений, поговорок или пословиц в художественный текст не обходятся и профессиональные поэты и писатели развитых литератур с многовековой историей. Но иное дело – насколько такое обращение к материалу мотивировано и как творчески автор может аккумулировать привлекаемый материал, чтобы успешно ввести его в литературный контекст. Относительно высокая степень индивидуального начала – одна из важных причин незначительного числа так называемых общих мест и устойчивых универсально применимых словесных блоков в поэтическом тексте песен младшего эпоса адыгов. Важным оказывается даже не частотность их употребления, а его уместность и функция, которую паремия выполняют в художественной системе.

Конкретный анализ песни

Хорошо известно, что историко-героическая песня в составе эпического цикла имеет в адыгском фольклоре тенденцию к лирическим медитациям, порою даже

весьма пространным. Поэтически организованные развернутые повествования, в которых доминантой является действие (нередко это песни балладного типа), составляют здесь меньшую часть произведений данного жанра. Отмечаемая исследователями установка на эмоционально оценочную функцию песен дает основания называть их не просто героическими, а лирико-героическими [Налоев 2009: 47–108]. Именно в русле формальных жанровых канонов историко-героического эпоса эволюционно вызревает лирика как самостоятельное направление в песенном искусстве. Данная жанровая особенность открывает для автора песни реальную возможность относительно свободного выражения и личностных переживаний, и обобщающих оценок, и умозаключений в русле стихийной народной философии. Тем самым, если даже в случаях, когда произведение задумывалось и создавалось с прямым «практическим» назначением – запечатлеть важное событие или восславить имя той или иной яркой личности, – оно непременно обретает более широкое звучание, социально мотивированное, философски выраженное и эстетически организованное. Это свойство может быть или заложено в произведении изначально, или, в некоторых случаях, обретено вследствие длительного устного бытования. Поэтому для художественного самовыражения и восприятия оказываются важными композиционная организация песенного текста и определяемое в ней место для паремии.

Адыгские джегуако хорошо знали, насколько серьезную роль играет композиция песни для ее наиболее внушительного воздействия на слушателя как в плане информативно-познавательном, так эмоциональном и эстетическом. Поэтому, сочиняя новое произведение, они с особой тщательностью подбирали слова инициальной части, поскольку она была, прежде всего, призвана стать ключом к восприятию всего поэтического произведения и задавать всей песне единую идейно-тематическую и стилевую тональность. Другие устойчивые блоки, при их наличии где-нибудь в середине текста или в его финальной части, оказываются в некотором подчиненном положении относительно зачинной формулы, которая призвана стать доминантной. Речь не идет о заданном строгом иерархическом ранжире, но все же различие в степени смысловой и эстетической значимости очевидно, и это можно отметить во многих песнях.

Один из выразительных примеров подобного рода – текст песни «Сетования невестки Жансоховых». При ее значительной популярности во всех известных вариантах сохранены основные опорные атрибуты, поэтому будет уместно обратиться к одной из записей, наиболее полных и безусловно вызывающих доверие в своей аутентичности [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 93–95, 200–202]. По преданию, а также по доступным нам историческим сведениям, возникновение песни связано с событием, действительно имевшим место в Кабарде первой половины XVII в., исчезновением княжеской ветви, ведущей начало от Жансоха Пшеапшоковича, который являлся младшим братом князя Кази и дядей Хатокшоко (Атажуко) Казиевича, родоначальника линии Атажукиных. По преданию, она была полностью истреблена, но после поголовного умерщвления всех мужчин жансоховского клана осталась одна невестка, беременность которой не была незамечена. Впоследствии она родила мальчика. При благоприятных обстоятельствах он мог бы в свое время стать продолжателем своей фамилии. В течение некоторого времени женщине удавалось скрывать сына от чужих глаз. Но приспешники князя Хатокшоко выследили мальчика и жестоко убили его. Это и нашло отражение в «Сетованиях...» зачинной формулой: *ТхэщIагъкIэ зэджэ мэзри ... зы мышхьэт, / И цхьэм цыхуарзэ бгъэжьри зы джэдыкIэт* [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 93] – (Лес, Тхашагским именуемый, <произрос> из одного дикого яблочка, / Над ним парящий орел могучий <появился> из одного <хрупкого> яйца). Заметим, что понятием «тхашагский лес» – именовались священные рощи, бывшие местом совершения религиозных ритуалов. Поэтому подобного рода массивы не вырубались, бывали густыми,

возраст некоторых растущих там деревьев мог исчисляться веками. Совершенно прозрачны в песне ассоциации между таким лесом и погибшим могучим родом Жансох, который, мог бы так же возродиться от одного этого мальчика, как от одного дикого яблочка произрос дремучий лес. Но с его гибелью была окончательно утеряна последняя надежда. Это лейтмотив песни. Однако здесь переплетены две тематические линии – гибель княжеского рода, мотив выражено социально-политический, и мотив утраты матерью единственного сына. Последнее привносит в произведение исторического, эпического масштаба глубокий лиризм. Характерный для поэтических текстов прием параллелизма образуется здесь упоминанием могучего орла, который тоже вышел из маленького яйца, хрупкая оболочка которого также напоминает о зыбкости надежд на сохранение беззащитного ребенка. Альтернативные понятия – *сила и слабость, многочисленность и единичность* – в совокупности создают поэтический образ бытия, в котором рядом сосуществуют явные противоположности. Таким образом, уже в зачине заложен основной пафос всей песни. И далее, в органическом сочетании социального и личного, тема гибели славного клана находит свое философское и эстетическое осмысление.

Одна из особенностей песен данного жанра – способность смены субъекта по ходу исполнения: начальная часть текста, зачин, дана от некоего нейтрального лица, автора или лирического героя, каковым могут быть и сам песнетворец, и певец-исполнитель как его субститут. Далее значительная часть текста подается от лица матери убитого мальчика, еще далее внушительный по объему фрагмент изложен в виде диалога между матерью и ее сыном. Однако то самое «третье лицо» периодически возникает в тексте. Скрепляет все части рефрен в форме прямой речи от имени матери: *Из Жансоховых единственный, в живых оставшийся, Куда тебя я дену?*. (перевод дан по изданию НПИНА, причем опущены ритмизирующие слова, не имеющие выраженной семантической функции [НПИНА 1996: 394–395]) Наконец, концовка вновь представляется как проклятие в адрес дворянина-урюка, который лично расправился с беззащитным ребенком. Довольно сложная система плана выражения еще более отягощена тем, что песня, сочиненная по канонам героической стилистики и формы, исполняется, во первых, в минорной тональности и, во вторых, несмотря на центральную фигуру матери, оплакивающей гибель своего сына, – мужским хором с мужчиной-запевалой. Это компенсирует обилие лирических элементов в поэтическом тексте и удерживает произведение в русле традиций героического песнетворчества. Ни тональность мелодии, ни исполнение песни мужским хором нисколько не противоречат доминирующей традиции, которая тем самым манифестирует высокую степень художественной условности, характерную для жанра. Но в данном случае это становится благоприятным обстоятельством для появления в тексте внушительного числа устойчивых сочетаний афористического характера, многие из которых можно признать полноправными паремиями. При всех других вариантных различиях в известных записях данной песни одной из их особенностей оказывается присутствие в середине текста диалога между матерью, которая после рефрена *«Из Жансоховых единственный, в живых оставшийся, Куда тебя я дену?»*, перечисляет фамилии тех, у кого она могла рассчитывать на надежную защиту. Сын в ответ дает свою оценку каждому из кланов, которые называются устами матери. Тем самым методом нанизывающей композиции перечисляются чуть ли не все наиболее знатные фамилии Большой Кабарды с их лаконичными характеристиками. Одни недостаточно родовиты, у других мужья послушны своим женам, третьи так немногочисленны, что будут не в состоянии защитить своих гостей. Каждая реплика, даваемая устами сына, предельно кратка, хотя никак не в ущерб образной выразительности, каждая отлита в устойчивую формулу, хотя не все реплики-оценки вошли в общефольклорный обиход за пределами данного эпического цикла. Из таковых здесь с уверенностью можно выделить следующие:

Мысостхэ я физ гуцэхэр я тецэжкэ, / Езы гуцэхэр пицы еру лъэпкыу ялуатэ –
У Мисостовых их жены верховодят, / А о них самих ходит слух как о жестоких князьях;

Тохутэмыщхэ я хьэццIэщыр гьуаниблкъэ, / Ар бзэдджэнаджиблым я кьуанIэц. –
У Тохтамышевых кунацкая о семи отверстиях, / И для семи нечистых она служит прибежищем;

Андзорхэ... Лакьуэрыгуихуэ цхьэкIэ лыгъэнищэц – Андзоровы хоть и полагаются на свою многочисленность, но мужества им недостает;

Къуэгуэуэкъуэхэ... закьуэрыгуихуэ цхьэкIэ лъэпкъ маццIэц – Коголкины – род мужественных одиночек, но малый числом.

В каждом из названных фрагментов налицо четкая ритмическая организация, богатая аллитерация, а в первых двух – двухчастная композиция с параллельными конструкциями. Сочетание поэтических приемов с меткостью характеристик обеспечивает устойчивым фрагментам из песни потенциально свободное употребление как в контексте другого жанра, так и в обыденной речи. Однако чтобы признать фразу паремией, видимо, справедливо будет учитывать, насколько она употребительна вне конкретного контекста. Если то или иное сочетание слов по сути окказионально, то есть, устойчиво присутствует лишь в вариантах одного произведения, вряд ли будет справедливо считать его паремией. В данном случае правомерно выделить некоторые словесные блоки, которые без существенных трансформаций вышли за пределы данного произведения. В рассматриваемой песне таковой не стала, например, формула-характеристика, относящаяся к роду Атажукиных, хотя именно его основатель, князь Хатокшоко, считается главным виновником трагедии; на репутации всей фамилии это не отразилось. Также не получило распространения за пределами песенного текста и не вполне позитивное отношение, выраженное в песне к другой княжеской ветви, Мисостовых. Как можно полагать, для выхода формулы за пределы того контекста, в котором он сформировался, недостаточно ни яркой образности, ни удачного звукового оформления. Требуется еще устойчиво сложившаяся репутация объекта высказывания.

Такая судьба досталась, например, негативной характеристике рода Тохтамыш: это одно из ответвлений родового древа князей от легендарного Инала. Однако и по фольклорным сведениям, и по историческим данным Тохтамышевы были в свое время лишены княжеского титула и низведены до статуса уорков первой степени. Видимо, этим небезосновательным фактом обусловлено и негативное отношение фольклорной памяти. Так, отмеченная выше характеристика этого рода приводится формулой в цикле «Братья Кушха», возникшем значительно позже. В предании о братьях Кушха фраза из рассматриваемой нами песни-сетования приводится как аргумент против представителей фамилии Тохтамышевых в их конфликте с Кушховыми [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 192–194]. Нельзя исключать, что данная песня была сочинена по заказу одной стороны, кушховской, и в идеологическом плане все-таки тенденциозна вопреки традиционному представлению о бесспорной истинности слова в песне. Данный факт можно понимать как признак усиления личностных предпочтений при сложении песни.

Свое основание имеется и для закрепления в народном сознании той характеристики, которая дана в песне роду Коголкиных. В народной памяти он известен своими поистине достойными воинами-рыцарями, о некоторых из них существуют отдельные сказания, в ряду которых многократно записанное предание под названием «Зло исходит из бычьего рога» (само оно – весьма распространенная паремия). Один из авторов настоящей статьи только в одной фольклорной экспедиции 1983 г. записал его трижды, причем в разных населенных пунктах; в следующем году была осуществлена еще одна запись [фонотека ИГИ КБНЦ РАН, магн. касс. 648-ф/3; 648-ф/4; 648-ф/5; 666-ф/3]. Содержание предания во всех вариантах сходно в одном: единственный представитель рода Коголкиных побеждает

семерых братьев Анзоровых, и это подтверждает характеристики, сформулированные в рассматриваемой нами песне – несколько сдержанную похвалу в отношении одних и негативную оценку других.

Можно бы в некоторых случаях поспорить по поводу того, насколько справедливо отзывается песня устами своего персонажа о тех или иных личностях или целых кланах. Так, фамилия Анзоровых известна в Кабарде как старинный дворянский род, имеющий свои бесспорные заслуги перед обществом. Но, как мы отмечали, характеристики могут быть в значительной мере пристрастными, и пафос песни определяется не только объективными обстоятельствами, а и личностным фактором. Песнетворец, как всякий автор, не всегда бывает лицом полностью нейтральным в своих оценках. Во первых, его позиция нередко зависит в немалой степени от источника «заказа» на создание произведения, вернее интересов «заказчика» или среды, которую он представляет. В случае с придворным или дружинным джегуако это может быть сам господин, он же предводитель войска в сражении, или вся его сторона. Но кроме того певец по призванию личность социально активная и имеющая свой собственный взгляд на явления, и это не исключает случаев, когда джегуако-песнетворец выступает как подлинный выразитель собственных убеждений, совпадающих с народными воззрениями. Однако в данном случае налицо ситуация, когда оценки лиц и целых фамилий устами героев песни могут быть как объективно справедливыми, так и тенденциозными. Во всяком случае, фактом остается то, что некоторые характеристики окказионального плана, обретя узуальность, вошли в общеязыковой фонд в ранге паремий.

Установление генезиса той или иной паремии фольклорного обихода – задача сложная, если вообще выполнимая. Однако можно полагать, что истоки отдельных языковых единиц данного рода резонно искать в художественном тесте любого фольклорного жанра, в нашем случае – песни. Так, например, судя по изложенным наблюдениям, «Сетования невестки...» можно признать основой возникновения формул-характеристик отдельных фамилий. Вероятно, в некоторых случаях в народе уже бытовали оценочные суждения – о ненадежности одних, доблести других и пр. – но смеем полагать, что выразительная формулировка, «кристаллизация», которая способствовала возникновению паремии, произошла при сложении песни или же позднее, в ходе ее устного бытования. Также и зачин, служащий посвящением слушателей в суть произведения, тоже своей окончательной формулировкой обязан поэту-песнетворцу: каждая из двух частей, образующих параллельную конструкцию, вполне могла существовать в виде свободно выражаемого умозаключения. Только в тексте песни два ключевых образа соединяются в одну стилистическую единицу, скрепленную мелодией, ритмом и аллитерацией.

Несколько иную картину, как можно полагать, представляет зачин другой песни, «Хасанш Шогемоко». Структурная организация ее текста опирается на так называемый подхват: слово или сочетание звуков стиха повторяется в начале последующего, и этим образуется цепь, связывающая его на смысловом и фонетическом уровнях.

Гугъэмрэ жеймрэ адэ шцІэиныфІт, / ФІым дыщыгугъыурэ, махуаер кьытцІозэрыхь, / Махуаер зыщІэзэрыхьыр хэт, жьыпІэмэ / Шэджэмокъуэ и къуэкІэ Хьэсаншц... [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 53–55, 183–184] – Надежда и сон – хорошее отцово наследие / На хорошее надеющихся, нас недобрый день настигает. / Недобрый день кого настиг, – это / Шогемоков сын Хасанш.

В приведенном фрагменте подчеркиванием выделены слова или звуковые комплексы, посредством повтора которых создается поэтический текст. Как очевидно, первый стих, представляющий собой паремию, весьма органично вписывается в общий широкий контекст. Также вся фраза удачно связывается и с содержанием песни: герой в одиночку напал на свадебную процессию в надежде отбить свою возлюбленную, однако сам погиб. Это дает основание полагать, что именно

песня стала истоком возникновения паремии. Однако и в данном случае мы не можем быть категорическими, так как само суждение настолько популярно, что нельзя исключать его более раннего, «автономного», возникновения.

Еще больше сомнений вызывает связь паремии с песенным контекстом в зачине песни «Братья Куденетовы». Она посвящена бесславному набегу шайки грабителей во главе с братьями и начинается формулой *Уэрэдыр фадэм кыыхокIыр, / ЗэхэжIыр губжыым кыыхах* [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 122–126, 217–219] – *Песня в напиток рождается, / Переделы во гневе происходят*. Данная двухчастная формула относится к числу наиболее устойчивых в речевом обиходе и прямого отношения к содержанию песни не имеет. Более вероятно, что она бытовала и до сложения песни о Куденетовых, и певец использовал ее отнюдь не для раскрытия темы, а для концентрации внимания; только два последующие стиха приближаются к содержанию песни, чтобы далее плавно перейти к основной теме.

Сделанными нами наблюдениями отнюдь не исчерпываются ни многообразие функций паремий в песенном тексте, ни варианты их возможного возникновения. Надеемся, что дальнейшие разыскания позволят пролить больше света на эти проблемы.

Список источников

Готов 1993 – *Готов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 207 с.

Готова 2011 – *Готова Л.А.* народная афористика в художественном контексте (сравнительный анализ на материалах адыгского, английского и русского языков). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2011. 130 с.

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов. // Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 656 с. С. 47–108.

Налоев 2011 – *Налоев З.М.* Институт джегуако. Нальчик: ООО Тетраграф, 2011. 408 с.

НПИНА 1996 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1996. 488 с.

Ногмов 1861 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1861. 182 с.

Пермяков 1970 – *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. М.: Наука, 1970. 243 с.

Саввина 1984 – *Саввина Е.Н.* О трансформациях клишированных выражений в речи // Паремиилогические исследования. М.: Наука, 1984. С. 200–222.

Ухов 1970 – *Ухов П.Д.* Атрибуции русских былин. М.: МГУ, 1970. 179 с.

Фонотека – Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, магн. касс. №№ 648-ф/3; 648-ф/4; 648-ф/5 663-ф/3.

References

GUTOV A.M. *Poe'tika i tipologiya ady'gskogo nart'skogo e'posa* [Poetics and typology of the Adyghe Nart epic]. Moscow: Nauka, 1993. 207 p.]. (In Russian)

GUTOVA L.A. *Narodnaya aforistika v xudozhestvennom kontekste (sravnitel'ny'j analiz na materialax ady'gskogo, anglijskogo i russkogo yazy'kov)* [Folk aphoristics in the artistic context (comparative analysis on the materials of Adyghe, English and Russian languages)]. Nalchik: IGI KBNTs RAS, 2011. 130 p. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Geroicheskie velichal'ny'e i plachevy'e pesni ady'gov* // Naloev Z.M. *E'tyudy' po istorii kul'tury' ady'gov* [Heroic majestic and lament songs of the Adygs. In: Naloev Z.M. *Etudes on the history of Adyghe culture*]. Nalchik: Elbrus, 2009. 656 p. P. 47–108. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Institut dzheguako* [Dzheguako Institute]. Nal'chik: Tetragraf, 2011. 408 p.

Narodny'e pesni i instrumental'ny'e naigry'shi ady'gov [Folk songs and instrumental naigry Adygs. Vol. III. Ch. 2.]: Moscow: Sovetskij kompozitor, 1996. 488 p. (In Russian and Circassian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya ady`xejskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardincev Shora-Bekmurzin-Nogmovy`m.* Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1861. 182 s. History of the Adyghe people, compiled from the legends of Kabardians by Shora-Bekmurzin-Nogmov]. Tiflis: Printing house of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1861. 182 p. (In Russian)

PERMYAKOV G.L. *Ot pogovorki do skazki: zametki po obshhej teorii klishe* [From proverb to fairy tale: notes on the general theory of clichés]. Moscow: Nauka, 1070. 243 p. (In Russian)

SAVVINA E.N. *O transformaciyax klishirovanny`x vy`razhenij v rechi // Paremiologicheskie issledovaniya.* [On transformations of clichéd expressions in speech. In: Paremiological studies. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 200–222. (In Russian)

УКHOV P.D. *Atribucii russkix by`lin* [Attributions of Russian bylinas]. Moscow: Moscow state State University, 1970. 179 p. (In Russian)

Phonoteka IGI KBNTs RAS, mag. cass. Nos. 648-f/3; 648-f/4; 648-f/5 663-f/3. (In Circassian).

Информация об авторах

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the authors

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector;

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 16.03.2024; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

IN MEMORIAM

УДК 811.512.142
DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-103-107

МИР ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ РОДНОГО ЯЗЫКА: АЛИЙ АДУЕВИЧ ЖАППУЕВ

Людмила Хамангериевна Махиева¹, Жаухар Магомедовна Локьяева²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ m.Luda_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

² lokyaeva.zh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

©Л.Х. Махиева, Ж.М. Локьяева, 2024

Аннотация. Статья посвящена известному языковеду-тюркологу А.А. Жаппуеву, долгие годы проработавшему в Институте гуманитарных исследований КБНЦ РАН. В 2023 г. ему исполнилось бы 85 лет. В круг исследовательских интересов ученого входили актуальные темы карачаево-балкарского языкознания, отличавшиеся теоретической новизной и практической востребованностью. А.А. Жаппуев – автор более 50 научных работ по проблемам лексикологии, грамматики, терминологии и лексикографии карачаево-балкарского языка. В их числе – признанные в научном и языковом сообществе лексикографические издания «Школьный русско-балкарский словарь», «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» (в трех томах), в которых ученый выступил в качестве редактора и одного из авторов и составителей. Его теоретические разработки, посвященные актуальным вопросам карачаево-балкарского языка, вошли в фундаментальный академический труд «Современный карачаево-балкарский язык» в двух частях.

В статье приводятся основные вехи жизни (биографические данные), сведения о его научной деятельности. Отмечается вклад ученого в развитие карачаево-балкарского языкознания.

Ключевые слова: А.А. Жаппуев, лингвист-тюрколог, карачаево-балкарское языкознание, грамматика, лексикология, лексикография, терминология

Для цитирования: Махиева Л.Х., Локьяева Ж.М. Мир человека в зеркале родного языка: Алий Адуевич Жаппуев // Вестник КБИГИ. 2024. № 1 (60). С. 103–107. DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-103-107

THE HUMAN'S WORLD IN THE MIRROR OF THE NATIVE LANGUAGE: ALIY ADUEVICH ZHAPPUEV

Lyudmila H. Makhieva¹, Zhauhar M. Lokyaeva²

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ m.Luda_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

² lokyaeva.zh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

©L.Kh. Makhieva, Zh.M. Lokyaeva, 2024

Abstract. The article is dedicated to the famous linguist-Turkologist A.A. Zhappuev, who worked for many years at the Institute of Humanitarian Research of the KBSC RAS. In 2023 he would have turned 85 years old. The scientist's research interests included current topics in Karachay-Balkar linguistics, which were distinguished by their theoretical novelty and practical relevance. A.A. Zhappuev is the author of more than 50 scientific works on the problems of lexicology, grammar, terminology and lexicography of the Karachay-Balkarian language. Among them are the lexicographic publications "School Russian-Balkar Dictionary", "Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language" (in three volumes), recognized in the scientific and linguistic community, in which the scientist acted as an editor and one of the authors and compilers. His theoretical developments devoted to current issues of the Karachay-Balkar language were included in the fundamental academic work "Modern Karachay-Balkar Language" in two parts.

The article provides the main milestones of his life (biographical data), information about his scientific activities. The scientist's contribution to the development of Karachay-Balkar linguistics is noted.

Keywords: A.A. Zhappuev, Turkic linguist, Karachay-Balkar linguistics, grammar, lexicology, lexicography, terminology

For citation: Makhieva L.Kh., Lokyaeva Zh.M. The human's world in the mirror of the native language: Aliy Aduевич Zhappuev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 1 (60): 103–107. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-1-60-103-107

Научный путь во все времена считался одним из самых трудных, требующих больших усилий и самоотдачи, но, несмотря на это, ступивший на нее человек, который любит свой народ и всегда думает о его завтрашнем дне, делает все для сохранения его духовной культуры во всем ее многообразии. Любовь к родному языку, беспокойство о его судьбе и о будущем своего этноса определили жизненный и профессиональный путь известного языковеда-тюрколога, кандидата филологических наук Алия Адуевича Жаппуева.

А.А. Жаппуев родился 18 декабря 1938 г. в с. Лашкута Баксанского района Кабардино-Балкарской АССР. Детство у него было тяжелое. Когда ему было 3 месяца, умерла его мать. Впоследствии ему пришлось испытать на себе все тяготы сиротской жизни. В годы репрессии он со своим отцом Аду, мачехой Кудаевой Радимхан, тремя братьями – Магомедом, Хажимуссой, Сайдуллахом, сестрой Аминат был выселен в г. Фрунзе Киргизской ССР. Детство, а также годы юности ученого прошли вдали от родины. В 1956 г. А.А. Жаппуев окончил Ново-Покровскую среднюю школу Кантского района Киргизской ССР.

В 1957 г., когда балкарский народ был реабилитирован, семья Жаппуевых вместе со всеми вернулась на Кавказ.

По возвращении на историческую родину он поступил в Карачаево-Черкесский педагогический институт, на филологический факультет. В 1959 г. перевелся в Кабардино-Балкарский государственный университет (КБГУ), который окончил в 1962 г. по специальности «Балкарский язык и литература, русский язык и литература».

После получения диплома об окончании университета Алий Адуевич прошел двухлетние курсы иностранных языков и вернулся в родное село. Имея на руках два диплома (по тем временам это было редкостью), а также владея теоретическими знаниями в области иностранных языков, он начал свою трудовую деятельность учителем немецкого, русского языков и русской литературы в средней школе с. Заюково Баксанского района КБАССР.

В 1963 г. А.А. Жаппуев перешел в Лашкутинскую среднюю школу учителем русского языка и литературы. Такие его черты, как эрудированность, высокая порядочность, отзывчивость, человеколюбие, профессионализм вызывали уважение как со стороны коллег, так и со стороны односельчан. Вскоре его назначили директором сельской школы с. Лашкута Баксанского района. Проработав несколько лет в этой должности, общаясь с учителями-словесниками и учениками, ведя уроки родного языка, он сумел оценить степень неисследованности карачаево-балкарского языка, решил поступить в аспирантуру и связать свою дальнейшую жизнь с

наукой. В своем начинании он нашел огромную поддержку со стороны старшего брата Хажимуссы, который оказал ему как материальную, так и моральную поддержку, за что ученый всю сознательную жизнь был ему бесконечно благодарен.

В 1970 г. А.А. Жаппуев поступил в очную аспирантуру сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР (г. Москва). За время учебы написал кандидатскую диссертацию по теме «Термины земледелия в карачаево-балкарском языке» и защитил ее в 1974 г. [Жаппуев 1974]. Частично материалы диссертационной работы нашли отражение в ряде последующих научных статей исследователя [Жаппуев 1979]. Но, к сожалению, в виде отдельной монографии она так и не была издана.

Алий Адуевич всегда считал годы учебы в аспирантуре Института языкознания АН СССР (1970–1973) самыми лучшими в своей жизни. Он много рассказывал об этом периоде, с особой благодарностью вспоминал своих педагогов – маститых тюркологов.

По окончании аспирантуры молодой ученый вернулся в родную республику и с февраля 1974 г. начал работать в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте (ныне – ИГИ КБНЦ РАН) старшим лаборантом, затем – младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником.

С 1984 г. по приглашению руководства Кабардино-Балкарского института усовершенствования учителей он перешел на должность заведующего кафедрой русского языка и литературы, где успешно проработал до 1989 г. А.А. Жаппуев никогда не терял связь с научно-исследовательским институтом, в котором работал ранее, и спустя несколько лет вернулся на должность старшего научного сотрудника сектора карачаево-балкарского языка. Затем с 1994 г. и до конца жизни (2005 г.) он заведовал этим научным подразделением. Здесь были созданы все его научные труды – более 50 работ, посвященных проблемам лексикологии, грамматики, терминологии и лексикографии карачаево-балкарского и других тюркских языков. Многие из них стали серьезным вкладом в карачаево-балкарское языкознание.

Особое научное значение и непреходящую ценность для духовной культуры народа имеют словари, созданные в конце XX – начале XXI вв. карачаево-балкарскими лингвистами. А.А. Жаппуев, совместно со своими коллегами – докторами филологических наук И.Х. Ахматовым, И.М. Отаровым, Ж.М. Гузеевым, М.З. Улаковым, кандидатами филологических наук Л.Ж. Жабеловой, Б.Т. Созаевым, Л.Х. Махиевой и др. – вложил много сил в составление и издание фундаментального труда «*Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю*» – «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» в трех томах (ТСКБЯ) [ТСКБЯ I 1996, ТСКБЯ II 2002, ТСКБЯ III 2005], где он был не только редактором, но и одним из авторов и составителей словарных статей. В словаре все лексемы снабжены иллюстративными примерами из художественных произведений, фольклорных материалов, газетных, журнальных текстов. Богатейшая картотека словаря, в создании которой принимал участие А.А. Жаппуев, и по сей день хранится в секторе карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН.

Как известно, в ТСКБЯ впервые были включены и слова-архаизмы, которые все реже употребляются в современном карачаево-балкарском языке. Алий Адуевич, будучи заведующим сектором карачаево-балкарского языка, всегда подчеркивал необходимость составления словаря архаизмов, который, к сожалению, и по сей день ожидает своего воплощения в жизнь. Приведем примеры некоторых архаичных слов, обозначенных впервые А.А. Жаппуевым в словаре: *гумук* – трамбовка, *гунт* – одно из названий одного из месяцев в балкарском календаре, *гутан* – блюдо, которое готовили в день первой борозды, *гүфра* – кузов арбы, *гыжай* – беззубый, *гиляу* – отверстие в земле, *гадий* – обманщик, *гюрбе* – зерноприемник мельницы. Здесь мы привели отдельные примеры архаичных слов на букву «г».

А.А. Жаппуев является одним из авторов «Школьного русско-балкарского словаря» [ШРБС 1992; ШРБС 1997], содержащего более 5000 наиболее употребительных слов современного русского языка. Учебный характер данного лексикографического труда проявляется как в отборе, так и в подаче языкового материала. При составлении словаря в основе русской части использован словник «Краткого толкового словаря» под редакцией В.В. Розановой [Розанова 1987]. В русской части слов даётся развернутая грамматическая характеристика и приводятся наиболее распространенные словосочетания. К словарю приложен краткий очерк, содержащий сведения о русской фонетике и морфологии (на балкарском языке). Работа была рассчитана на носителей балкарского языка, изучающих русский язык, а также преподавателей и школьников в качестве учебного пособия при работе над лексикой и грамматикой.

Наряду с лексикографической работой А.А. Жаппуев уделял большое внимание изучению актуальных вопросов грамматики карачаево-балкарского языка. Исследования ученого, посвященные глагольной системе, и в настоящее время не потеряли своей актуальности. Так, разработанные А.А. Жаппуевым разделы «Причастие», «Деепричастие», «Имя действия», «Инфинитив», где рассматриваются синтагматические признаки и формально-грамматические показатели некоторых конструкций различной сложности (свободных и устойчивых словосочетаний, идиом фразеологического типа и т.д.), включены (в соавторстве) во вторую часть академического труда «Современный карачаево-балкарский язык» [СКБЯ II 2018]. Исследователь впервые обозначил отличительные особенности приведенных конструкций карачаево-балкарского языка в сопоставлении с другими тюркскими языками. Так, он обратил внимание на неличные функциональные формы глагола, к которым относится инфинитив, выражаемый аффиксом *-(ы)ргъа/ -(и)рге, -(-)ргъа/ -(ю)рге*.

Талантливый ученый крайне ответственно относился к своей работе. До последних дней своей жизни он разрабатывал самые актуальные вопросы национальной филологии. Последним, так и не завершенным его исследованием стал монографический труд «Семантика глаголов движения в карачаево-балкарском языке».

К великому сожалению, Алий Адуевич Жаппуев рано ушел из жизни, но успел вписать свою страницу в тюркологическую науку. Его имя занимает в истории карачаево-балкарского языкознания одно из почетных мест.

Память о талантливом ученом сильнее смерти. Алий Адуевич навсегда останется в сердцах благодарных коллег, друзей как высококультурный представитель своего народа, отзывчивый наставник, человек с открытой и чистой душой.

Список источников

Жаппуев 1974 – *Жаппуев А.А.* Термины земледелия в карачаево-балкарском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1974. 30 с.

Жаппуев 1979 – *Жаппуев А.А.* Заимствования и общетюркские сельскохозяйственные термины в карачаево-балкарском языке // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Вып. I. Нальчик: Кабардино-Балкарский ордена «Знака почета» ИИФИА при совете министров КБАССР, 1979. 160 с.

Розанова 1987 – *Розанова В.В.* Краткий словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 225 с.

Современный... 2018 – Современный карачаево-балкарский язык. Ч. 2. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 480 с.

ТСКБЯ 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 б. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х томах. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.)

ТСКБЯ 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю. Ючтомлукъ. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1172 б. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1172 с.).

ТСКБЯ 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю. Ючтомлукъ. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1159 б. (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1159 с.).

ШРБС 1992 – Школьный русско-балкарский словарь. Нальчик: Эльбрус, 1992. 288 с.

ШРБС 1997 – Школьный русско-балкарский словарь / У.А. Жулабов, А.А. Жаппуев, И.М. Отаров, М.З. Улаков. Нальчик: Эльбрус, 1997. 397 с.

References

ZHAPPUEV A.A. *Terminy zemledeliya v karachaevo-balkarskom yazyke* [Terms of agriculture in the Karachay-Balkarian language]: abstract of the dissertation ... candidate of philological sciences. Frunze, 1974. 30 p. (In Russian)

ZHAPPUEV A.A. *Zaimstvovaniya i obshchetyrskskie zemledel'cheskie terminy v karachaevo-balkarskom yazyke* [Borrowings and common Turkic agricultural terms in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Teoreticheskie problemy karachaevo-balkarskogo yazyka* [Theoretical problems of the Karachay-Balkarian language]. Vol. I. Nalchik: Kabardino-Balkarian Order of the «Badge of Honor» IIFHE under the Council of Ministers of the KBASSR, 1979. 160 p. (In Russian)

ROZANOVA V.V. *Kratkij slovar' russkogo yazyka* [Brief dictionary of the Russian language]. Moscow: Russian language, 1987. 225 p. (In Russian)

Sovremennyy karachaevo-balkarskij yazyk [Modern Karachay-Balkarian language]. Part 2. Nalchik: LLC «Printing Yard», 2018. 480 p. (In Russian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. I. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. II. Z–R. Nalchik: El-Fa, 2002. 1171 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. III. S–Ya. Nalchik: El-Fa, 2005. 1159 p. (In Karachay-Balkarian)

Shkol'nyj russko-balkarskij slovar' [School Russian-Balkarian dictionary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 288 p. (In Russian and in Karachay-Balkarian)

Shkol'nyj russko-balkarskij slovar' [School Russian-Balkarian dictionary] / U.A. Zhulabov, A.A. Zhappuev, I.M. Otarov, M.Z. Ulakov. Nalchik: Elbrus, 1997. 397 p. (In Russian and in Karachay-Balkarian)

Информация об авторах

Л.Х. Махиева – кандидат филологических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка;

Ж.М. Локьяева – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the authors

L.Kh. Makhieva – Candidate of Science (Philology), Deputy Director, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language;

Zh.M. Lokyaeva – Junior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «**Ключевые слова:**» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКНКА [АБКНКА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
10

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 297

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*